

XXVIII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«УНИВЕРСУМ
ПЛАТОНОВСКОЙ
МЫСЛИ»:
«ПЛАТОН И РИТОРИКА»

Санкт-Петербург, 25–26 июня 2020 г.

INTERREGIONAL ORGANIZATION
"RUSSIAN PLATONIC PHILOSOPHICAL SOCIETY"

The Herzen State Pedagogical University of Russia

VES PUBLISHING

28TH INTERNATIONAL CONFERENCE
«THE UNIVERSE OF PLATONIC THOUGHT»:
«Plato and Rhetoric»

Saint Petersburg
25–26 June 2020

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ПЛАТОНОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Издательская группа «Весь»

XXVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:
«Платон и риторика»

Тезисы докладов

Санкт-Петербург, 25–26 июня 2020 г.

Санкт-Петербург

2020

Организационный комитет конференции:

Председатель организационного комитета: Светлов Роман Викторович,
доктор филос. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена

Заместитель председателя организационного комитета: Christov Ivan,
PhD, professor Sofia University «St. Kliment Ohridski»

Члены организационного комитета: Melina Musala, PhD, Assistant Professor,
University of Patras; Tiziana Andina, Dr., professor, University of Turin, Italy;
Thomas Robinson, Emeritus Professor, University of Toronto; Степанова Анна
Сергеевна, доктор филос. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена;
Протопопова Ирина Александровна, кандидат культурологии, ведущий
научный сотрудник РГГУ; Тантлевский Игорь Романович, доктор филос. наук,
профессор СПбГУ; Аванесов Сергей Сергеевич, доктор филос. наук,
профессор Новгородского гос. университета им. Ярослава Мудрого;
Литвин Татьяна Валерьевна, кандидат филос. наук, доцент РХГА

Программный комитет конференции:

Председатель программного комитета: Шмонин Дмитрий Викторович,
доктор филос. наук, профессор, РГПУ им. А.И. Герцена.

Заместитель председателя программного комитета: Курдыбайло Дмитрий
Сергеевич, кандидат филос. наук, старший научный сотрудник РГПУ
им. А.И. Герцена, научный сотрудник РХГА.

Программный комитет: Афонасин Евгений Васильевич, доктор философских
наук, профессор Новосибирского государственного университета;
Алымова Елена Валентиновна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ;
Мочалова Ирина Николаевна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ

XXVIII международная научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платон и риторика». Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 25–26 июня 2020 г. — СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2020. — 234 с. ISBN 978-5-6043772-7-7

Настоящий сборник включает тезисы докладов XXVIII международной конференции «Универсум Платоновской мысли: Платон и риторика» состоявшейся 25–26 июня 2020 г.

© Коллектив авторов, 2020

© МОО «Платоновское философское общество», 2020

© Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена, 2020

© Издательская группа «Весь», 2020

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ГЛУХОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, кандидат философских наук;
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (Москва, Россия), доцент

ГЛАВНЫЕ ВИДЫ РЕЧИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СОКРАТА, ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

Классическая философия служит историческим примером самостоятельной осмысленной ориентации в реальности, на основе владения не просто речью, но двумя главными видами речи, «своей» и «общей». В докладе представляются два главных вида человеческой речи, дается их структурное описание, прослеживается связь классического способа ориентации с софистическим, а также проясняются отношения в треугольнике «речь — смысл — власть».

Ключевые слова: главные виды речи, своя речь, общая речь, благо, справедливое, классическая философия

Классическая и современная философия ставят и решают, по сути, одинаковую проблему: как самостоятельно и осмысленно ориентироваться в реальности, как найти себя в общем мире? В истории эта проблема сохраняется как некий инвариант, меняются только ее формулировки. После 2016 года она упоминается в связи с наступлением «эпохи Постправды». Но она проявила себя гораздо раньше и была прекрасно известна так называемым «классическим» философам Древней Греции — Сократу, Платону, Аристотелю. Предшествующее им

по времени софистическое движение превратило эту проблему в острейший интеллектуальный вызов. Успех классической философии состоял в том, что ей удалось эту проблему, наконец, поставить с предельной ясностью, а также предложить ее образцовые решения. Успех этот стал историческим, поскольку на тысячелетия, вплоть до сегодняшнего дня, он остается надежным ориентиром для самостоятельного обнаружения своего места в мире.

В докладе я покажу, что именно отличает классическую философию, делая ее именно «классической», то есть достигающей самообладания и прозрачности в самом важном. Для этого потребуется ввести некоторые понятия, которые могут показаться непривычными, например, «главные виды речи» и «первые вещи» человеческой речи, а также, возможно, придется изменить свое отношение к таким повседневным темам, как «речь», «смысл», «власть». В центре внимания будут диалог Платона «Горгий», а также общеизвестные пассажи из «Никомаховой этики» и «Политики» Аристотеля.

Мои результаты сводятся к следующему. Самостоятельная осмысленная ориентация в реальности достигается в классической философии благодаря владению двумя главными видами речи — своей и общей, которые связаны соответственно с двумя «первыми вещами» человеческой речи, своим благом и справедливостью, а также с двумя главными видами общения, свойским и общезначимым. Главные виды речи различимы между собой прежде всего по смыслу, но также, во вторую очередь, по таким критериям, как вид общения, стиль, вид логической связи и критерий истинности или успеха, благодаря чему их можно замечать их использование в устных и письменных высказываниях. Ориентирующим инвариантом, сохраняющимся в истории сквозь самые драматические перемены, оказывается в итоге не какое-то частное и локальное решение, но сама классическая проблема несоизмеримости своего и общего, поставить и прояснить которую позволяет владение главными видами речи.

ALEXEI GLOUKHOV, CSc in Philosophy; National
Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia), Associate Professor

MAIN KINDS OF SPEECH IN THE CLASSICAL PHILOSOPHY OF SOCRATES, PLATO, AND ARISTOTLE

Classical philosophy achieved, what we may call, an autonomous meaningful orientation in reality, based on possessing not simply speech, but two main kinds of speech, “proper speech” and “common speech.” I will present and describe the main kinds of speech; I will explain how classical philosophy appropriated sophistic legacy, and touch on the relations between speech, meaning, and power.

Keywords: main kinds of speech, proper language, common language, good, just, classical philosophy

ШЕВЦОВ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ, доктор философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации (Санкт-Петербург, Россия), профессор

СОКРАТ И ЗОЛОТОЙ ВЕК*

Отправной точкой является тезис о Сократе как соавторе Платона, поскольку именно его смерть ставит вопрос, на который Платон пытается дать ответ в течение всей своей жизни. Этот вопрос можно сформулировать так: что позволило Сократу без всяких сомнений и колебаний отдать свою жизнь? Решимость на смерть оказывается своего рода перформативным жестом, учреждающим свой порядок значений, и условием истинности или действительности этих значений является сам Сократ как человек иного порядка существования, эпохи Кроноса, который в диалогах Платона, помимо роли учителя, исследователя, мыслителя, приобретает статус свидетеля, несущего в себе самом приметы того, о чем он свидетельствует.

Ключевые слова: Сократ, Платон, век Кроноса, эленктика, диалектика

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00371 А «Парадигмальные «заблуждения» и их влияние на культуру и общество».

KONSTANTIN SHEVTSOV, DSc in Philosophy; St
Petersburg State University of Civil Aviation
(Saint Petersburg, Russia), Professor

SOCRATES AND THE GOLDEN AGE*

The starting point is the thesis of Socrates as a co-author of Plato, since it is his death that poses the question that Plato has been trying to answer throughout his life. This question can be formulated as follows: what allowed Socrates to give his life without any doubts and hesitation? Decision on death turns out to be a kind of performative gesture, establishing its own order of meanings, and the condition of the truth or validity of these meanings is Socrates himself as a person of a different order of existence, the era of Kronos, who in the dialogues of Plato, in addition to the role of teacher, researcher, thinker, acquires the status of a witness, bearing in itself the signs of what he testifies.

Keywords: Socrates, Plato, the age of Kronos, elenctics, dialectics

ПРОТОПОПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат культурологии, доцент; Платоновский исследовательский научный центр (Москва, Россия), руководитель; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

СОКРАТ КАК «СУЩНОСТЬ» И «МЕТОД»: АПОРИЯ, ЭЛЕНХОС, ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ**

В докладе Сократ рассматривается не как персонаж, а как «прием», с помощью которого Платон показывает продвижение сознания через этапы, описанные, в частности, в «разделенной линии» (R. 509-511). Благодаря фигуре Сократа сначала реализуются *эленхос* и *апория*, а затем

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00371 “Paradigmatic ‘errors’ and their impact on culture and society.”

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

и следующая ступень, трансцендирование. Это связано с двумя родами: «само по себе» (τὰ αὐτὰ καθ' αὐτά) и «относительно иного» (πρὸς τὰ ἄλλα). Я интерпретирую образ Сократа, обращаясь к этим двум родам, и показываю философскую функцию его «притворства», «гибриса» и «мистагогии».

Ключевые слова: Сократ, эленхос, апория, трансцендирование, τὰ αὐτὰ καθ' αὐτά, τὰ πρὸς ἄλλα

В докладе платоновский Сократ рассматривается не как персонаж, а как «прием», с помощью которого Платон показывает продвижение сознания по ступеням, описанным, в частности, в «разделенной Линии» (R. 509–511). Сначала я показываю, как через фигуру Сократа реализуются эленхос и апория: благодаря испытанию собеседники, включая самого Сократа, попадают в тупик, относящийся не только к предмету вопрошания, но и к самим вопрошающим. Негативность, требующая дальнейших разысканий, приводит к необходимости выхода за пределы любых образов и мнений как о предмете, так и о воспринимающем: это трансцендирование, переход к ἐλέγεῖν. В этом контексте я рассматриваю парадоксальность описаний «самого по себе» (Smp. 211–212, Phdr. 247), которое оказывается, с одной стороны, неким аналогом «ничто», с другой — способно каким-то образом восприниматься. Это связано с двумя важнейшими родами сущего: «само по себе» (τὰ αὐτὰ καθ' αὐτά) и «относительно иного» (τὰ πρὸς ἄλλα) (Sph. 255c), и я анализирую их роль в нескольких диалогах Платона («Федон», «Пир», «Федр»). Через отнесение к этим двум родам я интерпретирую образ Сократа в названных диалогах как «трансцендентного», связанного с τὰ αὐτὰ καθ' αὐτά, и «трансцендирующего», связанного с τὰ πρὸς ἄλλα, и демонстрирую философскую функцию его «иронии» и «гибризма» (напр., Сократ как Эрот и как «ничто» в «Пире»). На мой взгляд, Сократ в противоречащих ролях—образная реализация философской концепции, в которой «само по себе» и «иное» обосновываются как необходимое единство противоположностей в качестве модусов ума и сущего.

IRINA ALEKSANDROVNA PROTOPOPOVA, CSc in Culturology,
Associate Professor; Platonic Research Center (Moscow,
Russia), Head; Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Major Research Fellow

SOCRATES AS 'ESSENCE' AND 'METHOD': AN ELENCHOS, APORIA AND TRANSCENDENCE*

In the report, Socrates is considered not as a character, but as a “method” by which Plato shows the progress of consciousness through the stages described, in particular, in the “divided line” (R.509-511). Thanks to the figure of Socrates, the author is able to actualize first elenchos and aporia, and at the next stage, a transcendence. This is connected with two genera, τὰ αὐτὰ καθ' αὐτά and τὰ δὲ πρὸς ἄλλα. I interpret the image of Socrates by referring to these two genera, and show the philosophical function of his “pretence,” “hybris” and “mystagogia.”

Keywords: Socrates, *elenchos*, *aporia*, transcendence, τὰ αὐτὰ καθ' αὐτά, τὰ πρὸς ἄλλα

Вольф Марина Николаевна, доктор философских
наук, доцент; Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии
наук (Новосибирск, Россия), директор

ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПЛАТОНА: СТОИТ ЛИ ВОЗОБНОВЛЯТЬ ДИСКУССИЮ?*

Дискуссии по поводу метода гипотез у Платона строились вокруг «стандартного набора» диалогов, в которых Платон использует этот метод наиболее показательно — *Менон*, *Федон* и *Государство*. *Парменид* из этого списка исключался, поскольку, хотя его содержание и строится вокруг гипотез, используемый в нем метод отличен от

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00968 “Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures.”

** Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

методов в указанных диалогах. Тем не менее, по своему характеру и по поисковым задачам указанные методы в диалогах схожи. Признание Парменида Элейца прямым прототипом платоновского Парменида и переложение принципов гипотетического метода на доказательство Парменида Элейца позволяет соотнести оба метода (исторического Парменида и Платона) и прояснить вопрос о гипотетическом методе в одноименном диалоге.

Ключевые слова: метод гипотез, диалог Парменид, Парменид Элейский

Можно сформулировать блок проблем, связанный с пониманием гипотетического метода у Платона: 1) структура рассуждения с использованием ГМ и направление аргументации, 2) направлены ли гипотезы на установление собственной истины или истины чего-то еще, 3) зависит ли ГМ от успехов геометрии или наоборот, математика использует предложенный философами метод.

Дискуссии по поводу ГМ у Платона так и не вышли за рамки «стандартного набора» диалогов, где Платон использует этот метод наиболее показательно — *Менон*, *Федон*, *Государство*. На сегодняшний день можно назвать три наиболее влиятельных интерпретации ГМ — Р. Робинсона, С. Скольникова, В. Карасманиса. Не так давно к ним присоединился Э. Родригес, который попытался сформулировать концепцию «семейства методов Платона», куда включить ГМ и на этом основании показать, что метод, используемый в *Пармениде* с некоторыми оговорками может быть причислен к ГМ в рамках *семейства*. Несмотря на разногласия между исследователями ГМ, можно сформулировать положения, по которым устанавливается консенсус относительно этого метода. ГМ создавался под конкретную задачу познания неизвестного, что сопровождается некоторой проблемой, также для тех случаев, когда поиск неизвестного осуществляется на основании гипотезы, которая, в свою очередь, недоказуема, непроверяема и не самоочевидна. Можно показать, что истоки ГМ коренятся в доказательстве знаков сущего Парменида в В 8.1–52 DK и мы реконструируем 3 гипотезы Парменида по схеме, которая

используется в *Меноне* и *Федоне*, демонстрирующей переход от низших гипотез к высшей, в соответствии со схемой гипотетического рассуждения у Платона. Оно предполагает доказательство в обе стороны: «путь вверх», или гипотетический путь позволяет находить такие суждения, которые могли бы играть роль предпосылок для каждого его шага; «путь вниз», или дедуктивный путь, позволяет двигаться в классическом направлении, от посылок к следствию. Все рассуждение строится не на первых принципах, а наоборот, идет к ним: первые принципы обнаруживаются в процессе доказательства. Мы полагаем, что тот способ гипотетического «доказательства», который предлагает Парменид Элеец в своей поэме, имеет прямые пересечения с той процедурой, которую демонстрирует платоновский Парменид. Этот момент позволяет прояснить вопрос о ГМ в *Пармениде*.

Делается вывод, что нельзя считать дискуссии о гипотетическом методе тупиковыми или исчерпавшими себя, и если мы намерены понять, как эволюционирует античная эпистемология и в частности вопрос о методе философского поиска неизвестных (в особенности, только ментально существующих объектов), то обойти вопрос о гипотетическом методе не получится.

MARINA VOLF, DSc in Philosophy, Associate Professor; Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Director

THE HYPOTHETICAL METHOD IN PLATO: IS A DISCUSSION USEFUL?*

Discussions about the method of hypotheses in Plato based on a “standard set” of dialogues where Plato used this method in the most representative way — *Meno*, *Phaedo*, and *Republic*. *Parmenides* was excluded from this list because, although its content is built on the hypotheses, the method used in it differed from the methods in the named dialogs.

* The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project No 19-18-00128.

Nevertheless, their format and inquiry's tasks, the methods in all of these dialogs are similar. The recognition Parmenides of Elea as a direct prototype for Parmenides of Plato and the transfer of the principles of the hypothetical method to the Parmenidean' proof in B 8.1–52 DK allows us to relate both methods (of historical Parmenides and Plato) and clarify the question of the hypothetical method in the Parmenides.

Keywords: the method of hypotheses, *Parmenides*, Parmenides of Elea

СЕКЦИЯ 1: «РИТОРИКА, ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАНИЕ»

ПЕТРУЧЧАНИ СТЕФАНО, кандидат философских наук, профессор;
University La Sapienza (Рим, Италия), профессор

THE SPEECH OF TRASYMACHUS AND THE QUESTION OF POLITICAL REALISM

The aim of the presentation is to investigate the sense of the famous speech of Trasymachus in the first Book of Plato's Politeia and to put this speech in relation with the question of political realism, as it was defended by Tukidides, Machiavelli, etc.

Ключевые слова: Political realism, Justice, Trasymachus, Plato, Politeia

STEFANO PETRUCCIANI, CSc in Philosophy, Professor;
University La sapienza (Rome, Italy), Professor

THE SPEECH OF TRASYMACHUS AND THE QUESTION OF POLITICAL REALISM

The aim of the presentation is to investigate the sense of the famous speech of Trasymachus in the first Book of Plato's Politeia and to put this speech in relation with the

question of political realism, as it was defended by Tukidides, Machiavelli, etc.

Keywords: Political realism, Justice, Trasymachus, Plato, Politeia

КАПИЛУПИ СТЕФАНО МАРИЯ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), заведующий отделением итальянского языка и культуры; Римский университет «Ла Сапьенца» (Рим, Италия), Научный консультант кафедры политической философии; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), доцент философии Гуманитарного института

ДОВЕРИЕ К СЛОВУ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ СЧАСТЬЯ ОТ ГОРГИЯ ДО ПЛАТОНА

Греческое мышление особенно *конкретно*, потому что, так или иначе, оно связано с тем, *что* можно и *что* нельзя видеть *всем*, как внешним, так и внутренним путем. Сегодняшний менталитет иной: его можно сравнить с медалью о двух сторонах. Одна сторона — это крайний субъективизм, существенно отличающийся от субъективизма софиста Протагора, который искал то, что полезно городу через общее обсуждение индивидуальных представлений о полезном. Современный же субъективист обсуждать ничего не желает: ему *интересно* только то, что видит он, а не другие. Но самое главное, что он не видит смысла даже в самом обсуждении. С этим связан и современный нигилизм, в то время как нельзя говорить, что у софиста Горгия *ничего* не оставалось после отрицания *Архэ*: оставались — опять *на виду для всех* — слова, и они были прекрасными и полезными. Другая сторона современного менталитета — это крайний абстракционизм, где понятия оказываются весьма далекими и незримыми. Однако современная «страсть» к визуализации может потенциально оказаться и продуктивным путем нового откровения глубочайшей

диалектики зримого и незримого как в дидактике, так и в науке. Античное доверие к слову — это также доверие к тому, что слово может всем показывать и указывать путь и надежду к общему счастью. *Словесный* педагогический и политический путь к счастью Полиса представляется в докладе с точки зрения как зарождения и эволюции этого пути, так и его актуальности.

Ключевые слова: Мышление, слово, видение, путь, политика, полис, счастье, канон, диалог, Горгий, Сократ, Платон, Протагор

STEFANO MARIA CAPILUPI, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Head of Italian studies department; University of Rome 'La Sapienza' (Rome, Italy), Subject Expert at the Chair of Political Philosophy; Peter the Great St Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor of Philosophy of Institute for the Humanities

TRUST IN THE WORD AS A POLITICAL AND PEDAGOGICAL PATH TO HAPPINESS, FROM GORGIAS TO PLATO

Greek thought is particularly *concrete* because, in one way or another, it is connected with *what* can or cannot be seen by *everyone*, both externally and internally. Today's mindset is different: it can be compared with a two-sided medal. One side of it is the extreme subjectivity that differs significantly from the subjectivity of the sophist Protagoras who was searching for what was useful to the city through a general discussion of individual ideas on the utility. Modern subjectivists, however, do not want to discuss anything: they are only interested in what *they* can see, and not what others can. But most importantly, they see no point in the discussion itself: that is what brings it together with today's nihilism. On the contrary, we cannot say that the sophist Gorgias had *nothing* left after the denial of *Arche*: words withstood, open to common view again, and they were beautiful and useful. The other side of the modern mindset is the extreme abstractionism when concepts turn out to be very distant and

conceptual. However, the modern passion for visualization might potentially prove to be a productive way to a new revelation of the deepest dialectics of the visible and the invisible in both didactics and science. The antique trust in the word is also the belief in the fact that the word can show and indicate to everyone a path to and a hope for the common happiness. Our report discusses this *verbal* pedagogical and political path to the happiness of the polis both in terms of birth and evolution of this path, as well as of its relevance.

Keywords: Thought, word, vision, path, politics, polis, happiness, canon, dialogue, Gorgias, Socrates, Plato, Protagoras

ЛИСАНЮК ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, доктор философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ПЛАТОН VS АРИСТОТЕЛЬ О ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ*

Платон и Аристотель придерживались разных взглядов на рассудительность человека. Платон считал ее разновидностью потенциального знания, которое может быть получено, поэтому он не проводил границы между делиберативным рассуждением о действиях и теоретической аргументацией об истинности того или иного предложения и основывал и то и другое на знании об истине. В рассудительности Аристотель видел интеллектуальную добродетель разумно обоснованного поведения, лежащую в основании делиберативной аргументации о действиях, формирующей правильное стремление, или деятельную мысль. В отличие от правильного стремления, направленного к будущим поступкам, демонстративное умозаключение об истинности предложений есть чистая вневременная мысль о сущем, нацеленная на доказательство или опровержение. Различие взглядов Платона и Аристотеля мы иллюстрируем на примере спора Протагора и Евтатла

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00485.

о плате за обучение, источником которого стал отказ судей принять решение в пользу одной из сторон. Судьи поступили правильно, согласно платоновскому пониманию рассудительности, и неправильно — согласно аристотелевской ее трактовке.

Ключевые слова: аргументация о действиях, практическое рассуждение, схемы аргументации, рассудительность, Аристотель, Платон

Делиберативная, или практическая, аргументация нацелена дать обоснование по вопросу, что нужно делать в данной ситуации, в отличие от теоретической аргументации, дающей обоснование истинности какого-либо предложения. Аристотель первым провел границу между демонстративным, или теоретическим, рассуждением, наиболее известной разновидностью которого является простой категорический силлогизм, и рассуждением практическим, в котором воплощается добродетель рассудительности — способность разумных людей строить обоснованное практическое рассуждение, занимающее промежуточное положение между мыслью и действием. В «Никомаховой этике» Аристотель сформулировал основную схему делиберативного аргумента — к последствиям и предпринял попытку разграничить принятие решения как поступок и делиберативный аргумент как его обоснование.

Платон не проводил границы между принятием решения и рассуждением, и те и другие должны корениться в знании норм и ценностей (Хармид, Протагор), поэтому он уподоблял обоснованность решения истинному заключению. В отличие от этого аристотелевское учение о практическом рассуждении настаивает на неустранимом водоразделе между ними, вытекающем из особенностей интеллектуальной души. Платон и Аристотель придерживались разных взглядов на рассудительность человека. Платон считал ее разновидностью потенциального знания, которое может быть получено, поэтому он не проводил границы между делиберативным рассуждением о действиях и теоретической аргументацией

об истинности того или иного предложения и основывал и то и другое на знании об истине. В рассудительности Аристотель видел интеллектуальную добродетель разумно обоснованного поведения, лежащую в основании делиберативной аргументации о действиях, формирующей правильное стремление, или деятельную мысль. В отличие от правильного стремления, направленного к будущим поступкам, демонстративное умозаключение об истинности предложений есть чистая вневременная мысль о сущем, нацеленная на доказательство или опровержение.

Различие взглядов Платона и Аристотеля мы иллюстрируем на примере спора Протагора и Еватла о плате за обучение, источником которого стал отказ судей принять решение в пользу одной из сторон. Судьи поступили правильно, согласно платоновскому пониманию рассудительности, и неправильно — согласно аристотелевской ее трактовке.

ELENA LISANYUK, DSc in Philosophy, Associate
Professor; St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Professor

PLATO VS ARISTOTLE ON DELIBERATIVE ARGUMENTATION*

Plato and Aristotle held different views on human reasonableness. Plato considered it a kind of potential knowledge that can be obtained, so he did not draw a line between a deliberative justification of actions and a theoretical argument about the truth of a proposition and based both on knowledge of the truth. Unlike Plato, Aristotle treated reasonableness as an intellectual virtue of well-grounded behavior, which provides the basis of deliberative argumentation about actions in what regards its forms the correct aspiration, or actional thought. In contrast to the correct aspiration directed towards future actions, the demonstrative argument about the truth of a proposition is a pure timeless thought about the existence, aimed at proving or refuting.

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00485.

We illustrate the difference of views of Plato and Aristotle on the deliberative argumentation with the example of the dispute between Protagoras and Euathlus about Euathlus's tuition fee, originated in the refusal of judges to decide the case in favor of one of the parties. The judges' refuse is the right thing, according to the Plato's understanding of deliberative argument and reasonableness, and the wrong thing — according to their Aristotelian interpretation.

Keywords: argumentation about actions, practical reasoning, argumentation schemes, phronesis, Aristotle, Plato

Deliberative, or practical, argumentation aims to justify what should be done in a given situation, in contrast to theoretical argumentation that provides a justification for the truth of a proposition. Aristotle was the first to discriminate between demonstrative, or theoretical, reasoning, a well-known example of which is the categorical syllogism, and practical reasoning, which embodies the virtue of reasoning — the ability of intelligent people to formulate grounded practical reasoning, which occupies an intermediate position between thought and action. In *Nicomachean Ethics*, Aristotle employed the basic scheme of a deliberative argument — to the consequences and attempted to distinguish between decision making as an act and deliberative argument as its justification.

Plato did not distinguish between decision making and reasoning. He rooted good decisions in knowledge of norms and values (Harmid, Protagoras) and likened the validity of the decision to a true conclusion. In contrast to Plato, Aristotle in his doctrine of practical reasoning insisted on a strict distinction between them, arising from the characteristics of the intellectual soul. Plato and Aristotle held different views on human reasonableness. Plato considered it a kind of potential knowledge that can be obtained, so he did not draw a line between a deliberative justification of actions and a theoretical argument about the truth of a proposition and based both on knowledge of the truth. Unlike Plato, Aristotle treated reasonableness as an intellectual virtue of well-grounded behavior, which provides the basis of deliberative argumentation about actions in what regards its forms the correct aspiration, or actional thought. In contrast to the correct aspiration directed towards

future actions, the demonstrative argument about the truth of a proposition is a pure timeless thought about the existence, aimed at proving or refuting. We illustrate the difference of views of Plato and Aristotle on the deliberative argumentation with the example of the dispute between Protagoras and Euathlus about Euathlus's tuition fee, originated in the refusal of judges to decide the case. The judges rightly refused rightly, according to the Plato's understanding of deliberative argument and reasonableness, and the wrong thing — according to their Aristotelian interpretation.

РОМАНЕНКО ИННА БОРИСОВНА, доктор философских наук, профессор; Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ПАЙДЕЙЕ*

В условиях крупных социальных потрясений, связанных с разрушением полисного правления и расширением привычных для греческого сознания границ такие философские традиции, как эпикуреизм, стоицизм, скептицизм, кинизм (позднее неоплатонизм), не смотря на различное понимание человека, его образования и предназначения, вместе с тем были определены единым контекстом античной культуры. Эллинистическая философия рассматривает сложный комплекс проблем (физических, логических, этических и т.п.), специфика и единство которых определены потребностью распространения этого мировоззрения посредством отработки методов преподавания через систему предназначенных для реализации этих целей институтов. Поэтому говорить о расширении сферы деятельности эллинистических мыслителей можно в различных аспектах: социальном, интеллектуальном, педагогическом и жизненно-этическом.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00759 А «Формирование постматериальных ценностей молодежи в образовательном пространстве и молодежных субкультурах: социокультурная аналитика состояния развития и прогностика социальных рисков».

Ключевые слова: Пайдея, эллинистическая философия, образ жизни, античная культура

INNA ROMANENKO, DSc in Philosophy, Professor;
Herzen State Pedagogical University of Russia
(St.-Petersburg, Russia), Professor

THE FORMATION OF A NEW LIFESTYLE IN THE HELLENISTIC PAIDEIA*

In the face of major social upheavals associated with the destruction of polis system and the expansion of borders familiar to Greek consciousness such philosophical traditions such as epicureism, stoicism, skepticism, kinism (and later Neoplatonism), despite the difference in position in understanding a person, his education and mission, at the same time, were defined by a single context of ancient culture. Hellenistic philosophy is a complex set of problems (physical, logical, ethical, etc.) the specificity and unity of which is determined by the need to disseminate this worldview by developing teaching methods through a system of institutions designed to realize these goals. Therefore, it is possible to talk about expanding the scope of activities of Hellenistic philosophers in various aspects: social, intellectual, pedagogical, and life-ethical.

Keywords: Paidea, Hellenistic philosophy, lifestyle, ancient culture

МИРОШНИЧЕНКО ЕВГЕНИЙ ИГОРЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), аспирант

МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФ УВЛЕКАТЬСЯ РИТОРИКОЙ: ПИСЬМО СИНЕСИЯ КИРЕНСКОГО К ГИПАТИИ О РИТОРИКЕ И ФИЛОСОФИИ (Ер. 154)

В 154 письме Синесия Киренского поднимается проблема соотношения философии и риторики. В ответ на упреки в увлечении риторикой Синесий формулирует

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-011-00759 a “Formation of post-material values of youth in the educational space and youth subcultures: sociocultural analytics of the state of development and prognosis of social risks.”

теорию единения риторики и философии. Суть её заключается в том, что риторика очищает язык и делает речь философа приятной, что содействует пониманию этой речи слушателями. Синесий замечает, что многие из его современников цитируют Платона, но не обладают красочностью его слова. Между тем истинная мудрость должна быть выражена ясно и чётко, чем и содействует риторика.

Ключевые слова: Синесий, риторика, третья софистика, неоплатонизм, александрийский платонизм, Гипатия

EUGENE MIROSHNICHENKO, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

COULD PHILOSOPHER BE ADDICTED TO RHETORIC: THE LETTER OF SYNESIUS OF CYRENE TO HYPATIA ABOUT RHETORIC AND PHILOSOPHY (EP. 154)

Synesius of Cyrene in 154 letter discussed the problem of correlation between philosophy and rhetoric. In response to reproaches of his passion for rhetoric, Synesius formulates the theory of the unity of rhetoric and philosophy. Its essence lies in the fact that rhetoric purifies the language and makes the philosopher's speech enjoyable, which helps the listeners to understand this speech. Synesius remarks that many of his contemporaries quote Plato, but do not have the beauty of his dialogues. Meanwhile true wisdom must be expressed clearly, and that is why philosopher must be addicted to rhetoric.

Keywords: Synesius, rhetoric, third sophistic, neoplatonism, alexandrian platonism, Hypatia

СЕКЦИЯ 2: «ПЛАТОНОВСКИЙ СОКРАТ В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ РИТОРИКИ»

ГАЛАНИН РУСТАМ БАЕВИЧ, кандидат философских наук;
Русская христианская гуманитарная академия
(Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

РИТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИАЛОГА ЛИСИД*

Существует мнение, что философская жизненная программа для каждого молодого человека изложена в диалоге Алкивиад 1, что делает последний, таким образом, «началом» философствования, по крайней мере, как представлял философию Платон. Мы не оспариваем этого мнения, но хотим предложить альтернативную оптику на проблему начала платонизма. Мы находим это начало в диалоге Лисид и вот почему. В этом диалоге Сократ беседует с самыми юными героями всего корпуса платоновских сочинений — с Лисидом и Менексеном, которым примерно 10-11 лет. И беседа эта ведется для того, чтобы показать влюбленному в Лисида юноше Гиппоталу, как нужно разговаривать со своим возлюбленным, чтобы не навредить ни себе, ни ему, т.е. речь о том, как нужно пользоваться риторическим инструментарием. Как и в диалоге Федр, в Лисиде в начале дискуссии, посвященной любви, дружбе и желанию, положено очищение риторики от сиюминутного и эгоистического блага, которое имеет в виду Гиппотал, когда, пользуясь различными риторическими практиками, хочет привлечь к себе внимание и благорасположение Лисида. Сократ показывает юноше, что разговаривать со своим возлюбленным нужно, памятуя не только об индивидуальном благе *hic et nunc*, но о Благе как таковом, которое является Благом для всех и всегда, а не только для меня и теперь, но в первую очередь — это благо для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №№ 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

самого возлюбленного. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что этически выверенное использование риторики, учитывающее всеобщее Благо, лежит в начале самой возможности философствования, а следовательно, философия уже в точке своего рождения неотделима от правильно понятой риторики, т.е. риторики не как абстрактной техне, которую можно использовать во зло или во благо, но как инструментария всегда учитывающего этическую интенцию говорящего, инструментария, который может, а значит, и должен использоваться во благо. И только в этом случае риторика «совпадет» с философией и становится одним нераздельным целым, а Лисид можно, таким образом, рассматривать как диалог № 1 в Платоническом Корпусе.

Ключевые слова: риторика, философия, платонизм, этика, пайдейя

RUSTAM GALANIN, CSc in Philosophy; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Independent scholar

THE RHETORICAL INTENTION IN PLATO'S *LYSIS**

In Plato's *Lysis* Socrates has a conversation with the youngest characters of the *Corpus Platonicum* who are just about 11 or 12 years old. This conversation was initiated by Socrates to show Hippothales, who is hopelessly in love with Lysis, that his treatment with a boy is extremely incorrect. Socrates, on the other hand, shows to Hippothales how to talk with the boy to avoid being seen as *καταγέλαστος* (ridiculous). To achieve this, it is necessary to use rhetoric correctly. As in the case of Phaedrus, in *Lysis*, the discussion on love, friendship, and desire begins with the cleansing of rhetoric from the momentary and selfish good that Hippothales has in mind when, using various rhetorical practices, he wants to attract Lysis' attention and favor. Socrates shows him that it is necessary to talk with his beloved, keeping in mind not only the individual benefits *hie et nunc*, but the Good as

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00968 "Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures."

such, which benefits everyone and always, but not just me now. And if you are really in love, first of all you must take care of the good of your beloved. The conclusion is as follows: the ethically verified use of rhetoric, taking into account the universal Good, lies at the beginning of the very possibility of philosophizing, and therefore, philosophy at its birth point is inseparable from correctly understood rhetoric.

Keywords: rhetoric, philosophy, Platonism, paideia, ethics

It is believed that philosophical life program for any young man who is entering in life of the adults has been explicated in Plato's *Alcibiades 1*. And because of this reason it is this dialogue that is to be understood as the very beginning of philosophizing — at least within the scope of Platonism. I am not going to refute this opinion, all I want to do is to offer an alternative way of thinking of or looking on the ethical source of ancient Platonism. I find this source in the beginning of Plato's *Lysis*. In this adorable dialogue Socrates has a conversation with the youngest characters of the *Corpus Platonicum* who are just about 11 or 12 years old. This conversation was initiated by Socrates to show Hippothales, who is hopelessly in love with Lysis, that his treatment with a boy is extremely incorrect. Socrates, on the other hand, shows to Hippothales how to talk with the boy to avoid being seen as *καταγέλαστον* (ridiculous). To achieve this, it is necessary to use rhetoric correctly. As in the case of *Phaedrus*, in *Lysis*, the discussion on love, friendship, and desire begins with the cleansing of rhetoric from the momentary and selfish good that Hippothales has in mind when, using various rhetorical practices, he wants to attract Lysis' attention and favor. Socrates shows him that it is necessary to talk with his beloved, keeping in mind not only the individual benefits *hie et nunc*, but the Good as such, which benefits everyone and always, but not just me now. And if you are really in love, first of all you must take care of the good of your beloved. The conclusion is as follows: the ethically verified use of rhetoric, taking into account the universal Good, lies at the beginning of the very possibility of philosophizing, and therefore, philosophy at its birth point is inseparable from correctly understood rhetoric.

Мочалова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СОКРАТ В «АПОЛОГИИ» ПЛАТОНА, ИЛИ КАК ПЛАТОН ЗАЩИЩАЛ СОКРАТА*

«Апология Сократа» Платона рассматривается в контексте имевших место в конце V — начале IV в. до н.э. процессов по обвинению в религиозном нечестии (асебии). Специальное внимание уделяется анализу процесса по обвинению в асебии Андокида (399 г., речь «О мистериях»). На основе привлеченных материалов предлагается интерпретация обвинения в асебии Сократа, осуществляется сравнительный анализ понимания «даймония» Сократа Платоном и Ксенофонтом. Делается вывод о том, что интерпретации «даймония» являются выражением различных стратегий «защиты» Сократа. Сравнение судебных речей, как действительных, так и фиктивных (речи Лисия, Андокида, Исократа), с «Апологией» Платона позволяет раскрыть замысел Платона и избранную им логику защиты Сократа.

Ключевые слова: Сократ, Платон, религиозное нечестие (асебия), «даймоний», «Апология Сократа»

«Апология» Платона — один из первых публичных текстов философа, «опубликованный» спустя более чем десятилетие после суда и смерти Сократа. В «Апологии» Платон решает несколько задач: 1) защитить Сократа-философа от обвинения в нечестии, связанного с введением нового частного культа; 2) противопоставить философию софистике и риторике, а философа — софистам и риторам; 3) определить предметное поле философии и показать, что занятия философией не склоняют к нечестию и не связаны с деятельностью нечестивцев.

Решение этих задач определяет избранную в «Апологии» линию защиты Сократа, а именно:

1) Отбор биографических и иных материалов, как правило, используемых при составлении как обвинительных, так

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

и защитительных судебных речей (ср. речи Лисия, Андокида, Исократ), связанных с жизнью Сократа. Платон не касается связи Платона с Алкивиадом (в отличие от «Пира»); не использует ряд сведений, известных нам из текстов Ксенофонта и из речи софиста Поликрата «Против Сократа» (392 г. до н.э. Ср.: *Isocr. Bus. 5; D. L. II, 39*) в трактовке Либания («Апология Сократа»).

2) Последовательность аргументации против обвинителей. Выдвигаемый тезис о двух типах обвинителей, формулировка и критика фиктивного доноса (*Plat. Apol. 18 b-c*) призваны были смягчить официальное обвинение в нечестии.

3) Трактовку доноса (клятвенного заявления) Мелета (*Plat. Apol. 24 b-c*; ср. *Xen. Mem. I. 1, 1; D. L. II. 5, 40*). Перестановка пунктов обвинения, предпринятая Платоном, принципиально меняет формулу обвинения и позволяет предложить эффективную линию защиты, уводящую от основного обвинения в нечестии.

4) Интерпретацию «даймония» Сократа. Различия в трактовке Ксенофонта (*Xen. Mem. I. 1, 4; Apol. 12*) и Платона обусловлены различными стратегиями защиты от обвинения в нечестии. Формула официального обвинения говорит в пользу признания толкования Ксенофонта в качестве более близкого историческому, так как позволяет говорить о Сократе как обладающем даром пророчества. Последнее могло быть расценено как обожествление смертного и стать одним из оснований обвинения в нечестии.

IRINA MOCHALOVA, CSc in Philosophy, Associate
Professor; St Petersburg State University (Saint
Petersburg, Russia), Associate Professor

SOCRATES IN THE “APOLOGY” OF PLATO, OR HOW PLATO DEFENDED SOCRATES*

Plato’s “Apology” is considered in the context processes of religious transgression (asebia) in the late V — early IV century BC. Special attention is paid to Andocides’ speech “On

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00968 “Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures.”

the Mysteries” (399). This allows us to give an interpretation of the religious crime (asebia) of Socrates. The report provides a comparative analysis of the understanding of Socrates’ “daimonion” by Plato and Xenophon. It is concluded that the various interpretations of “daimonion” are an expression of various strategies for the “defense” of Socrates. The comparison of judicial speeches, both real and fictitious (the speeches of Lysias, Andocides and Isocrates), with Plato’s “Apology” allows us to reveal the plan of Plato and the logic of the defense of Socrates.

Keywords: Socrates, Plato, religious transgression (asebeia), “daimonion,” Plato’s “Apology”

Plato’s “Apology” is one of the first public texts of the philosopher, “published” more than a decade after the trial and death of Socrates. Plato solved several related problems: 1) the defense of Socrates from the charge of impiety connected with the introduction of a new private cult; 2) contrast philosophy to sophistic and rhetoric, and the philosopher to sophists and orators; 3) define philosophy and show that philosophy is not inclined to impiety and is not associated with the impious people.

The solution of these problems determined the line of defense of Socrates. This is expressed in the following:

1. Plato’s selection of biographical and other materials related to the life of Socrates. Plato does not consider the connection between Plato and Alcibiades; does not use the information known to us from the “Memorabilia” of Xenophon and from the speech of the Sophist Polycrates in the interpretation of Libanius.

2. The sequence of arguments against the accusers. The distinction between the two types of accusers, the wording and criticism of the fictitious denunciation (Plat. Apol. 18 b-c) should have softened the official charge of impiety.

3. Interpretation of indictment is sworn by Meletus (Plat. Apol. 24 b-c; cf. Xen. Mem. I. 1, 1; D. L. II. 5, 40). Plato’s rearrangement of the indictment points fundamentally changes the accusation formula. This allows us to offer an effective defense that leads away from the main charge of impiety.

4. Interpretation of Socrates' "daimonion." The differences in the interpretation of Xenophon (Xen. Mem. I. 1, 4; Apol. 12) and Plato are due to different strategies of defense against the accusation of impiety. Xenophon's interpretation suggests that Socrates has the gift of prophecy. This could be regarded as the deification of a mortal. This status of Socrates could be the basis for the accusation of impiety.

СВЕТЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), директор

РИТОРИКА В «ТЕЭТЕТЕ»*

Диалог «Теэтет» посвященный проблеме знания изобилует аргументами, которые в сущности имеют риторическую природу. Это тот случай, когда риторические ходы позволяют собеседникам легче приходиться к скептическим выводам. Таким образом «Теэтет» может показать принципиальные связи между античной риторикой и формированием академического скептицизма.

Ключевые слова: Платон, античная риторика, «Теэтет», академический скептицизм

ROMAN SVETLOV, DSc in Philosophy, Professor; Institute of the philosophy of a human, Herzen University (Saint Petersburg, Russia), Director

RHETORIC IN THE *THEAETETUS***

The "Theaetetus" devoted to the problem of knowledge is replete with arguments, which in essence are rhetorical in nature. This is the case when rhetorical reasoning allows

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349 «Скептическая традиция в античном платонизме».

** The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00349 "Skeptical tradition in the ancient Platonism."

interlocutors to come to skeptical conclusions more easily. Thus, “Theaetetus” can show the fundamental connections between ancient rhetoric and the formation of academic skepticism.

Keywords: Plato, Theaetetus, ancient rhetoric, academic skepticism

ДЁМИН РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ,

Русская христианская гуманитарная академия
(Санкт-Петербург, Россия), преподаватель

СОКРАТ И ЦЗОУ ЯНЬ КАК МЕТЕОРОСОФИСТЫ*

Цель сравнительного экскурса — показать правомерность использования понятия «метеорософист», т.е. рассуждающий о небесных явлениях, как в отношении раннего Сократа, так и в отношении древнекитайского мыслителя Цзоу Яня. К метеорософистам, которых также называли «метеоролесхами», Аристофан относит софиста Продика. Представляется, что к метеорософистам можно отнести также и молодого Сократа, который был не только учеником Продика, но и учеником физика Архелая и интересовался натурфилософскими вопросами, относящимися к астрономии и метеорологии. Следы подобного интереса к метеорологическим явлениям можно встретить также у софистов Протагора и Гиппия. Отмечается, что в истории древнекитайской философии можно назвать метеорософистом крупнейшего мыслителя школы инь ян Цзоу Яня, получившего прозвище «Рассуждающий о небе» (談天), а также такого представителя школы имен как Хуэй Ши, обычно относимого к софистам.

Ключевые слова: метеорософисты, метеорологические явления, метеоролесхи, софисты, Сократ, Цзоу Янь, школа инь ян, школа имен

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

ROSTISLAV DYOMIN, Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Lecturer

SOCRATES AND ZOU YAN AS METEOROSOPHISTS*

The purpose comparative excursion is to show the validity of the use of the term “meteorosophist” both in relation to early Socrates and in relation to the ancient Chinese thinker Zou Yan. Aristophanes relates the Sophist Prodicus, of meteorologists, i.e. to talk about the celestial phenomena which at that time was also called “meteōroléschai” (μετεωρολέσχαι). It seems that the meteorosophists can also be attributed to the young Socrates, who was not only a student of Prodicus, but also a student of the physicist Archelaus and was interested in natural philosophical questions related to astronomy and meteorology. Traces of this interest in meteorological phenomena can also be found in the sophists Protagoras and Hippias. It is noted that in the history of ancient Chinese philosophy can be called meteorologists major thinker of the school of Yin Yang Zou Yan, nicknamed the “Talk about heaven” (談天), as well as such a representative of the school of names, Hui Shi, usually referred to the sophists.

Keywords: meteorosophist, meteorological phenomena, meteōroléschai, sophists, Socrates, Zou Yan, school of Yin Yang, school of Names

РОМАНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, независи-
мый исследователь (Латвия)

КАТАРСИЧЕСКАЯ «ПОЭТИКА» В ПАЛИНОДИИ СОКРАТА (ФЕДР, 245С ФФ.)

Каким образом Сократ узнает в себе слепоту Стесихора? Что это за слепота и каким образом она свидетельствует о возможности прозрения или очищения? Наконец, от чего это очищение, что же именно не видит и от чего слепнет Сократ? Очищением оказывается похвала

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00968 “Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures.”

одержимости, эротическому безумию. Миф о крылатой колеснице в таком случае есть само действие эротической одержимости, само видение или прозрение Сократа. Очистительная процедура или прозрение совершается в палинодии, в «поэтике возвращения». Иначе говоря, палинодия — это действие «сущности и логоса» эротического безумия души (*psyches ousian te kai logon*). Палинодия возникает из начального прозрения в так называемом аподейксисе (245с-246а), в «доказательстве» бессмертия души на основании загадочного признания ее непрекращающегося вечного самодвижения. Собственно поэтика палинодии или катартики есть не что иное как свидетельство этого эротического самодействия в его, эротическом, логосе о колеснице и анамнезисе. Однако что же такое сам аподейксис, каким образом он связан с самопознанием и очищением через эротическое безумие? Не будет преувеличением предположить, что из этого «доказательства» вырастет и на этом «доказательстве» держится и весь диалог, таким образом и сам являющийся не чем иным, как палинодией для своего автора и читателя. Насколько это может быть верным по отношению к другим диалогам Платона? В моих изысканиях мой интерес в значительной степени направлялся проблематикой и методом «наблюдательной философии» А.М. Пятигорского и некоторыми аналогиями «учения четвертого пути» Г.И. Гурджиева.

Ключевые слова: Ключевые слова: Платон, Федр, палинодия, «катарсическая поэтика», А. М. Пятигорский, Г. И. Гурджиев

ALEXEI ROMANOV, Independent scholar (Latvia)

THE POETICS OF KATHARSIS IN THE PALINODE OF SOCRATES (*PHAEDRUS*, 245C FF.)

By 'poetics of katharsis' I mean the art of transformation or redirection of desires and their objects, which Socrates showed in his palinode (*Phaedrus*, 245-257). My first question is how the problematics of self-knowledge and praising

the benefit of divine madness are connected. Secondly, is the threefold nature of the soul implied in the initial apodeixis of self-moving soul (autokineton) and ever-moving soul (aeikineton)? I argue that the introductory apodeixis of immortality of the soul in 245c ff. is not an abstract point. On the contrary, this demonstration based on the self-motion of the soul testifies to the possibility of recognizing this self-movement in the experiences and activities of the soul (pathe te kai erga). What are these experiences and activities? Those are the ones that Socrates must have regarded as his reflection of being possessed by madness of his own erōs. But there we have a problem. For example, why self-moving soul is nourished by what is beyond heaven? Why did Socrates think that any recollection (anamnesis) required two different horses, namely black and white? In my research, I have partly relied on problematics and methods from Alexander Piatigorsky's 'philosophy of observation' and some analogies from G.I Gurdjijeff's mythology.

Keywords: Plato, Phaedrus, palinode, poetic of katharsis, Alexander Piatigorsky, G. I. Gurdjijeff

АЛЫМОВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СОКРАТЫ АПУЛЕЯ*

Фигура Сократа как философа и учителя культовая, и едва ли ее сакральность вызывала вопросы — такое показалось бы философской ересью. На память приходит разве что одно исключение, и вполне понятное, — Сократ Фридриха Ницше. Впрочем, «философским всем» стал Сократ Платона (и Ницше дезавуирует авторитет именно платоновского Сократа): другие Сократы (а такие были) либо рассматриваются как недоразумения, возникшие по причине недостаточной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

философской прозорливости создавших их авторов (например, Сократ Ксенофонта), либо игнорируются во все. Сократ не только незаменимый герой европейской философии и культуры, но и — ближайшим образом — герой платоновской философии, а значит — непосредственно связан с историей платонизма. Философом-платоником объявлял себя и Апулей. Поэтому кажется естественным, что все его сочинения (по крайней мере самые значимые) должны быть преисполнены духа платоновской философии. Так, скажем, традиционно читали его роман о превращениях. Между тем к Апулею как философу-платонику есть вопросы, вызванные пристальным чтением его произведений, прежде всего — «Апологии» и «Метаморфоз». В первом Апулей сам выступает в роли Сократа во втором имеет место загадочная сцена убийства Сократа и знаменитая новелла про Амура и Психею, платонический пафос которой лишь не так давно был подвергнут серьезному и совершенно обоснованному сомнению. Итак, какие же метаморфозы претерпевает образ Сократа в контексте произведений Апулея? На эту тему мы и собираемся представить некоторые соображения.

Ключевые слова: Сократ, Апулей, платонизм, античная философия

ELENA ALYMOVA, CSc in Philosophy,
Associate Professor; St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE SOCRATESES OF APULEIUS*

Socrates as philosopher and teacher is a figure of philosophical cult. Calling into question the truth of it might be taken for a philosophical heresy. Hardly more than one instance could be evoked: the Socrates of Friedrich Nietzsche. Our *Philosophical Everything* is the Socrates of Plato (and Nietzsche dismantles exactly the authority of

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00968 “Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures.”

Plato's Socrates). The other Socrateses are either considered as miscomprehensions due to the lack of philosophical competence of their creators or simply ignored. So our Socrates is a protagonist of Plato's philosophy and as such of the Platonic tradition. Apuleius claimed to be *philosophus platonicus*. His aspiration to represent Platonism was traditionally taken at face value, consequently his writings (at least the main of them) were interpreted as being imbued with the spirit of Platonism. Nevertheless there are questions to Apuleius the Platonist. Certain doubts do arise and they concern first of all his "Apology" and the novel "Metamorphoses." What transformations does Socrates undergo in the context of Apuleius' writings? Hereby some considerations will be presented.

Keywords: Socrates, Apuleius, Platonism, Ancient Philosophy

КАРАВАЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА, кандидат философских наук; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

СОКРАТ-СИЛЕН В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАБЛЕ*

Доклад посвящен одной из ренессансных интерпретаций образа Сократа, а именно — интерпретации Рабле, основанной на известной речи Алкивида из платоновского «Пира», которую кратко можно свести к следующему: образ Сократ обманчив, поэтому, если мы будем судить Сократа только по внешнему виду, то он некрасив и смешон, однако если мы заглянем вовнутрь этого ларца-силена, то, по словам Рабле, мы найдем «внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую» Заметим, такой образ Сократа был довольно популярен среди

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре»

гуманистов эпохи Возрождения, он встречается также, например, у Гийома Бюде, Эразма Роттердамского, причем, скорее всего, именно Сократ-Силен Эразма Роттердамского и послужил образцом для Рабле. Итак, как уже было сказано, в фокусе нашего внимания по преимуществу будет Сократ «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, понимание двойственной природы которого — несоответствие внешнего и внутреннего облика — является по мысли автора «образом» самой книги, ключом к ее прочтению: «снадобье, в ней заключенное, совсем не похоже на то, какое сулил ларец; (...) Положим даже, вы там найдете вещи довольно забавные, если понимать их буквально, вещи вполне соответствующие заглавию, и все же не вслушивайтесь вы пеня сирен, а лучше истолкуйте в более высоком смысле все то, что, как вам могло случайно показаться, автор сказал спроста».

Ключевые слова: Сократ, Платон, Рабле, античная философия

SVETLANA KARAVAEVA, CSc in Philosophy; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

RABELAIS' INTERPRETATION OF SOCRATES THE SILENUS*

The paper is dedicated to one of the Renaissance interpretations on the image of Socrates, specifically, the interpretation provided by Rabelais based on the famous speech of Alcibiades from Plato's Symposium. The latter can be narrowed down to the following: the image of Socrates is illusory, thus, if we judge Socrates by his external image alone, he will seem homely and outlandish. However, if we look inside this silenus chest, according to Rabelais, we will find «within it a heavenly and inestimable drug, a more than human understanding, an admirable virtue, matchless learning, invincible courage, unimitable sobriety, certain contentment of mind, perfect assurance». Let's note that this

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00968 "Socrates: pro et contra. Myth of Socrates in Russian and World Cultures."

image of Socrates was rather popular among the humanists of the Renaissance. It is also encountered in works of Budé, Desiderius Erasmus, and it seems that the latter's Socrates the Silenus was the prototype for Rabelais. Thus, as it has already been mentioned, Socrates from Rabelais' Gargantua and Pantagruel will be at the focus of our attention. The understanding of his dual nature — the discrepancy between the internal and the external — is, according to the author, the “image” of the book itself, and the key to its interpretation: «Then shall you find that it containeth things of far higher value than the box did promise; (...) And put the case, that in the literal sense you meet with purposes merry and solacious enough, and consequently very correspondent to their inscriptions, yet must not you stop there as at the melody of the charming syrens, but endeavour to interpret that in a sublimer sense which possibly you intended to have spoken in the jollity of your heart».

Keywords: Socrates, Plato, Rabelais, Ancient philosophy

ГАРАДЖА АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

О ПРОБЛЕМАХ ГНОСТИЧЕСКИХ ИМЕН

Гностицизм — сложное синкретическое явление, в котором неоднозначно переплетаются мифология, религия, магия, философия. Синкретичен гностицизм и с языковой точки зрения, поэтому работа с гностическими памятниками предполагает знание не только греческого и латыни, но и хотя бы базовое знакомство с коптским, еврейским, арамейскими, среднеиранскими языками. Это позволяет проследить пути возникновения гностических имен — как точек опоры, позволяющих «зацепиться» в этой разноязыкой, разнородной среде, и как «моделей» построения ключевых гностических концептов. В докладе обсуждаются имена главной женской фигуры гностиков Пруник и Барбело.

Ключевые слова: поздняя античность, синкретизм, гностицизм, Барбело, Пруник

ALEXEI GARADJA, Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia), Major Research Fellow

ON THE PROBLEMS OF GNOSTIC NOMENCLATURE

Gnosticism is a complex, syncretic phenomenon, a multilayered mixture of mythology, religion, magic, and philosophy. It is syncretic in its multilingualism, too, and to work with Gnostic texts a researcher not only has to be versed in Classical Greek and Latin, but also to have at least the basic knowledge of Coptic, Hebrew, Aramaic, and Middle Iranian languages. This allows to trace the tortuous provenance of Gnostic names, as points de repère enabling to latch on this multilingual, heterogeneous medium, and as tentative moulds for casting the key concepts of Gnosticism. As an example, the names Prunicus and Barbelo are discussed, referring to the main female personage of Gnostics.

Keywords: Late Antiquity, syncretism, Gnosticism, Barbelo, Prunicus

РЫЧКОВ АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ, независимый
исследователь (Москва, Россия)

ПЛАТОН В РЕФЛЕКСИИ РАННЕХРИСТИАНСКИХ ГНОСТИКОВ

Доклад продолжает обсуждение проблемы «Библиотека Наг-Хаммади (Nag Hammadi Library, NHL) в России» на 7-й *Московской международной платоновской конференции* (2019). В докладе кратко изложены итоги современных исследований NHL. Эти коптские книги IV в. н.э. сохранили рецепцию идей Платона в рефлексии раннехристианских гностиков Александрийского Египта. Исследования кодексов Наг-Хаммади показали, что онтологическая иерархия гностической космогонии с триадой духа, души и материи имеет платоническую структуру. В частности, «платонизирующие сифианские тексты» из NHL используют платоническую метафизику в качестве структурной основы своих систем. Их гностическая риторика продвигает новую онтологию и основана на одном из методов, присущих современному деконструктивистскому анализу: прочтению одной книги с помощью другой, в данном случае: Книги Бытия

через Платона. В качестве примера рассмотрен один из ранних первоисточников сифианского гнозиса — Апокриф Иоанна. В этой связи в докладе обосновывается актуальность современной интерпретации гностической мифологии как «доктринального мифа», являющегося результатом аллегорической интерпретации библейских текстов через фундаментальные концепции греческой философской традиции: в особенности среднего платонизма и неоплатонизма. Предполагается, что платонический онтогенез заложен в гностическом и мифологическом повествовании как более глубокий семантический уровень, где миф можно рассматривать как преднамеренную философскую аллгорию, наложенную на иудейско-христианское сотериологическое учение. В этом ракурсе платоническая и космогоническая (библейская) иерархии гностического «доктринального мифа» оказываются самоподобными зеркальными образами, которые взаимно интерпретируют друг друга. На основе анализа современных исследовательских парадигм в отношении *NHL* обсуждается концепция публикации русскоязычной версии ее переводов, основанная на выявлении платонических источников и аллюзий в гностических текстах, отражающих их метафизические основания.

Ключевые слова: метафизика, гностицизм, сифианские трактаты, Платон, Плотин, средний платонизм, неоплатонизм, Библиотека Наг-Хаммади, Апокриф Иоанна

ALEXANDER RYCHKOV, Independent scholar (Moscow, Russia)

PLATO IN THE REFLECTION OF THE EARLY CHRISTIAN Gnostics

This report continues the discussion of the problem “The Nag Hammadi Library (*NHL*) in Russia” at the *7th Moscow International Platonic Conference* (2019). The report summarized of modern studies of the *NHL*. These Coptic books of the 4th century AD preserved reception the ideas of Plato in the reflection of the early Christian Gnostics of Alexandria Egypt. Studies of these the Nag Hammadi codices have shown that the ontological hierarchy of Gnostic cosmogony with a triad of spirit, soul and matter is platonic in structure. In particular, the

Platonizing Sethian texts from Nag Hammadi use platonic metaphysics as the structural framework of their systems. Gnostic rhetoric promotes a new ontology and is based on one of the methods of modern deconstructivist analysis: reading one book with the help of another book, that is, the Genesis with the help of Plato. As an example, one of the earliest *Siphian gnosis* primary sources *Apocryphon of John* is considered. In this regard, the report substantiates the relevance of the modern interpretation of Gnostic mythology as a “doctrinal myth,” the result of an allegorical interpretation of biblical texts through the fundamental concepts of the Greek philosophical tradition: especially Middle Platonism and Neoplatonism. The platonic *ontogeny* is embedded in the Gnostic and mythological narrative as a deeper semantic level, where the myth can be considered as a deliberate philosophical allegore, superimposed on the Judeo-Christian soteriological doctrine. The platonic and cosmogonic (biblical) hierarchies of *Gnostic doctrinal myth* turn out to be self-similar mirror images that mutually interpret each other. Based on a analysis of modern research in relation to the *NHL*, a concept is being discussed for publishing the Russian-language version of its translations, based on the identification of platonic sources and allusions of Gnostic texts, which reflects the metaphysical foundations of these treatises.

Keywords: metaphysics, Gnosticism, Siphian gnosis, Plato, Plotinus, Middle Platonism, Neoplatonism, Nag Hammadi Library, Apocryphon of John

СЛОБОДКОВСКИЙ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Российский
государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

СОКРАТ АКТЕР?

ИЛИ КАК ПРАВИЛЬНО ПИСАТЬ ТРАГЕДИИ*

В докладе представлена попытка интерпретации фигуры Сократа из диалогов Платона как актёра и главное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349 «Скептическая традиция в античном платонизме».

действующее лицо Платоновской трагедии. Сам Платон в тексте «Государство» изгоняет поэтов и трагедию из идеального государства. Несмотря на этот факт, некоторые его диалоги могут быть рассмотрены именно как трагедия. Например, в таких диалогах как: «Евтифрон», «Апология Сократа», «Критон» очевидным образом прослеживается единая линия повествования относительно судьбы Сократа и его философского пути.

Ключевые слова: Сократ, трагедия, Платон, сцена, театр

SERGEY SLOBODKOVSKY, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

SOCRATES AS AN ACTOR, OR HOW TO WRITE A TRAGEDY CORRECTLY*

The article presents an attempt to interpret the figure of Socrates from Plato's dialogues as an actor and the main character of Plato's tragedy. Plato himself in the text of the Republic banishes poets and tragedy from the ideal state. Despite all that, some of his dialogues can be considered a tragedy. For example, in such dialogues as "Euthyphro," "the Apology of Socrates," "Crito" one can identify one and the same line of narration in regard to the fate of Socrates and his philosophical way.

Keywords: Socrates, tragedy, Plato, stage, theatre

Темой данной статьи является рассмотрение некоторых диалогов Платона в форме правильной трагедии, а фигуру Сократ, как своеобразную фигуру актера. Как известно, Сократ в диалоге «Государство» в десятой книге подвергает поэтов и поэзию критике. В частности Сократ рассматривает то пагубное влияние, которое с его точки зрения, оказывает поэзия на человека, в особенности на его душу. Само рассуждение Сократа можно условно разложить на три тезиса. Во-первых — поэзия имеет дело не с истинным, но является подражанием, что портит лучшую часть человеческой души:

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00349.

То же самое, скажем мы, делает и подражательный поэт: он внедряет в душу каждого человека в отдельности плохой государственный строй, потакая неразумному началу души, которое не различает, что больше, а что меньше, и одно и то же считает иногда великим, а иногда малым, создавая поэтому образы, далеко отстоящие от действительности. [Plato. Republic 605c]

Во-вторых — Сократ считает, что поэзия способна портить даже самых лучших людей. [Plato. Republic. 605c–606e] Третий тезис затрагивает вопрос — какой части души касается поэзия. Сократ полагает, что она касается в большей степени неразумного начала и не затрагивает лучшую, разумную часть души:

...Ясно, что подражательный поэт по своей природе не имеет отношения к разумному началу души и не для его удовлетворения укрепляет свое искусство, когда хочет достичь успеха у толпы. Он обращается к негодующему и переменчивому нраву, который хорошо поддается воспроизведению. [Plato. Republic 605e]

Исходя из этого Сократ считает, что поэзия и поэты должны быть изгнаны из идеального государства, но само по себе это изгнание не носит абсолютный характер. Поэзия может быть возвращена в полис, но только в том случае, если докажет свою полезность:

Таким образом, если она оправдается, будь то в мелических размерах или в каких-то других, она получит право вернуться из изгнания...И тем ее приверженцам, кто сам не поэт, но любит поэтов, мы дали бы возможность защитить ее даже в прозе и благо-склонно выслушали бы, что она не только приятна, но и полезна для государственного устройства и человеческой жизни. Ведь мы обогатились бы, если бы в она оказалась не только приятной, но и полезной. [Plato. Republic 607d]

Обратим внимание на один не маловажный момент из приведённого отрывка диалога. По сути, тот кто должен оправдать поэзию и поэтов, а также отстоять их право на существование в идеальном государстве — поэтом не является. Но как должна выглядеть эта защита? Действительно, по мимо того момента, что защитнику даётся право защищать поэзию в прозе, Платон более не даёт ни каких других разъяснений, как должна выглядеть эта идеальная защита поэзии. Не предлагается никакого рецепта написания правильной поэзии. Платон ограничивается только моментами критики различных сюжетов, которые, по его мнению, содержат в себе неподобающие описания героев, норм поведения и прочего.

С учётом, что поэзия может существовать в идеальном государстве можно поставить ещё один вопрос, как она должна выглядеть? Существует ряд диалогов, которые можно условно объединить одной общей сюжетной линией повествующей о судьбе Сократа, которая как известно, приводит его к смерти. В число таких диалогов можно включить «Евтифрон», в котором Сократ узнаёт о характере выдвинутого против него обвинения. Диалог «Апология Сократа» разворачивается на фоне суда над философом и повествует о той степени наказания, которое было вынесено судом. И конечно диалог «Критон», который охватывает последние дни жизни Сократа в тюрьме. Кроме этого в нём затрагивается сюжет отказа от побега, предлагаемый ему друзьями. Можно добавить к этому списку диалог «Федон», хотя сам он построен как воспоминание о последних часах жизни Сократ и в этом смысле не является прямым сюжетным продолжением диалога «Критон». Но где здесь трагедия? Напомним, что сам жанр трагедии хоть и является определённой формой описания страданий, страстей, переживаний, приводящих к катастрофическим последствиям для героев трагедии, но это не всегда является абсолютной формулой. Существовали трагедии с условно счастливым или не катастрофическим финалом, в качестве примера можно вспомнить трагедию Софокла «Эдип в колоне». В этом смысле смерть Сократа хоть и является важным местом в указанных диалогах, но не является чем-то ужасным, напротив, по

сути, она является излечением от недуга, о чём он и говорит перед смертью призывая своих друзей отдать долг Асклепию: «Критон — мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же не забудьте» [Phaedo. 118e] При этом нельзя не заметить, что Платоновский Сократ включает в себя целый ряд общих черт эпических героев Гомера, в частности, Ахилла и Одиссея и возможно Гектора. К образу Ахилла нас отсылает диалог «Критон» в котором Сократ произносит следующие слова: «В третий ты день, без сомнения Фтии достигнешь холмистой» [Crito 44b]. Схожесть же образов Сократа и Одиссея, довольно-таки известна. Помимо всего этого, сам Платон был не так далёк от поэзии, как мы знаем, он отметил на этом поприще ещё до встречи с Сократом. Иными словами, наша гипотеза рассматривать указанные диалоги как правильную трагедию, призванную не только «оправдать» поэзию и поэтов, но и легитимировать их право на существование в идеальном государстве, не кажется такой уж бессмысленной. Рассмотрим эту идею более предметно и сравним аргументацию против поэтов из десятой книги государства с указанными нами диалогами.

Одним из обвинений, которое предъявляет Сократ по отношению к поэзии — неподобающее изображения поведения героев в трудных обстоятельствах, которое дают поэты:

Выслушай и суди сам: мы — даже и лучшие из нас, — слушая, как Гомер или кто иной из творцов трагедий изображает кого-либо из героев охваченным скорбью и произносящим длиннейшую речь, полную сетований, а других заставляет петь и в отчаянии бить себя в грудь, испытываем, как тебе известно, удовольствие и, поддаваясь этому впечатлению, следим за переживаниями героя, страдая с ним вместе и принимая все это всерьёз. Мы хвалим и считаем хорошим того поэта, который настроит нас по возможности именно так. [Plato. Republic 606d]

Из этого заметно, что поэт работает с не разумной частью души. Но если сравнить этот пример со словами Сократа из «Апологии», которые он произносит на суде, уже после того,

как был вынесен обвинённый приговор, то можно заметить некоторое сходство:

...быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону...Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда, что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное — все то, что вы привыкли слышать от других. [Apology of Socrates 38d]

Очевидно, что под другими о которых говорит Сократ, могут подразумевается те, кто также был привлечён к суду и дабы склонить его на свою сторону, они лгали или вели себя вызывающе. Но под другими мы можем понимать здесь и героев поэтов, о которых говорит Сократ в десятой книге «Государства». В отличие от героев поэтов, которые столкнувшись с тяжелыми обстоятельствами сетуют на судьбу, плачут и ведут себя не достойно, Сократ сохраняет в главенстве разумную часть души и ведёт себя достойно. Аналогичный пример можно встретить и в диалоге «Федон», в моменте упрека Сократом его друзей за то, что они плачут и испытывают горе из-за его скорой смерти:

Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили или подобного бесчинства,- ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя! [Phaedo 117e]

Это отсылает нас к той же идее. Сократ сохраняет достоинство в самом широком смысле и никоим образом не похож на тех героев, которых рисуют поэты в поэзии. С другой стороны, Сократ ни в коем случае не подражатель, а его искусство не подражательно, что как уже сказано, является одним из обвинений против поэзии. Конечно, сам Сократ, часто сравнивает своё искусство с повивальным и оказывается, что

он, по сути, подражает такому ремеслу, но тут скорее имеет место аллегорический пример, призванный заострить внимание на подлинном мастерстве Сократа, суть которого — поиск и стремление к истине. Что он и делает посредством диалога со своими собеседниками, избличая незнание одних и помогает достигнуть или приблизится к знанию другим.

В сущности, всё что мы сказали, это не только описание и критика героев поэтов, но и описание правильно души. Как-никак обвинения против поэзии строятся в общем-то на том, что человек соприкасающейся с ней без должной подготовки, рискует стать рабом яростного начала души и позабыв о её разумной части, занимаясь вообще-то ублажением самых низменных качеств и тем самым отведя себя от поиска истины. Образ платоновского Сократа весьма чётко укладывается в парадигму классического представления о герое, но с поправкой на то, что перед нами выверенный идеальный образ философа мудреца. Отметим, что текст «Апологии Сократа» указывает на эту мысль. Сократ начинает свою защитную речь с определения двух видов обвинителей. В качестве первых выступают, уже знакомые нам, по философии Платона: политики, ремесленники и поэты. Они, по словам Сократа, считали, что обладают мудростью, но оказалось, что дело обстоит с точностью до наоборот. Это хождения по предполагаемым инстанциям, в которых может содержаться мудрость. Напоминает сказку Пушкина А.С., «О рыбаке и рыбке» в которой старик трижды закидывает невод в море в надежде выудить какой-то улов. В отличие от бедного старика, Сократ хоть и закидывает невод в пространство Афин, в надежде выудить хоть кого-то подлинно стремящегося к мудрости, но попадаются ему только те, кто только мнят себя таковыми. Это конечно шутка, но она не далека от истинны, продемонстрированная Платоном. Он весьма чётко очерчивает линию судьбы Сократа, где она равна его долгу перед Афинами, о чём он говорит сам, сравнивая своё служение с оводом, который приставлен к лошади:

В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти ещё такого человека, который смешно

сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы её подгоняли. [Apology of Socrates 30e]

В этом смысле его судьба быть философом и искать истину не отличается от его долга перед городом. Помимо этого, если вспомнить седьмую книгу «Государства», а именно, миф о пещере и рассуждение о возможной расправе над созерцателем истины, который вернулся в пещеру для помощи другим узникам, то нельзя не заметить схожесть этой мысли с судьбой самого Сократа, который также был привлечён к суду:

А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут — а на это потребовалось бы немалое время, разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки? [Plato. Republic 516e]

Подведём итог. Если обобщить вышесказанное, то Сократ оказывается весьма похож на актёра, исполняющего роль столь похожую на образ идеального правителя-мудреца государства. Образ жизни и философский путь Сократа, становятся примером идеального воспитания человека, который будет подражать наилучшему. Такое подражание не будет губительно, в отличие от подражания поэзии, так как Сократ руководствуется наилучшей частью души. В своём споре с поэтами, Платон создаёт пример правильной философской трагедии, которую он излагает в рассматриваемых нами диалогах. И также как он изгоняет поэзию из государства, так и возвращает её обратно через сюжет судьбы и смерти Сократа, но уже осмысленную в прозе, откинув подражание и ставя во главу разумную часть души.

Обратимся ещё раз к тому, как происходит суд над Сократом, дабы показать, как это может выглядеть в форме постановки трагедии на сцене. Диалог происходит в суде, которая и является сценой, где люди выступают с речами. Мужики же Афинские выступают как зрители, которые постоянно шумят и Сократу приходится их успокаивать, что напоминает сам театр. Да и представить себе диалог Сократа и Мелета в такой обстановке весьма затруднительно.

Перед нами как раз трагедия, с относительно счастливым финалом, поскольку смерть Сократа открывает начало философии. В одном из аргументов защиты, он предвещает осудившим его, что появится ещё больше таких как он:

И вот я утверждаю, о мужики, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. [Apology of Socrates 39d]

Иными словами, суд над Сократом — сцена на которой разворачивается противостояние между подлинным и не подлинным, ложью и истиной и т.д. Смерть Сократа не только начинает философию, но представляет собой катарсис, о чем писал Аристотель в «Поэтике». Именно поэтому Сократ и не бежит из тюрьмы по предложениям своих друзей. Он попросту не может убежать, ведь хорошие актёры со сцены не бегают.

СЕКЦИЯ 3: «РИТОРИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Российский государственный институт сценических искусств (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПЛАТОН, ОРАТОРЫ И РАННИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ИСТОРИКИ (Об опыте сопоставления в трактате Дионисия Галикарнасского «Письмо Помпею»)*

В небольшом теоретическом трактате «Письмо к Помпею» Дионисий Галикарнасский представил в эпистолярном жанре увлекательную дискуссию о риторическом мастерстве и учености. Приступая к обсуждению, Дионисий неоднократно отмечает что, настоящие исследования всегда нацелены на то, чтобы установить истину (*Ep. ad Pomp.* I.3, 6 и I.16: τὴν ἀλήθειαν ἐξετάζοντες). Сравнение, которое проводит ритор, — демонстрация соперничества. Дионисий говорит о том, что Платон в диалоге «Федр» критикует оратора Лисия (I.10); Платон осмеивает Парменида, Гиппия, Протагора, Продика, Горгия, Пола, Феодора, Фрасимаха и многих других своих предшественников (I.12); изгоняет Гомера из своей вымышленной политики (I.13–14). Платон показан в сравнении с другими риториками: он подражает

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки»

Горгию, заимствует у него «поэтические обороты» (II.6; 8, 13); «Платон был ниже Демосфена» (II.16); философ находился под влиянием Горгия и Фукидида (II.8). Сравниваются сочинения первых эллинских историков и их мастерство стиля. Дионисий указывает на соперничество многих мастеров в этом жанре, но главные герои главы — Геродот и Фукидид. Почти по всем пунктам, рассматриваемым автором, «отец истории» превосходит Фукидида (III, *passim*). Ксенофонт сопоставляется с Геродотом, и первый из них представлен как последователь «отца истории» (IV). Филлист сравнивается с Фукидидом, причем первый, по мнению Дионисия, вырабатывает свой стиль под влиянием афинского историка (V). Феопомпу Хиосскому посвящена последняя, VI глава, где Дионисий его восхваляет в сравнении со всеми другими историками. Дионисий рассматривает различные виды стиля древних писателей. Платон оказывается под влиянием Фукидида, но Фукидид уступает Геродоту, Геродот создает сочинение, которое превосходит труды Харона и Гелланика, а Феопомп не уступает в стиле Демосфену и превосходит Исократу — «блистательнейших» (λαμπρότατοι) из риториков прошлого. Представляя всю эту галерею имен, Дионисий показывает сравнение как агон — стилей, жанров, авторов, их тем, напряженность повествования, — галикарнаец сам соревнуется с писателями прошлого. Представляя искусство в мастерстве слова как растянувшийся во времени своеобразный агон — длящийся через века и эпохи агон риториков, философов, историографов — Дионисий ограничивает круг лучших писателей, и сам вступает в него. Он заявляет, что в ученой риторике «истина дороже», и выдвигает критерии, по которым он предлагает судить классических авторов. При этом сам критик понимает, что и его будут судить по этим же (его собственным) критериям.

Ключевые слова: Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Гелланик, Харон, Филлист, Феопомп, Платон, Исократ, Демосфен, стиль, риторика, история, философия, истина, агон

ALEXANDER SINITSYN, CSc in History, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Researcher; St Petersburg
State University (Saint Petersburg, Russia), Associate
Professor; Russian State Institute of Performing Arts
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

**PLATO, ORATORS AND THE EARLY GREEK WRITERS
(ON JUXTAPOSITIONS IN THE TREATISE OF DIONYSIUS
OF HALICARNASSUS *A LETTER TO POMPEIUS*)***

Dionysius of Halicarnassus in his short theoretical treatise entitled “A Letter to Pompeius” presents an exciting discussion on rhetoric mastership and scholarship written in an epistolary genre. Embarking on the discussion, Dionysius repeatedly points out that these studies are always aimed at establishing the truth (*Ep. ad Pomp.* 1.3, 6, 16). The comparison adduced by the rhetorician looks like a demonstration of rivalry. Dionysius speaks about Plato criticizing Lysias in the Dialogue, while Plato himself derides Parmenides, Hippias, Protagoras, Prodicus, Gorgias, Polus, Theodorus, Thrasymachus and many others of his contemporaries; the philosopher banishes Homer from his imaginary polity. Plato is juxtaposed with other rhetoricians: he imitates Gorgias and borrows his “poetic patterns.” The Athenian philosopher is influenced by devices used by Gorgias and Thucydides. Compares works of the first Hellenic historians and the mastery of their style. Dionysius points out the rivalry of many masters of the genre, but the main characters of the chapter are Herodotus and Thucydides. The ‘Father of History’ surpasses the Athenian historian on all counts examined by the author. Xenophon is compared with Herodotus, and the former is shown as a follower of the ‘Father of History’. Compares the historian Philistus and Thucydides, and the former, Dionysius’ opinion, forms his style on the Athenian historian. The last chapter is devoted to Theopompus of Chios. Dionysius extols him. Dionysius

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-09-00022a “‘Forefathers of history’: The oldest representatives of ancient historical science.”

examines different styles of ancient writers. Plato is under the influence of Thucydides, but Thucydides is inferior to Herodotus, Herodotus produces works that surpass those of Charon and Hellenicus, while Theopompus is superior in style to Demosthenes himself and surpasses Isocrates — the ‘most brilliant’ rhetoricians of the past. By presenting this gallery of names, Dionysius shows comparison as *agon* — of styles, genres, authors, they subject matters, intensive narrative — and he himself contends with the writers of the past. Seeing mastery of rhetoric as a peculiar *agon* stretching over centuries and across the *agon* of rhetoricians, philosophers and historiographers, Dionysius identifies the circle of best writers, and himself joins it. He claims that in the scholarly rhetoric “the truth is dearer still” and establishes the criteria to judge the classic writers. And the critic realizes that he will be judged according to the same (his own) criteria.

Keywords: Herodotus, Thucydides, Xenophon, Hellenicus, Charon, Philistus, Theopompus, Plato, Isocrates, Lysias, Demosthenes, style, rhetoric, historiography, philosophy, truth, *agon*

ГОНЧАРКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ЖЕНЩИНЫ-ФИЛОСОФЫ И ЖЕНЩИНЫ-РИТОРЫ В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ ДИОТИМЫ МАНТИНЕЙСКОЙ ДО АФИНАИДЫ АФИНСКОЙ*

В докладе сопоставлены риторические идеи женщин-философов и женщин-риторов в истории античной досократической, классической, позднеантичной и ранневизантийской философских традиций с общим

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

контекстом развития логико-риторических идей в эти периоды.

Ключевые слова: Гендерная ревизия истории философии — Античная философия — Византийская философия

В конце XX века в рамках гендерных исследований истории философии был создан проект гендерной ревизии истории философии, посвященный освещению и реконструкции вклада женщин в развитие философии от античности до наших дней, пионерами которого стали Мэри Эллен Вейт (Mary Ellen Waithe) и Карен Варрен (Karen Warren).

В рамках настоящего доклада хотелось бы показать, что некоторые из известных женщин-философов греческих Античности и раннего Средневековья внесли свой вклад еще и в развитие риторики — как философской и политической, так и поэтической риторики как чистого искусства. При этом их философские и риторические идеи вполне заслуживают внимания в свете современных исследований античного и византийского риторического наследия:

1. Аспазия (Ἀσπασία 470–400 до н. э.) в контексте развития досократической философии, риторики и софистики, а также образования «периклова философского круга».

2. Диотима Мантинейская (Διότιμα ἀπὸ τῆν Μαντινεία, 440 г. до н.э.) в контексте философии Платона.

3. Пифагорейки Периктиона (Περικτιόνη, V (?) в. до н. э. / III (?) в. до н. э.) и Феано Кротонская (Θεανώ VI (?) в. до н. э.) как предыстория этики Аристотеля.

4. Макрина Каппадокийская (Μακρίνα † 379) в контексте формирования платоновского диалогового жанра в рамках ранневизантийской философии.

5. Гипатия Александрийская (Ἰππατία ἡ Ἀλεξανδρεῖα, 370–415) и ее влияние на риторику и философию Синесия Киренского (Συνέσιος ὁ Κυρηναῖος).

6. Афинаида Афинская (Ἀθηναῖς, 401 — 460 гг. н.э., в крещении Элия Евдокия Августа (Αἰλία Εὐδοκία Αὐγουστά)) и ранневизантийская риторическая традиция.

Следует отметить, что данными именами не исчерпывается перечень имен женщин, как философствовавших, так и экспериментировавших с риторическими приемами как в Античности, так и в период греческого раннего Средневековья.

DMITRY GONCHARKO, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Researcher; Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

**WOMEN PHILOSOPHERS AND WOMEN RHETORICIANS
IN THE HISTORY OF THE ANCIENT GREEK AND
BYZANTINE PHILOSOPHY: FROM DIOTIMA OF
MANTINEA TO ATHENAIS OF ATHENS***

The paper deals with the rhetorical ideas of women philosophers and women rhetoricians in the history of Ancient pre-Socratic, Classical, Late Ancient and Early Byzantine traditions within the general context of the rhetorical ideas development of these periods.

Keywords: history of women philosophers, Ancient Philosophy, Byzantine Philosophy

At the end of the 20th century the gender revision of the history of Greek philosophy was initiated within the framework of Gender Studies of the history of philosophy, and was dedicated to highlighting and reconstructing the contribution of women to the development of philosophy.

Within my talk, I would like to show that some of the famous female philosophers of Greek Antiquity and the early Middle Ages also contributed to the development of rhetorics — philosophical, poetic and political. At the same time, their philosophical and rhetorical ideas deserve attention in the light of modern studies of the ancient and Byzantine rhetorical heritage:

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00885 “Gender Revision of the History of Philosophy.”

1. Aspasia (Ἀσπασία 470–400 BC) — within the context of the development of pre-Socratic philosophy, rhetorics and sophistry.

2. Diotima of Mantinea (Διοτίμα ἀπὸ τὴν Μαντίνηια, 440 B.C.) — within the framework of Plato's philosophy.

3. Pythagoreans Perictione (Περικτιόνη, V (?) B.C. / III (?) B.C.) and Theano of Crotona (Θεανώ VI (?) B.C.) — within the prehistory of Aristotelian ethics.

4. Macrina of Cappadocia (Μακρίνα († 379)) — within the formation of the Platonic dialogue genre in Early Byzantine philosophy.

5. Hypatia of Alexandria (Ἵπατία ἡ Ἀλεξάνδρεια, 370–415) — within the rhetorics and philosophy of Synesius of Cyrene (Συνέσιος ὁ Κυρηναῖος).

6. Athenais of Athens (Ἀθηναῖς, 401–460 AD, baptized as Aelia Eudocia Augusta (Αἰλία Εὐδοκία Αὐγούστα)) — within the Early Byzantine rhetorical tradition.

It should be noted that these names do not exhaust the list of names of women, both philosophizing and experimenting with rhetorical devices in Antiquity and early Middle Ages.

ЕГОРОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ПЛАТОН О ПРИРОДЕ РИТОРИКИ В ДИАЛОГАХ «ФЕДР» И «ГОРГИЙ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Отношение Платона к риторике нередко оценивается как негативное. Однако так ли однозначна оценка Платона? В докладе сравниваются определения риторики, намеченные Платоном в диалогах «Горгий» и «Федр», и выясняется отношение между риторикой и диалектикой. Предпринятый сравнительный анализ этих диалогов позволяет раскрыть эволюцию взглядов Платона на природу риторики.

Ключевые слова: риторика, диалектика, «Горгий», «Федр», Платон

MARINA EGOROVA, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

PLATO ON THE NATURE OF RHETORIC IN THE DIALOGUES *PHAEDRUS* AND *GORGIAS*: A COMPARATIVE ANALYSIS

The way Plato evaluates rhetoric is often said to be negative. But is Plato's attitude really so univocal? In the report the two definitions of rhetoric outlined in "Gorgias" and "Phaedrus" are compared, the relation between rhetoric and dialectic is uncovered. The undertaken analysis of these dialogues helps to reveal the evolution of Plato's views on rhetoric.

Keywords: rhetoric, dialectic, "Gorgias", "Phaedrus", Plato

ЩЕРБАКОВ ФЁДОР БОРИСОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

РИТОРИКА ИНОСКАЗАНИЯ В НЕОСТОИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ КОРНУТА, ГЕРАКЛИТА-АЛЛЕГОРИСТА И ГИЕРОКЛА-СТОИКА)*

Сближение позднеантичных философии и риторики (которые никогда и не были, собственно говоря, полностью разделены друг от друга), позволяет, на наш взгляд, поставить и более общие вопросы о месте риторики в философии этого периода. В данном случае мы хотели бы увидеть, какую явную и скрытую риторику содержит практика античной философской аллегорезы, т.е. иносказательного способа прочтения текстов мифологического или философского содержания. Во-первых, в настоящем докладе делается попытка обосновать тот взгляд, что философская аллегореза в немалой степени имплицитно была ориентирована, помимо читателя, и на самого комментатора: не-буквальное прочтение древних текстов в таком смысле приобретало характер высшей мистико-анагогической практики философского размышления о богах. Таким образом, иносказательное понимание имело как бы двойной адресат своего риторического увещания. Во-вторых, многочисленные аргументационные натяжки в сочинениях позднеантичной эпохи (сочинение Корнута в этой связи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемического дискурса».

особенно характерно) нельзя списывать только на некую неумелость иносказателей. Это, безусловно, имело место, но гораздо важнее здесь другое: аллегорическая практика была значима сама по себе, как своеобразный вид духовно-философской аскезы. Можно сказать, что для герменевта было важно *постоянно продуцировать* аллегорическую аргументацию, как бы всё время упражняться в нём. Именно поэтому аллегорические трактаты так обильны всевозможными сомнительными уловками и софизмами и так поражают разработанностью доказательного аппарата и привлекаемых методов, при том что они имели довольно низкий убеждающий эффект даже для своих современников. В-третьих, у аллегористов конца античности (не только стоической направленности, но часто и у средних платоников и неоплатоников) можно наблюдать то, что некоторые черты понятого указанным образом мифа невольно перекидываются и на представление о Космосе в целом. Таким образом, в нашем понимании помимо той печати риторизации философии, которая была характерна для конца античности, аллегорической традиции была свойственна своя собственная глубинная риторика, рождённая, с одной стороны, представлением о Космосе как о Вселенском Храме или Великой Мистерии, а с другой, специфической двунаправленностью аллегорической практики как духовной аскезы.

Ключевые слова: аллегорическая интерпретация, античная риторика, Корнут, Гиерокл-Стоик, Гераклит-Аллегорист

FEDOR SHCHERBAKOV, Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**RHETORIC OF ALLEGORY IN THE NEO-STOIC SCHOOL
(IN THE WORKS OF CORNUTUS, HERACLITUS THE
GRAMMARIAN, AND HIEROCLES THE STOIC)***

The convergence of the late antique philosophy and rhetoric (which have never been completely separated from each other) allows to raise some more general questions about the place of rhetoric in the philosophy of this period. In particular, we would like to see that the

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No18-011-01123 “The problem of coupling morality and religion in epicurean and stoic philosophy: a comparative analysis of polemical discourse.”

philosophical practice of the allegorical interpretation (i.e. the non-literal way of reading the authoritative texts with some mythological or philosophical content) contained a specific lay of “hidden” rhetoric. At first, this report attempts to prove that in no small part the philosophical allegoresis was oriented towards the hermeneutist himself: in this sense the non-literal reading of the ancient texts was the highest mystical-anagogic practice of the philosophical reasoning on the gods. Thus, the non-literal understanding had a double addressee of its rhetorical exhortation. At second, the numerous argumentative tensions in the writings of the late antique era (in this regard the treatise by Cornutus is especially demonstrative) cannot be attributed only to some ineptitude of the allegorical hermeneutists. Of course, it was occurring also but there is much more important that the allegorical practice had significance in itself, as a kind of spiritual and philosophical exercise. It may be said that the allegorists were constantly exercising in producing their allegorical argumentation and so, were approaching nearly to the gods. At third, it can be observed that in the end of antiquity some features of the allegorically understood myth were spilling over to the representation of Cosmos as a whole. Thus, in our understanding, in addition to the distinct mark of rhetoric on the great part of the late ancient philosophy, the allegorical tradition had its own “deeper” lay of rhetoric.

Keywords: allegorical interpretation, ancient rhetoric, Cornutus, Heraclitus the Grammarian, Hierocles the Stoic

Шиян ТАРАС АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук; Фонд «Центр гуманитарных исследований» (Москва, Россия), старший научный сотрудник

КОНЦЕПЦИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА КАК ОСНОВА МЫШЛЕНИЯ И АРГУМЕНТАЦИИ В «ГОСУДАРСТВЕ» ПЛАТОНА

В диалоге «Государство» Платон устами Сократа начинает построение справедливого государства с экономических рассуждений о необходимости для существования общества и государства разделения между людьми трудовых усилий. Именно представления о разделении труда служат той «логикой», в рамках которой Платон делает первые шаги в описании устройства справедливого государства и обосновывает необходимость выделения воинов (стражей) в качестве отдельной профессиональной группы.

Ключевые слова: Платон, «Государство», разделение труда

В диалоге «Государство» Платон устами Сократа начинает построение справедливого государства с экономических рассуждений о необходимости для существования общества и государства разделения между людьми трудовых усилий. Именно представления о разделении труда служат той «логикой», в рамках которой Платон делает первые шаги в описании устройства справедливого государства и обосновывает необходимость выделения воинов (стражей) в качестве отдельной профессиональной группы. В ходе своих рассуждений Платон рассматривает три модели государства с разными уровнями разделения труда и только относительно третьей модели начинает говорить о необходимости существования воинов/стражей. Платон использует представление о большей «эффективности» труда, если он соответствует природной

склонности человека, с одной стороны, в качестве рационального основания возникновения разделения труда, с другой стороны, для обоснования необходимости селективно-наследственного характера сословия стражей. В целом, общие представления Платона об общественном разделении труда совпадают с соответствующими представлениями Адама Смита, различаясь в некоторых акцентах (за исключением части, относящейся к машинному производству, отсутствовавшему в эпоху Платона). Более того, в отдельных аспектах взгляды Платона более реалистичны, чем постулаты Смита. Так, Смит выводит разделение труда из присущей всем людям склонности к обмену и торговле, тогда как Платон, наоборот, объясняет возникновение торговли и денег из необходимости в посредниках между производителями в усложняющейся системе разделения труда. К недостаткам взглядов Платона, безусловно, относится некоторая переоценка значения наследственных, врожденных способностей, которые Смит в целом игнорирует. Правда, в рамках экономических рассуждений о разделении труда Платон в целом достаточно корректен и делает резкий упор на роль врожденных, наследственных признаков только при обосновании селективно-наследственного характера сословия стражей. Но и здесь Платон указывает на необходимость воспитания, без которого самые лучшие качества ведут скорее к порокам, чем к добродетели (чем вводится тема о системе воспитания стражей).

TARAS SHIYAN, CSc in Philosophy; Foundation for Humanities
(Moscow, Russia), Major Research Fellow

THE CONCEPT OF DIVISION OF LABOR AS THE BASIS OF THINKING AND ARGUMENTATION IN PLATO'S *POLITEIA*

In the dialogue “Politeia,” through the mouth of Socrates, Plato begins to construct a just state with economic argumentation about the inevitability for the existence of a society and of a state to divide labor efforts between people. It is the idea of the division of labor that serves as the “logic” within

which Plato takes his first steps in describing the structure of the just state and argues the need to allocate warriors (guards) as a special professional group.

Keywords: Plato, the *Politeia*, division of labor

АФОНАСИНА АННА СЕРГЕЕВНА, кандидат философских наук; Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), старший преподаватель

ИДЕАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ ДЛЯ ИДЕАЛЬНОГО ГОРОДА*

Создавая проект идеального города-государства Платон конечно же много внимания уделяет религиозной сфере. Почитание богов, омовения, шествия, ритуальные запреты и предписания все это так глубоко пронизывало жизнь людей, что не учитывать этого фактора было нельзя. В то же время Платон в качестве создателя мира постулирует не того Зевса, который почитался в народе как бог неба, грома и молний, а некоего бога-ремесленника, совсем не знакомого людям и не имеющего никакой мифологической истории. То есть Платон создает нового бога, лишённого всех тех недостатков, которыми весьма славились олимпийские боги. Это очень важно для воспитания и образования, ведь если дети с детства впитывают истории о любовных похождениях разных богов, изменах, пьянстве, обмане, воровстве, то разве из них могу вырасти хорошие граждане? Просто устранить эти знакомые фигуры из нового государства и вместо них постулировать нового «идеального» бога нельзя, это слишком болезненно и опасно. Но можно изменить представление о привычных богах. Об этой религиозной риторике — а именно о том, какие приемы, слова и выражения использует Платона в «Государстве» и «Законах» — и пойдет речь в докладе.

Ключевые слова: Платон, религиозная риторика, Афродита, Дионис, Аполлон, «Законы», «Государство»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-78-10001 «Образовательное пространство и антропологии античного и современного города».

ANNA AFONASINA, CSc in Philosophy; Novosibirsk State
University (Novosibirsk, Russia), Senior Lecturer

IDEAL RELIGION FOR AN IDEAL STATE*

Creating the project of an ideal city-state Plato certainly pays much attention to the religious sphere. Honoring the gods, ablutions, processions, ritual prohibitions and regulations all these things so deeply permeated people's lives that it was impossible to ignore this factor. At the same time Plato postulates the new god as the creator of the world — not that Zeus, who was revered among the people as the god of heaven, thunder and lightning, but a certain god-craftsman completely unfamiliar to people and having no mythological history. That is Plato creates the new god deprived of all those shortcomings, by which the Olympic gods were very famous. This is very important for education and upbringing, because if children from childhood absorb the stories of love affairs of different gods, cheating, drinking, deception, theft, then how can they grow up good citizens? Just to remove these familiar figures from the new state and instead of them postulate a new “ideal” god is impossible, it is too painful and dangerous. However, it is possible to change the idea of the familiar gods. This religious rhetoric — namely, what techniques, words, and expressions Plato uses in his the *Republic* and the *Laws* — will be discussed in the paper.

Keywords: Plato, religious rhetorics, Aphrodite, Dionysos, Apollo, the *Laws*, the *Republic*

Шурунов Константин Михайлович, Российский
государственный педагогический университет им. А. И.
Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ТАЛИБАН — РЕЖИМ, ОСНОВАННЫЙ НА ПРИНЦИПАХ «ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА» ПЛАТОНА

Доклад очерчивает базовые принципы «идеального справедливого государства», описанные в «Государстве»

* The research was funded by Russian Science Foundation, project No 18-78-10001 “Educational spaces and anthropological practices of the ancient and modern city.”

Платона. Далее доклад показывает, как эти принципы были внедрены в реальной жизни режимом Талибана в Афганистане. Отмечается также, что Талибан произошёл из движения Деобанди, которое совмещает религиозный мистицизм и фундаментализм — комбинация, представленная в этом диалоге Платона.

Ключевые слова: Платон, политика, государство, идеальное государство, Талибан

KONSTANTIN SHURUNOV, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

TALIBAN — THE REGIME BASED ON PRINCIPLES OF PLATO'S *REPUBLIC*

The report outlines the basic principles of the “ideal just state” as they are presented in Plato's *Republic*. The report further shows how those principles were implemented in real life by Taliban regime in Afganistan. It is also noted that Taliban came from Deobandi movement, which combines religious mysticism and fundamentalism — the combination presented in this particular Plato's dialog.

Keywords: Plato, politics, Republic, ideal city, ideal state, Taliban

ЧЕРЕДНИКОВ ВАЛЕНТИН ИГОРЕВИЧ, кандидат философских наук, независимый исследователь

ФИЛОСОФИЯ ДЕНДИ: СОФИСТЫ И ПЛАТОНИКИ

Искусство речи едва ли в меньшей степени, нежели культ одежды, является неотъемлемой составляющей дендистского образа жизни. То и другое совмещал великий предшественник денди Алкивиад, учений Сократа и герой диалогов Платона. Сочетание того и другого сделал фундаментом жизненной философии Оскар Уайльд, которого, если бы он находил приемлемым различие теории и практики, можно было бы назвать софистом на практике и платоником в теории. Дендизм — единство телесного и духовного, стремление к которому восходит

к античности. Кроме того, вденди, при том что он сохраняет максимальную дистанцию по отношению кобществу, все обобществлено, все в нем — политика и риторика.

Ключевые слова: Денди, софисты, Алкивиад, Уайльд, искусство речи

VALENTINE CHEREDNIKOV, CSc in Philosophy,
Independent scholar

THE PHILOSOPHY OF DANDY: SOPHISTES AND PLATONISTS

The art of speech, hardly to a lesser degree than the art of wearing clothes is an essential part of the dandy's lifestyle. Alcibiades, the great predecessor of all dandies, a noted student of Socrates and a character of the Dialogues of Plato was great at both arts. Also the combination of these two arts were the foundation of Oscar Wilde's life philosophy, and if Wilde had accepted the distinction between theory and practice he could be called a sophist in practice and a platonist in theory. A dandy represents the unity of body and spirit, the roots of which date back to Ancient Greece. And despite keeping social distancing a dandy is socialized because he practices politics and rhetorics.

Keywords: Dandy, sophistes, Alcibiades, Wilde, art of speech

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, доцент; Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия), ведущий научный сотрудник

ПЛАТОН И ЦИЦЕРОН VS ГОМЕР: МОЖЕТ ЛИ ГОРОД БЫТЬ ВОСПИТАН НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ?*

В докладе рассмотрены вопросы рецепции идущей от Гомера педагогической традиции в сочинениях Платона и Цицерона. Выстраивая линии педагогической критики,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 16-06-00004 «Концепция воспитания культурой в педагогике Цицерона» и № 17-36-01006-ОГН-МОЛ-А2 «Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены».

они выдвигают тезисы об особой природе педагогической деятельности, которые условно можно соотнести с областями философии образования, методологии образования, теории образования и образовательной практики.

Ключевые слова: история античной педагогики, Цицерон, Платон, Гомер, античная поэзия, античная проза

VICTORIA PICHUGINA, DSc in Pedagogy, Associate Professor;
Institute for strategy of education development
(Moscow, Russia), Leading Researcher

PLATO AND CICERO VS HOMER: CAN A CITY BE BROUGHT UP ON THEATER POETRY?*

The paper discusses the question of reception of the pedagogical tradition coming from Homer in works of Plato and Cicero. Building lines of pedagogical criticism, they advance the thesis about the special nature of pedagogical activity, which can be conditionally related to the fields of the philosophy of education, the methodology of education, the theory of education and educational practice.

Keywords: history of ancient pedagogy, Cicero, Plato, Homer, ancient poetry, ancient prose

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 16-06-00004 and No 17-36-01006-OGN-MOL-A2.

**СЕКЦИЯ 5 «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ: ПЛАТОН, МЕТАФИЗИКА,
РИТОРИКА, СЛОВЕСНОСТЬ»**

Мурский Вадим Вячеславович, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

**ФАЛЕС И ПАРМЕНИД О ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ
ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ, БЫТИЕ-НЕБЫТИЕ**

Доклад посвящен анализу противоположных воззрений Фалеса и Парменида на такие фундаментальные и неразличные для обычного человека противоположности, как противоположности жизни и смерти, бытия и небытия. Как известно, Фалес, не только утверждал, что в основе всего лежит единое первоначало — вода, но делал также кажущееся маргинальным заявление, что жизнь и смерть — одно и то же. С другой стороны — знаменитое утверждение Парменида: «Бытие есть, небытия нет». В докладе проводится исследование роли вышеназванных положений в учениях обоих философов, а также проводится сравнительный анализ этих положений.

Ключевые слова: Фалес, Парменид, жизнь, смерть, бытие, небытие, диалектика

VADIM MURSKY, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Lecturer

**THALES UND PARMENIDES ÜBER DEN GEGENSATZ
VON LEBEN UND TOD, VON SEIN UND NICHTSEIN**

Der Vortrag ist einer Analyse der entgegengesetzten Ansichten von Thales und Parmenides über solchen fundamentalen und für einen gemeinen Menschen nicht gleichgültigen Gegensätzen, als die Gegensätze von Leben und Tod, von Sein und Nichtsein gewidmet.

So behauptete Thales, wie bekannt ist, nicht nur einen im Grunde von Allem liegenden Ursprung — nämlich das Wasser, sondern auch eine andere, marginal scheinende Behauptung machte, — dass das Leben und der Tod ein und dasselbe sind. An der anderen Seite — die Berühmte Behauptung von Parmenides: „Das Sein ist, das Nichtsein ist nicht“. Es wird im Vortrage die Rolle der oben genannten Behauptungen von beiden Philosophen untersucht, und eine vergleichende Analyse derselben gemacht.

Keywords: Thales, Parmenides, das Leben, der Tod, das Sein, das Nichtsein, die Dialektik

ЗЕМЛЯКОВ ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ, ГБПОУ СО «Гуманитарный колледж» (г. Тольятти, Россия), преподаватель

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ СВЕТА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ЭПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ПОЭТИКЕ ПАРМЕНИДА

В статье проводится параллель между Светом и Ночью в проэмии Парменида и сторонами света гомеровской мифологии, то есть крайним востоком и крайним западом. Путешествие «знающего мужа» по Вселенной рассматривается как путешествие по «пути Солнца» в ночное время суток по направлению с запада на восток. Точкой отправления героя проэмия выступает смешанный между Ночью и Светом мир «смертных». Точкой прибытия оказывается пограничный мир, то есть Океан. Тем самым путешествие в проэмии элеата приобретает черты традиционного для древних греков сюжета странствия эпического героя на край света.

Ключевые слова: Парменид, Гомер, свет, ночь, запад, восток, поэма, океан, путь Солнца

GLEB ZEMLYAKOV, St. Alexius College of humanitarian and socio-pedagogical disciplines (Tolyatti, Russia), lecturer

JOURNEY TO THE END OF THE WORLD AS A TRADITIONAL EPIC PLOT IN PARMENIDES' POETICS

The article draws a parallel between the Light and the Night in the proem of Parmenides and the cardinal points from Homeric

mythology, that is, the extreme east and extreme west. A journey of the Man of Knowledge through the Universe is considered as a journey along the “Path of the Sun” at night in the direction from west to east. The departure point of the hero of the poem is the world of the “mortals” mixed between “Night and Light.” The point of arrival is the border world, that is, the Ocean. Thus, the journey in the poet’s poem receives the features of a traditional for the ancient Greeks plot of the epic hero’s journey to the end of the world.

Keywords: Parmenides, Homer, light, night, West, East, poem, Ocean, way of the Sun

МИНЮК НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПЛАТОН VS. АРИСТОТЕЛЬ?

Античное представление о справедливости нашло свое высшее выражение в трудах Платона и Аристотеля, крупнейших древнегреческих философов классической эпохи. Несмотря на последовательное развитие Платоном своих философских воззрений на природу справедливости от диалога к диалогу, в настоящее время его политические идеи не часто становятся объектом конструктивной рефлексии, разве что в критическом ключе. В свою очередь аристотелевская теория справедливости, по сути, нашла свое выражение во всем современном научном и политическом дискурсах. Но в какой мере это позволяет нам говорить о «преодолении» платоновской концепции (или концепций?) справедливости, осуществленного еще Аристотелем? Общеизвестными являются отдельные критические выпады Аристотеля в адрес некоторых аспектов «политической теории» Платона, как-то критика упразднения собственности для сословия стражей в «идеальном государстве» или общность у них же жен и детей. Все это, однако, не позволяет с необходимостью заявить, что и в вопросе о справедливости ученик опровергает своего учителя. В нашем докладе мы, предпринимая детальный анализ концепций справедливости обоих мыслителей, постараемся продемонстрировать, что теория справедливости

Аристотеля явилась логичным развитием платоновских воззрений, без которых попросту не возникло бы предпосылок для последующего разделения справедливости на общую и частную (со всевозможными аспектами и уточнениями).

Ключевые слова: Платон, философия, справедливость, риторика, Аристотель

NIKITA MINYUK, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

JUSTICE: PLATO VS. ARISTOTLE?

The antique understanding of justice in the most completed way was expressed in Plato's and Aristotle's works, two of the most significant ancient Greek philosophers of its classic period. In spite of the fact that Plato steadily developed his thoughts on justice from dialogue to dialogue, today his ideas rarely become an object of philosophical reflection, perhaps only in critical view. At the same time, basically, Aristotle's ideas on justice seem to be a basis of all modern discussions on this topic, either in scientific or political discourses. Anyway, is it a reason for us to say that already Aristotle «overpassed» Platonic conception(s) of justice? Some individual critical attacks on parts of Plato's political ideas, for example, a proposal for the elimination of private property for the guardians of «ideal republic» or common wives and children for them, are well known indeed. All these thoughts do not necessarily mean that in the question of justice the pupil disproved his teacher. In our report, while undertaking a detailed analysis of the concepts of justice of both thinkers, we will try to demonstrate that Aristotle's theory of justice was a logical development of Platonic views, without which there would simply be no prerequisites for the subsequent division of justice into general and particular (with all sorts of aspects and clarifications).

Keywords: Plato, philosophy, justice, rhetoric, Aristotle

КОВАЛЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОДХОДА ПЛАТОНА К ИДЕЯМ

В данном докладе предлагается тезис, что подход Платона к идеям в диалогах «Парменид», «Государство» и «Софист», является самопротиворечивым. А именно: прослеживается отношение философа к идеям в той мере, в какой они существуют как вне реальности вещей (как образцы), так и внутри нее (посредством подобий).

Ключевые слова: идея, небытие, иное, едино, бытие

В самом начале диалога «Парменид» принимается тезис, что положение «существует многое» несёт в себе более абсурдные последствия, нежели, чем предположение о существовании единого. Однако и «единое существует» проблематично. В речи Сократа прослеживаются слова о том, что вещи таковы, какие они есть, но тем не менее необходимо обратиться к тщательному рассмотрению идей. Именно в этом и заключается цель диалога — обосновать бытие «вечных» идей над множеством реальных вещей (иным). Через слова Сократа Платон задаёт существование идей самих по себе, невозможность смешивания таких идей, как подобие и неподобие, множественность и единичность, покой и движение; справедливое само по себе, прекрасное и благое.

Таким образом, закономерно возникает сомнение, что Платон вопреки себе принял существование полагающих идей вне реальности вещей, но не во вне реальности бытия, а в реальности вещей — лишь подобия и сравнения. В этом отношении он противоречит своим же предположениям о существованиях (бытии) идей, из которого и выводится несостоятельность соединения понятий бытия и небытия, единого и иного в языковые конструкции типа «единое существует» или «бытие едино».

В докладе также предполагается раскрыть тезис о том, почему в диалоге «Парменид» механизм сопряжения идей

с вещами, как и идей друг с другом, порождает противоречивые конструкции («бытие едино», «бытие множественно», «бытие подвижно», «бытие имеет форму», и т.д.), которые должны быть отброшены при их внимательном рассмотрении.

DMITRY KOVALEV, St Petersburg Mining University
(Saint Petersburg, Russia), Student

INTERPRETATION OF PLATO'S APPROACH TO IDEAS

The talk is dedicated to the demonstration of the conclusion that Plato's approach to ideas in the dialogs "Parmenides," "State" and "Sophist" is self-contradictory. Namely, the question, in which mode the ideas exist, is traced to the extent that they exist both outside the reality of things (as prototypes) and inside it (as the similarity of corresponding copies).

Keywords: idea, non-being, the other, the one, being

At the very beginning of the dialogue *Parmenides*, the thesis is accepted that "the plentity exists," which carries more absurd consequences than the assumption of the existence of the one. Socrates traces the words that things exist as they are, but he nevertheless turns to the examination of ideas. The main purpose of the dialogue is to establish the privilege of "eternal" ideas to the sets of real things. Through the words of Socrates, Plato determines the existence of ideas in themselves, the impossibility of mixing the ideas with each other (the being and the one, the multiplicity and motion, homogeneity and non-homogeneity, non-being, etc.).

Thus, it is logically consistent to doubt, whether Plato is contrary to himself, accepting the existence of ideas outside the reality of things, but not the reality of being, and the ontological status of the existing things at the level of similarity and homogeneity. In this respect, he contradicts his own assumptions about the existences (being) of ideas, from which the other inconsistencies are deduced, e.g. that of the combination of being and nonexistence concepts, the one and the other concepts, and that of the language constructions such as "one exists" or "being is one."

ТАРАБАНОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ, Русская
христианская гуманитарная академия (Санкт-
Петербург, Россия), магистрант

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РИТОРИКА В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ГОРГИЙ»

В настоящем докладе автор анализирует диалог Платона «Горгий» и представляет возможные варианты ответа на вопрос, может ли искусство красноречия способствовать возвращению справедливости в людях и делать их лучше. Указанный диалог предлагает три варианта решения данного вопроса: 1) «промежуточное» положение риторики между добром и злом, возможность её использования во имя как справедливости, так и несправедливости; 2) отрицательное отношение к риторике как к угодничеству, направленному на заискивание перед толпой (мнимое искусство для души); 3) истинное понимание риторики как искусства укоренения в душах воздержности, изгнания всякой несправедливости и распущенности, утверждения добродетелей и искоренения пороков. Автор приходит к выводу, что Платон склоняется к третьему варианту решения поставленного вопроса, что подтверждается как стилем ведения беседы Сократа с персонажами «Горгия», так и последующим развитием идей Платона об искусстве красноречия в диалоге «Федр».

Ключевые слова: Справедливость, риторика, угодничество, образ жизни, «промежуточное» явление, подлинное искусство, мнимое искусство, воздержность, добродетель, правосудие

1. Диалог «Горгий» относится к важнейшим текстам Платона, посвященным аксиологической проблематике. Понятия «благо», «зло», «приятное», «полезное», «удовольствие», «страдание» и их взаимное отношение проходят красной нитью через весь текст.

2. Вместе с тем «Горгий» имеет специальный подзаголовок: «О риторике». Поиск определения риторики, который становится главной темой первых двух частей диалога (беседа

Сократа с Горгием и Полом), происходит в неразрывной связи с вопросом, какой образ жизни, справедливый или несправедливый, является лучшим для человека. Кроме того, поскольку основной частью риторики является судебное красноречие, связь между вопросом о сущности риторики и проблемой справедливости является очевидной.

3. Основной вопрос, подлежащий обсуждению: может ли искусство красноречия способствовать возвращению справедливости в людей и делать их лучше? В диалоге дается 3 варианта его решения.

4. Первый вариант: риторика относится к так называемым «промежуточным» явлениям, т.е. сама по себе она не является ни благом, ни злом, но она может быть использована во имя как справедливости, так и несправедливости. С таким определением категорически не согласен Сократ, полагая, что «красноречие ни при каких условиях не может быть чем-то несправедливым, раз оно постоянно ведет речи о справедливости».

5. Второй вариант: красноречие как призрак одной из частей государственного искусства. Подобно тому, как существуют подлинные и мнимые искусства, направленные на благо для тела (гимнастика и врачевание — подлинные, поварская сноровка и украшение тела — мнимые), точно так же существуют подлинные и мнимые искусства для души (законодательство и правосудие — подлинные, софистика и красноречие — мнимые). Мнимые искусства направлены на заискивание перед толпой (угодничество), а их цели противоположны истинному попечению о душах.

6. Третий вариант, к которому склоняется и сам Платон: понятие истинного красноречия, способствующего возвращению справедливости в людей. Красноречие необходимо употреблять в целях укоренения в душах воздержности, изгнания всякой несправедливости и распущенности, утверждения добродетелей и искоренения пороков. В отношении совершившего несправедливость подлинный ритор исполняет функцию обвинителя, но само обвинение имеет своей

целью благо обвиняемого, ибо самым несчастным человеком является тот, кто совершил несправедливость, но остался безнаказанным.

7. Предпочтительность для Платона третьего варианта подтверждается как самими речами Сократа по тексту диалога (их стиль далек от краткого вопросно-ответного метода, а, скорее, похож на речь оратора), так и последующим развитием идей Платона об искусстве красноречия (диалог «Федр»).

ALEKSANDR TARABANOV, Russian Christian Academy
for the Humanities (Saint Petersburg, Russia),
Master degree student in Philosophy

JUSTICE AND RHETORIC IN PLATO'S *GORGIAS*

In the presentation the author analyzes Plato's dialogue «Gorgias» and proposes the possible answers on the question, whether the art of rhetoric could grow the justice and make the people better. This dialogue offers three answers on this question: 1) intermediate position of rhetoric between good and evil, possibility of its use for the sake of both — justice and injustice; 2) negative attitude towards rhetoric as subservience, working for captation before the crowd (fake art for soul); 3) true understanding of rhetoric as an art of planting the temperance in the souls, elimination injustice and immorality, killing the vices and affirmation of virtues. The author comes to the conclusion, that Plato is inclining towards the third variant. This is confirmed by the style of the dialogue between Socrates and other persons of the discussion and further development of Plato's ideas of the art of rhetoric in the dialogue «Phaedrus».

Keywords: Justice, rhetoric, subservience, way of life, intermediate phenomenon, genuine art, fake art, temperance, virtue, jurisdiction

УДАЛОВА ВАЛЕРИЯ ВИКТОРОВНА, Выборгский институт
(филиал) Ленинградского государственного университета
им. А. С. Пушкина (Выборг, Россия), преподаватель

СУЩЕСТВО МЫШЛЕНИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ СОКРАТА

В философии Платона путь к теории или созерцанию гармонического единства космоса лежит через овладение искусством диалектики. Диалектический метод Сократа является не только гносеологическим методом человеческого разума, но также выступает деятельностью, стремящейся воплотить способность человеческого разума определять и переживать сущность собственного бытия. В седьмой книге «Государства» Сократ говорит о диалектиках как о тех, кому «доступно доказательство каждой вещи». Для того, чтобы осознать себя, разуму необходимо «прочувствовать» форму собственного самоограничения не только в пространственном и временном отношении, но и в отношении к Благу и вечным эйдосам. Способом такого «чувствования» разумом своей собственной оформленной сущности выступает метод диалектики.

Ключевые слова: Платон, Сократ, мышление, экзистенция, диалектика

VALERIA UDALOVA, Pushkin Leningrad State University
(Vyborg Institute, Vyborg, Russia), Lecturer

THE EXISTENCE OF THOUGHT IN THE DIALECTICAL SOCRATES' METHOD

As per Plato's philosophy, dialectics is a method of achieving *theory*. The dialectical method of Socrates is an activity that embodies the ability of the mind to experience the essence of its own being. The mind needs to "perceive" like a sense the form of its own in the design itself. The method of dialectics acts is a way for the mind to "sense" its own formalized essence. Socrates tells this myth-story in the seventh book of the Republic.

Keywords: Plato, Socrates, thought, existence, dialectics

ШТЕМБЕЛЮК ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ,

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ПЛОТИН О СПОСОБЕ ВОСХОЖДЕНИЯ К ЕДИНОМУ

В рамках данного доклада рассмотрим возможность восхождения к Единому на основе трактата «О диалектике». Есть три пути восхождения к Первоначальному: музыка, наслаждение прекрасным и философия. С трёх разных пунктов мы способны направляться к одной и той же цели, а именно, взойти к Единому.

Ключевые слова: Плотин, неоплатонизм, Единое, восхождение, уровни сверхчувственных реальностей

IGOR SHTEMBELIUK, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

PLOTINUS ON THE METHOD OF ASCENT TO THE ONE

In the framework of this report, we intend to consider the possibility of ascending to the One on the basis of the treatise “On dialectics“. There are three ways to ascend to the One: music, enjoyment of beauty and philosophy. With three different points we are able to be directed to the same purpose.

Keywords: Plotinus, Neoplatonism, Ascent, the One, Levels of supersensible realities

ЗАЙКИНА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент
ХАМИДОВ АЛИШЕР АСЛАМОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

СОКРАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ*

В современной психотерапии одним из самых влиятельных и востребованных является когнитивно-поведенческий подход. Его приверженцы используют в своей практике так

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Ассоциации выпускников СПбГУ.

называемый «сократический диалог». Подобно тому, как Сократ в диалогах Платона задает вопросы своим собеседникам, движимый поиском истины, психотерапевты организуют беседу со своими клиентами, таким образом направляя их познание себя. Для психотерапевтов оказалась поучительной, в том числе, и сама позиция Сократа как незнающего. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию в КПТ таких понятий, как майевтика, эленхос, ассоциируемых с Сократом, а также терапевтическую функцию подобным образом организованного дискурса.

Ключевые слова: Сократ, истина, субъект, КПТ, психотерапия, диалог, майевтика, эленхос

Психотерапевты когнитивно-поведенческого направления активно применяют в клинической практике так называемый «сократический диалог». В настоящем докладе мы попытаемся выяснить, как именно был интегрирован метод ведения беседы Сократа в психотерапии и чем его фигура оказалась полезна в клинике.

Данная техника предполагает необходимость наличия другого в процессе изменения собственной личности и тот факт, что определенным образом организованный дискурс может существенно изменять психическую реальность человека.

Кроме того, фигура Сократа оказала значительное влияние на саму позицию психотерапевта в процессе лечения в качестве незнающего. В начале беседы ни один из ее участников не может быть уверен, к чему приведет их совместное исследование. Психотерапевт не является носителем готовой истины субъекта, однако то, что его отличает от пациента в отношениях — знание искусства майевтики, знание того, как организовать поиск. Восприятие принципов сократического диалога в КПТ нашло отражение в постановке акцента на самостоятельности пациента и занятии терапевтом позиции «родовспомогателя».

Главными мишенями искусства опровержения в когнитивно-поведенческой психотерапии становятся когнитивные искажения, противоречивые убеждения и дезадаптивные

мысли клиента, усвоенные им в раннем детстве от значимых взрослых. С помощью метода сократического диалога специалист стремится сначала подвести клиента к словесному формулированию собственных мыслей, а затем — к обнаружению в них противоречий, оценке их влияния на модель мышления, эмоции и повседневную жизнь.

Резюмируя, фигура Сократа во многом вдохновила стиль ведения беседы в современной психотерапевтической практике, однако теоретики КПТ в настоящее время утверждают не только о перспективности данного метода, но и о нарастающей тенденции к редукции сократического диалога к определенному набору вопросов и ответов. Можно предположить, что возвращение к платоновскому Сократу, знакомство с его жизнью, обращение к первоисточникам могут поспособствовать преодолению данной тенденции и стать неисчерпаемым источником новых интуиций.

DARIA ZAIKINA, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

ALISHER KHAMIDOV, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

THE SOCRATIC DIALOGUE IN COGNITIVE BEHAVIOURAL THERAPY*

In contemporary psychotherapy, one of the most influential and demanded is the cognitive-behavioral approach. Its disciples use the so-called “Socratic dialogue” in their practice. Just as Socrates in the dialogues of Plato asks his interlocutors, driven by a search for truth, psychotherapists organize a conversation with their clients, thus directing their knowledge of themselves. The very position of Socrates’ ignorance turned out to be instructive for psychotherapists. In this article we will consider the interpretation in CBT of such concepts as mayevtics, elenchos associated with Socrates,

* This study was supported by the Alumni Association of St Petersburg State University.

as well as the therapeutic function of a similarly organized discourse.

Keywords: Socrates, truth, subject, CBT, psychotherapy, dialogue, mayevtics, elenchos

Cognitive-behavioral psychotherapists actively use the so-called “Socratic dialogue” in clinical practice. In this report, we will try to find out how the method of conducting Socrates’ conversation in psychotherapy was integrated and how his figure was useful in the clinic.

The technique requires the presence of another in the process of changing one’s own personality and the fact that in a certain way organized discourse can significantly change the subject’s psychic reality.

In addition, the figure of Socrates had a significant impact on the very position of the psychotherapist in the treatment process as an unaware person. At the beginning of the conversation, none of its participants can be sure what their joint research will lead to. The psychotherapist is not a carrier of the truth of the subject, however, what distinguishes him from the patient in a relationship is knowledge of mayevics, knowledge of how to organize a research. The reception of the principles of the Socratic dialogue in CBT was reflected in the statement of emphasis on the patient’s independence and occupation by the therapist of the position of obstetrician.

The main targets of the art of refutation in cognitive-behavioral therapy are cognitive distortions, conflicting beliefs and maladaptive thoughts of the client, which he learned in early childhood from significant adults. Using the method of Socratic dialogue, the specialist first seeks to lead the client to the verbal formulation of their own thoughts, and then — to detect contradictions in them, assess their impact on the model of thinking, emotions and everyday life.

Summarizing, the figure of Socrates largely inspired the style of conducting conversations in modern psychotherapeutic practice, however, CBT theorists currently claim not only the prospects of this method, but also the growing tendency to reduce the Socratic dialogue to a specific set of questions and answers. It can be assumed

that a return to Platonic Socrates, an acquaintance with his life, and recourse to primary sources can contribute to overcoming this tendency and become an inexhaustible source of new intuitions.

ХАХАЛОВА АННА, Социологический институт РАН

Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), ассоциированный научный сотрудник

ТЕЛО СЛОВА У СОКРАТА И ГОРГИЯ*

Доклад посвящен анализу текста Горгия «Похвала Елены». В этом тексте поднимается тема телесности речи. Доклад построен на обсуждении фрагментов текста с точки зрения герменевтики и психоанализа Жака Лакана. Приводится сопоставление фигур философа и софиста в их отношении к истине. В частности, сравнивается представление об истине у Горгия и у Сократа, на основе текстов «Похвала Елене», «Пир» (Платон), «Перенос» (Лакан). Делается вывод, что софисты в риторике предпослали разговор о телесности. Как и для философа вопрос об истине для софиста оказывается тесно связанным с вопросом о любви. Горгий показывает, что Елена руководствуется принуждением со стороны Эроса, бога богов. Психоаналитический портрет Елены дополняет описание Горгия невротическими чертами: два имени-Отца, отказ от детей в пользу предмета любви, позиция жертвы в отношениях. Истерия как болезнь любви прослеживается и у Платона в диалоге «Пир», центральным моментом оказываются отношения между Сократом и Алкивиадом. Фигуру истерика здесь представляет Алкивиад, который закатывает любовную сцену Сократу. Однако и сам Сократ не лишен невротизма: он не просто отказывает Алкивиаду в акте любви, но настоятельно не позволяет быть признанным со стороны другого в качестве желаемого, поскольку оказаться в пассивной позиции для него

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

неприемлемо. Здесь мы можем наметить разницу между философом и софистом. Если для последнего тема любви перекрывает вопрос об истине, то для Сократа все обстоит по-другому. Как показывает Лакан, Сократ не участвует в метафорическом жесте любви, возводящим объект любви в идеал, потому что он отказывается симулировать это чудо (*se refuser à en donner <...> le simulacre*) (Lacan J. *Le Transfert*). Симуляция любви указывает на то, что отношения между ним и Алкивиадом отмечены переносом, характерным измерением таких социальных практик, как школа и психоанализ.

Ключевые слова: тело, слово, логос, Елена, Горгий, Сократ, телесность, истина, любовь, эрос, софист, философ, риторика

ANNA KHAKHALOVA, Sociological institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), Associate Research Fellow

THE BODY OF WORD IN SOCRATES AND GORGIAS*

The paper constitutes an analysis of Gorgias's Encomium of Helen. This text presents the issue of corporeity of speech. The text is considered in light of hermeneutics and psychoanalysis of J. Lacan. Figures of the philosopher and sophist are compared insofar as they are related to truth. In particular, Gorgias' and Socrate's ideas of truth are confronted based on "The Encomium of Helen," Plato's Symposium and J. Lacan's Transference. It is concluded that it is sophists who in their rhetorical works initiated the discourse of corporeity in philosophy. The question on truth for the sophist, much as it was for the philosopher, is tightly connected to the issue of love. Gorgias shows that Eros, the god of gods, coerces Helen. A psychoanalytical picture of the myth of Helen adds neurotic traits to Gorgias's version: two father's names, rejecting children in favour of the object of love, victim role

* The research was funded by Russian Science Foundation, project No 18-18-00134, "The heritage of Byzantine Philosophy in twentieth and twenty-first century Russian and Western European philosophy."

in relationships. Hysteria as a love disease can be retraced in Plato's Symposium, where relations between Socrates and Alcibiades turn to take the central place. Alcibiades, who throws a tantrum in front of Socrates, represents the figure of hysterical. However, Socrates himself is not quite without neurotic features: not only he does not reciprocate his feeling, but he also does not allow to the other to recognize himself as the object of desire, since he deems unacceptable to be in a passive attitude. Here one can detect the difference between the philosopher and the sophist. Whereas for the latter the issue of love overrides the question on truth, for Socrates it is quite different. Lacan shows that Socrates does not participate in the metaphorical gesture of love raising the object of love to the rank of perfection because he refuses to simulate this miracle (se refuser à en donner <...> le simulacre) (Lacan J. *Le Transfert*). The simulation of love points to the relationship between him and Alcibiades being marked by transference — a characteristic dimension of social practices such as school and psychoanalysis.

Keywords: body, word, logos, Helen, Gorgias, Socrates, corporeity, truth, love, eros, sophist, philosopher, rhetorics

СЕКЦИЯ 6: «БОГОСЛОВИЕ, МЕТАФОРА, ЛОГИКА И РИТОРИКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЛАТОНИЗМЕ»

ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

АПОРИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОТ ПАРМЕНИДА ДО ФЕОДОРА ПРОДРОМА*

Доклад посвящен рассмотрению ключевых вех в развитии логического исследования границ познания с помощью апорий, парадоксов и противоречий в рамках греческой философской традиции: от платоновского диалога «Парменид» и парменидовской поэмы «О природе» через рецепцию подобной методологии у Порфирия в «Комментарии к “Категориям” Аристотеля» до произведений Феодора Продрома «Ксенедем, или Гласы» и «О великом и малом» (XII в.).

Ключевые слова: Парменид, Платон, Порфирий, Феодор Продром

Если очертить историю применения апорий и парадоксальных рассуждений с использованием автореферентных конструкций или противоречий в греческой философской традиции от Парменида до Феодора Продрома, то можно выделить следующие ключевые для этой истории имена и идеи:

1. Парменид (изобретение закона тождества и бинарной логики, первое из сохранившихся использование автореферентной конструкции — вопрос о бытии бытия и небытия небытия — в философских целях) и Зенон (применение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207 «Логическое образование в Византии: Феодор Продром и логические опыты XII века».

метода апорий и сведения к противоречию как инструментария доказательства).

2. Платон в диалоге «Парменид» исследовал автореферентные свойства понятий бытия и единого с помощью «диалектического» подхода к определению свойств этих понятий.

3. Порфирий во «Введении к “Категориям” Аристотеля» сформулировал теорию определения, отмечая, что у самой процедуры определения не может быть определения в силу автореферентного характера задачи определить определение.

4. Иоанн Дамаскин в дополнении к пересказу «Введения» Порфирия в «Философских главах» создал несколько небольших «поэтических» переходов от одной части «Глав» к другой, в которых в качестве риторического украшения текста использует прием автореферентности, итерирруя понятия и употребляя их применительно к ним же самим: определяя философию как «науку наук» и «искусство искусств», «знание о знании», используя метод приведения к абсурду, опровергая тезис о несуществовании знания и постижения.

5. Иоанн Итал в «Апориях и разрешениях» также не оставляет без внимания проблему автореферентности понятий, зачастую используя этот прием в качестве составного компонента более общего метода — сведения к абсурду.

6. Феодор Продром в диалоге «Ксенедем, или Гласы» (Ξενέδημος ἢ Φωναί) использует автореферентность как способ показать неопределимость определения, применяя каждую из предикабилей к определению самой себя.

Таким образом, можно обозначить некоторые вехи развития «апорийного» метода познания в истории греческой традиции: от парменидовского учреждения закона тождества через попытки рассмотреть проблемы тождества и противоречия как следствие автореферентного характера основных логических процедур у Порфирия и Продрома до их философских и богословских приложений у Иоанна Дамаскина и Иоанна Итала.

OKSANA GONCHARKO, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Researcher; St Petersburg Mining
University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

APORIA STATEMENTS AND SELF-CONTRADICTIONS FROM PARMENIDES TO THEODOROS PRODROMOS*

The talk is devoted to the consideration of the logical tools and techniques, which are supposed to study the boundaries of knowledge using aporia, i.e., paradoxical statements and self-contradictions, within the framework of the Greek philosophical tradition, beginning from the Platonic dialogue “Parmenides” and the Parmenidian poem “On Nature” through the reception of a similar methodology by Porphyry in “Commentary on Aristotle’s *Categories*” up till the works of Theodoros Prodromos, namely, “Xenedemos, or Voices” and “On the Great and the Small” in the 12th century Byzantium.

Keywords: Parmenides, Plato, Porphyry, Theodoros Prodromos

If we try to outline the history of the self-referential and paradoxical reasoning applications in the Greek philosophical tradition from Parmenides to Theodoros Prodromos, we should distinguish the following names and ideas:

1. Parmenides (the first surviving employment of a self-referential construction, i.e. the question of being’s being and non-being’s non-being, and the invention of the law of identity and the binary logic) and Zeno (the aporia based method as a demonstration tool for proving or rejecting the theses).

2. Plato investigated the self-referential properties of the concepts of being and one using the “dialectic” approach to determine the logical properties of these concepts in the dialogue “Parmenides.”

3. Porphyry in the “Introduction to Aristotle’s *Categories*” formulated the definition theory, noting that the definition procedure

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00207.

itself cannot have a definition due to the self-referential nature of the task to define a definition.

4. John of Damaskus in his “Dialectics” applied the technique of self-reference as a rhetorical decoration of the text, iterating concepts and employing them as applied to themselves, e.g. defining philosophy as “the science of sciences” and “art of arts,” “knowledge of knowledges,” applying the method of reduction to a contradiction, refuting the thesis of the non-existence of knowledge and comprehension, using self-reference not only as a rhetorical tool, but as a part of logical procedure.

5. John Italos in “Aporias and Solutions” also did not ignore the problem of the concepts self-reference, using this technique as an integral component of a more general method — reduction to absurdity or contradiction.

6. Theodoros Prodromos in the dialogue “Xenodemos, or Voices” (Ξενόδημος ἢ Φωναί) used self-reference as a way to show the indeterminacy of a definition, applying each predicabilia notion (φωναί) to define itself.

Thus, we can identify some milestones in the development of the “aporia-” method of cognition in the history of Greek tradition: from the Parmenidean prototype of the law of identity through attempts to consider the problems of identity and contradiction as self-referential phenomena to their philosophical and theological applications.

ПРАСОЛОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, доктор философских наук; Воронежская духовная семинария (Воронеж, Россия), проректор

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ЛОГОСЫ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

В трактате «О мистическом богословии» упоминаются «гипотетические логосы» (λόγοι ὑπόθετικοί) (MT I, 3 1000D) и «гипотетическая катафаза» (ὑπόθετικὴν κατάφασιν) (MT III 1033C). Исследователи по-разному интерпретируют «гипотетические логосы» Ареопагита: логические предположения, основные идеи, присутствие Бога в умопостигаемом мире, вторая гипотеза «Парменида», аналог божественных парадигм

в DN VII, 3. Гипотетические логосы Ареопагита наследуют платонической традиции. В них очевиден момент бесконечного приближения к пределу. Гипотетические логосы — медиатор между противоположными полюсами бытия и мышления. Они являются пределом, далее которого следует «не-гипотетическое начало» у Платона и Божественный мрак у Ареопагита. Это предел катафатического познания (гипотетической катафазы). Для Ареопагита восхождение, которое может осуществить творение на пути к единству с Богом, носит гипотетический характер: предел снимается только нисхождением Бога. Гипотетические логосы есть точка соприкосновения Творца и творения и парадигмального развертывания иерархий творения.

Ключевые слова: Дионисий Ареопагит, Платон, гипотеза, Логос, Бог, творение, иерархия бытия, Богопознание

В трактате «О мистическом богословии» упоминаются «гипотетические логосы» (λόγοι ὑπόθετικοί) (MT I, 3 1000D) и «гипотетическая катафаза» (ὑπόθετικὴν κατάφασιν) (MT III 1033C). Каков вероятный смысл термина «гипотетический» в трактате Ареопагита? Этот термин возникает в контексте истории о восхождении пророка Моисея на Синай (Исх. 20:21; 24:9-10). Ареопагит использует библейскую историю как парадигму процесса познания непостижимого Бога. Ареопагит утверждает, что познание Бога, преодолев все чувственное и все умопостигаемое, достигает своего предела, который он характеризует как гипотетические логосы. Исследователи по-разному интерпретируют «гипотетические логосы» Ареопагита: логические предположения (P. Rorem), основные идеи (J. Vanneste), присутствие (παρουσία) Бога в умопостигаемом мире (Y. de Andia), вторая гипотеза «Парменида» (E. Corsini), аналог божественных парадигм в DN VII 3 (W. Völker). Гипотетические логосы Ареопагита наследуют платонической традиции, несмотря на возражения Y. de Andia. Они сохраняют признак предположения («как мне кажется»). В них очевиден момент бесконечного приближения к пределу (фиксируется еще у софиста Антифонта).

Гипотетические логосы — медиатор между противоположными полюсами бытия и мышления (такое же значение гипотезы Resp. VI 511c и Arist. An. Post. I 2, 72a 18–24). Они являются пределом, далее которого следует «не-гипотетическое начало» (ἀρχὴ ἀνυπόθετος) у Платона (Resp. VI 510b) и Божественный мрак у Ареопагита. Это предел катафатического познания (гипотетической катафазы) (MT III 1033C). Для Ареопагита восхождение, которое может осуществить творение на пути к единству с Богом, носит гипотетический характер: предел снимается только нисхождением Бога. Гипотетические логосы есть точка соприкосновения Творца и творения (ср.: Resp. VI 511b) и парадигмального развертывания иерархий творения. Совпадение радикального усилия творения и Божественного покоя у Ареопагита не чуждо эллинскому мироощущению (Hom. Il. X 277–289).

MICHAEL PRASOLOV, DSc in Philosophy; Voronezh Theological Seminary (Voronezh, Russia), prorector

HYPOTHETICAL LOGOI OF DIONYSIUS THE AREOPAGITE

In The Mystical Theology, Areopagite mentions “hypothetical logoi” (λόγοι ὑπόθετικοί) (MT I, 3 1000D) and “hypothetical kataphasis” (ὑπόθετικὴν κατάφασιν) (MT III 1033C). Researchers interpret Areopagite’s “hypothetical logoi” in different ways: “the rationale which presupposes,” basic ideas, presence of God in the noumenal world, the second hypothesis of Parmenides, the analogue of divine paradigms in DN VII 3. Areopagite’s hypothetical logoi succeed to the Platonic tradition. They manifest an infinite approximation to the limit. Hypothetical logoi are a mediator between two poles of being and thinking. They are the limit beyond which lies Plato’s “non-hypothetical principal” and Areopagite’s Divine Darkness. This is a limit of affirmative cognition (hypothetical kataphasis). For Areopagite, the ascent of a creature to the unity with God is hypothetical: the limit is removed only by the descent of God. Hypothetical logoi are a contact point

of the Creator and a creature and the paradigm development of the creature's hierarchies.

Keywords: Dionysius the Areopagite, Plato, hypothesis, logos, God, creation, hierarchy of being, knowledge of God

In the *Mystical Theology*, Areopagite mentions “hypothetical logoi” (λόγοι ὑπόθετικοί) (MT I, 3 1000D) and “hypothetical kataphasis” (ὑπόθετικὴν κατάφασιν) (MT III 1033C). What is the probable meaning of the term “hypothetical” in the Areopagite’s work? This term appears in the context of the story of Prophet Moses’ ascent of Mount Sinai (Exod. 20:21; 24:9–10). Areopagite uses the bible story as a paradigm of cognition of the incomprehensible God. Areopagite states that cognition of God after having overcome everything sensory and intelligible reaches its limit, which he characterises as hypothetical logoi. Researchers interpret Areopagite’s “hypothetical logoi” in different ways: “the rationale which presupposes” (P. Rorem), basic ideas (J. Vanneste), presence (παρουσία) of God in the noumenal world (Y. de Andia), the second hypothesis of Parmenides (E. Corsini), the analogue of divine paradigms in DN VII 3 (W. Völker). Despite objections of Y. de Andia, Areopagite’s hypothetical logoi succeed to the Platonic tradition. They contain a mark of assumption (“I guess”) and manifest an infinite approximation to the limit (which was also expressed by Antiphon the Sophist). Hypothetical logoi are a mediator between two poles of being and thinking (the same meaning of the hypothesis is in Resp. VI 511c and Arist. An. Post. I 2, 72a 18–24). They are the limit beyond which lies Plato’s “non-hypothetical principal” (Resp. VI 510b) and Areopagite’s Divine Darkness. This is a limit of affirmative cognition (hypothetical kataphasis) (MT III 1033C). For Areopagite, the ascent of a creature to the unity with God is hypothetical: the limit is removed only by the descent of God. Hypothetical logoi are a contact point of the Creator and a creature (cf.: Resp. VI 511b) and the paradigm development of the creature’s hierarchies. Areopagite’s consilience of a radical effort and the divine peace is not alien to the ancient Greek perception of the world.

ХМАРА ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

КОНЦЕПТЫ ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ В ТРУДАХ ПЛОТИНА И КАППАДОКИЙЦЕВ*

При обращении к текстам Плотина, а также каппадокийских богословов, в частности, Василия Великого и Григория Нисского, в докладе анализируется их специфическое понимание времени и связанного с ним понятия вечности. Указанные концепты рассматриваются в контексте повседневного позднеантичного представления об изучаемых понятиях, что позволяет оценить их оригинальность в рамках философских учений.

Ключевые слова: Плотин, Василий Великий, Григорий Нисский, время, вечность, повседневность

IGOR KHMAR, St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

CONCEPTS OF TIME AND ETERNITY IN PLOTINUS' AND CAPPADOCIAN FATHERS' WORKS**

On base of works of Plotinus and Cappadocian theologians, such as Basilus the Great and Gregory of Nyssa, in the research is analyzed specific view of the authors on the time and eternity. The concepts are studied in context an everyday life imagine of late antiquity. This approach lets estimate a character of originality the concepts in realm the philosophical doctrines.

Keywords: Plotinus, Basilus the Great, Gregory of Nyssa, time, eternity, everyday life

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00610 «Трансцендентность и нарратив в становлении моделей историзма».

** The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00610 "Transcendence and narrative in the formation of historicism models."

ГАЕВСКАЯ НАДЕЖДА ЗЕНОВНА, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), соискатель

«Киничнейшее житие» Татиана КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О РАННЕМ ЮРОДСТВЕ

Юродство как религиозный феномен культуры стало предметом исследований в середине XIX века. Современные исследования, источниками которых служат труды философов и писателей поздней античности и отцов апологетов раннего христианства, обращены к поиску истоков феномена. Статья посвящена религиозным взглядам одного из ранних писателей-апологетов ассирийца Татиана, который в своих трудах обосновал идею святой простоты, нищеты и мученичества, что по мнению современных исследователей может рассматриваться как одно из обоснований юродства.

Ключевые слова: юродство, апология, Татиан, киники, христианство, мученичество

Доклад посвящен религиозным воззрениям Татиана, который в своих трудах обосновал идеи святой простоты, нищеты и мученичества. Жизнь Татиана называется современниками «киничнейшим» житием (*κινικώτερος βίος*). По мнению исследователя С. А. Иванова кинизм стал одной из основ идеологии юродства, в связи с чем актуальной задачей становится рассмотрение развития и трансформации кинических идей в культурной среде раннего христианства. Обращаясь к труду Татиана «Речь против эллинов», мы можем выделить и рассмотреть ряд кинических мотивов. Татиан пишет о идеале человека вне стяжательства, тщеславия и честолюбия: «Богачи умирают, такой же исход жизни имеют и нищие. Умри для мира, отвергнув его безумие». Характерно обращение Татиана к теме безумия, понимаемого как безумие мира. Эти радикальные идеи воплотятся впоследствии в христианском подвижничестве, в частности в юродстве, юродивый станет самовольным мертвецом, чья плоть должна быть преобразена в крайней аскезе. Мнимое безумие юродивого

отражает безумие этого мира, человек оказывается лицом к лицу с самим собой не-ложным, а значит и со своим грехом. Исследователи относят подвиг юродства к форме внеуставной аскезы, так экстремален будет путь юродивого в познании границ человеческого.

Философская школа киников развивала идеи о достижении высшей свободы в бедности и нищете, в отрыве от мирских ценностей, соблазна и удовольствий, что было подкреплено особым «кодексом» поведения киника. Эпатаж отрицания ценностей этого мира выражался гротескно и провокативно, в различных формах скандализации общества. Но за киническими антинормами стояла сила и бесстрашие перед жизненными трудностями, свобода от материального, независимость существования, самоотречение и аскеза, которые стали отличительной чертой юродства.

Идеи кинизма были вызваны к жизни насущными чаяниями низового человека, представителей социальных низов, подчас маргинализированных, что послужило почвой для сближения идей и принципов позднего кинизма и зарождающегося христианства. По мнению Татиана «должен быть один и общий для всех образ жизни». Киники стремились к достижению эвдемонии, но это была эвдемония бедности и простоты. Так этика кинизма соединяется с эстетикой, киники говорят о красоте бедности, о естественной красоте. Эстетические взгляды кинической философии переосмысляются Татианом с христианских позиций, когда эстетическое значение придается не телесному, но духовному, когда ничтожное и безобразное приобретает новое значение, становится знаком смирения духа и плоти, что становится свойством эстетики юродства.

NADEZHDA GAEVSKAYA, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), undergraduate

THE “CYNICAL LIFE” OF TATIAN THE ASSYRIAN AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT EARLY HOLY FOOLS

Research on the holy fool phenomenon dates back to the mid-nineteenth century. The nature of research is a Christian apology. In the XX century, research directions: historical context, sources, hagiography. The culture of late antiquity is the theme of the modern period of studying the phenomenon of holy fool. The article considers the religious views of the writer of apologies Tatian from Assyria, a disciple of Justin the philosopher. Tatian speaks in his works about the idea of Holy simplicity, poverty and martyrdom. S. Ivanov consider the ideas of Tatian as a justification for the cynical nature of the phenomenon of holy fool.

Keywords: holy fool, apology, Tatian, cynics, Christianity, martyrdom

The article is devoted to the religious views of Tatian. According to the researcher S. A. Ivanov, kinism became one of the foundations of the ideology of holy fool. In the speech of Tatian “Against the Hellenes,” we can distinguish and consider the cynical motives. Tatian writes about the ideal of a man without vanity and ambition. It is characteristic of the appeal of Tatian to the theme of insanity. These radical ideas are the basis of Christian asceticism. The madness of the fool reflects the madness of this world. Researchers attribute the feat of foolishness to a form of extra-articular asceticism, the life of a fool is an extreme path in the knowledge of the boundaries of humanity.

The kinik school of philosophy developed ideas about achieving higher freedom in poverty and misery. The denial of the values of the world is expressed grotesquely and provocatively, in various forms of scandalization of society. But behind the cynical antinorms there was strength and dispassion in the face of life’s difficulties, freedom from the material. Independence of existence, self-denial and asceticism is a characteristic feature of holy fool.

The cynics sought to achieve eudaemonia, which was the eudaemonia of poverty and simplicity. The ethics of cynicism is connected with aesthetics, the cynics say about the beauty of poverty, of natural beauty. The aesthetic views of cynic philosophy are reinterpreted by Tatian from Christian positions, and aesthetic significance is given not to the physical, but to the spiritual.

МАКОВЕЦКИЙ ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, доктор философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СИЛЫ ОТ СИЛЫ, ПЕРЕДАННОЕ В МЕТАФОРАХ СИЯНИЯ, ПАРА, ДЫХАНИЯ, ТЕПЛОТЫ*

В докладе анализируется фрагмент триадологических рассуждений Оригена на фоне учения Аристотеля о дюнамис и в сравнении с рассуждениями Плотина. В частности, будет рассмотрен статус волевого начала в Аристотелевом учении о дюнамис в связи с логикой рассуждений Оригена, а также прослежена связь метафор, используемых Аристотелем, Оригеном и Плотинном, для иллюстрации их положений о дюнамис.

Ключевые слова: триадологическое богословие, сила, Ориген, Плотин, Аристотель

В докладе анализируется фрагмент триадологических рассуждений Оригена на фоне учения Аристотеля о дюнамис и в сравнении с рассуждениями Плотина. Ориген объясняет рождение Сына как действие нематериальное и вневременное. Учитывая чрезвычайную сложность этого триадологического вопроса, Ориген, разумеется, не может полагаться на рассудочное постижение тайны рождения Сына. Поэтому инструмент его объяснений — метафоры, заимствованные из Священного Писания.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669.

Прямое, рассудочное, объяснение Ориген, отталкиваясь от Прем. 7, 25-26, тем не менее, строит на соотношении дюнамис-энергия: «нужно представить себе ту силу Божью, которая составляет основу деятельности Бога» (О началах I, 9 и IV, 28) (пер. Н. Петрова). От этой силы и происходит «мощь, сама имеющая собственную ипостась». Это произведение силою другой силы, да ещё и гипостазированной силы, трудно понять в логике дюнамис-энергия. Поэтому Ориген уподобляет происхождение силы от силы происхождению хотения от мысли, заключая, что «и самое хотение Божье становится тоже силою Божьей».

Кроме того, существует традиция сравнивать это рассуждение Оригена с фрагментом из Эннеад (V 4, 2) (В. В. Болотов, А. А. Спасский). Здесь Плотин, отвечая на вопрос «Каким же образом производится энергия, между тем как единое остаётся тем же самым?» (пер. В. В. Болотова), вводит различие между «энергией сущности» и «энергией из сущности», иллюстрируя его примером «теплоты» собственно огня и «теплоты», распространяемой огнём. Метафора сущностной теплоты и теплоты произведённой только поясняет, как первая теплота может остаться неизменной.

Действительно, положения, на которых аксиоматически построены объяснения происхождения силы из силы у Оригена и Плотина похожи: всесилие Божие и неисчерпаемость силы единого. Близок и метафорический ряд: сияние, пар, теплота. В обоих случаях авторы одинаковым образом преодолевают ограниченность логики соотношения дюнамис-энергия для решения собственной задачи. Однако, авторы решают разные задачи. Поэтому в докладе и будет рассмотрен статус волевого начала в Аристотелевом учении о дюнамис в связи с логикой рассуждений Оригена, а также прослежена связь метафор, используемых Аристотелем, Оригеном и Плотин, для иллюстрации их положений о дюнамис.

EUGENE MAKOVETSKY, DSc in Philosophy;
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Professor

**THE ORIGIN OF FORCE FROM FORCE, EXPRESSED IN THE
METAPHORS OF RADIANCE, VAPOR, BREATH, HEAT***

The report analyzes a fragment of Origen's triadological reasoning about the birth of the Son against the background of Aristotle's doctrine of *dunamis* and in comparison with the reasoning of Plotinus. In particular, the report examines the status of the will in the Aristotelian doctrine about *dunamis* in connection with the Origen's logic, as well as traces the connection between the metaphors used by Aristotle, Origen and Plotinus to illustrate their statements about *dunamis*.

Keywords: triadological theology, power, Origen, Plotinus, Aristotle

The report analyzes a fragment of Origen's triadological reasoning about the birth of the Son against the background of Aristotle's doctrine of *dunamis* and in comparison with the reasoning of Plotinus. In particular, the report examines the status of the will in the Aristotelian doctrine about *dunamis* in connection with the Origen's logic, as well as traces the connection between the metaphors used by Aristotle, Origen and Plotinus to illustrate their statements about *dunamis*.

Rational explanation of this thought by Origen in Fr. I, 9 and IV, 28 of *On First Principles*, starting from *Wisd.* 7, 25-26, however, is built on the *dunamis*-energy relation: "you need to imagine the power of God, which is the basis of God's activity." From this power comes "the power itself having its own hypostasis." This production of the power by the other power, and even hypostatic power, is difficult to interpret within the logic of *dunamis*-energy distinction. Therefore, Origen simlizes the origin of power from power to the origin of desire from thought, concluding that "the very desire of God also becomes the power of God."

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00669.

In addition, there is a tradition to compare this argument of Origen with a fragment from Ennead (V 4, 2) by V. V. Bolotov and A. A. Spassky. Here Plotinus, answering the question “How is energy produced, while the one remains the same?”, introduces the distinction between the “energy of essence” and the “energy from essence,” illustrating it with an example of the “warmth” of fire itself and the “heat” spread by fire. The metaphor of the “intrinsic heat” and the “heat produced” explains how the first heat can remain unchanged.

Indeed, the premises on which the explanations of the origins of power from power are axiomatically based are similar between Origen and Plotinus: the omnipotence of God and the inexhaustibility of the power of the One. In both cases, the authors equally overcome the limitations of the rational dynamis-energy logic for solving their own questions, which are different.

НОГОВИЦИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), доцент

**ФИЗИКА И ХРИСТОЛОГИЯ В ДОГМАТИЧЕСКОЙ
ПОЛЕМИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в.: СОЛНЦЕ КАК
ПРИМЕР УНИКАЛЬНОЙ СОСТАВНОЙ ПРИРОДЫ В СПОРЕ
МОНОФИЗИТОВ И ДИОФИЗИТОВ О ПРИРОДЕ ХРИСТА***

В докладе христологическая полемика между диофизитами и монофизитами первой пол. VI в. рассматривается в контексте обсуждения условий применимости в ней традиционных методов риторического доказательства

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-41004 «Трактат Иоанна Филопона “О сотворении мира” в контексте ближневосточной сиро-палестинской и византийской богословской (христологической, антропологической, космологической) традиции».

и возможностей использования для пояснения реальности Воплощения научных теорий, объясняющих феномены тварной природы. К числу соответствующих методов принадлежит, прежде всего, доказательство посредством *παράδειγμα* (примера). Образцом для демонстрации в докладе служит полемика вокруг применимости в этом качестве примера солнца как особого типа физического тела, обладающего, с точки зрения монофизитов, статусом уникального составного объекта. Этот пример, используемый Иоанном Филопоном (*Arb.* 2.12) и монофизитами-северианами в качестве доказательства одной составной природы во Христе, отрицается Леонтием Византийским (*Solutio* 5), приводящим ряд других примеров вещей тварного мира для доказательства наличия двух природ в одной ипостаси (прежде всего в *Contra Nestorians et Eutychianos* 7).

Ключевые слова: Физика, риторика, экзегеза Писания, христологическая полемика, диофизиты, монофизиты, *παράδειγμα*, притчи, солнце как *παράδειγμα*

В докладе христологическая полемика между диофизитами и монофизитами первой пол. VI в. рассматривается в контексте обсуждения методологических условий применимости в ней традиционных методов риторического доказательства и возможностей использования для пояснения реальности Воплощения научных теорий, объясняющих феномены тварной природы. К числу соответствующих методов принадлежит, прежде всего, доказательство посредством *παράδειγμα* (примера).

Само по себе данное доказательство, хотя и ограничивается в после-аристотелевском научном дискурсе полем риторической применимости, поскольку не обладает аподиктической достоверностью, однако оказывается основой новой экзегетической практики. Содержание примера — это или историческое событие, подобное тому, что может произойти сейчас, или притча, аналогичная такому событию (*Arist. Rhetor.* 1393a28-1394a8). В этом смысле риторически притчи Иисуса имеют статус *παράδειγμα*.

Уже для авторов IV в. (Василий Великий и Григорий Нисский, ранние представители антиохийской школы и др.) их экзегеза не может иметь форму традиционного аллегорического толкования в силу его произвольности (и связанности традициями иудейской, гностической и оригенистской космо-телеологической экзегезы). Момент методологической беспочвенности аллегорезы подчеркивает также и большинство христианских авторов VI в. Если как минимум от Филона до Оригена и его последователей аллегореза Писания представлялась действенным средством раскрытия тайного истинного смысла священного текста, в противоположность риторической профанации, то для новой христианской традиции притчи Иисуса, обнаруживающие Царство через реальность феноменов тварного мира, дают образец для толкования книг Ветхого завета исходя из буквального смысла, а в ходе христологической полемики для поиска примеров феноменов тварного мира для понимания соединения Божественного и человеческого во Христе.

С одной стороны, обосновывается возможность привлечения разных типов космологий к толкованию Шестоднева, а с другой — для переосмысления статуса физических, антропологических и логических научных теорий (стойки, традиция неоплатонического комментария), не противоречащих священным текстам, как доказательных примеров в христологической полемике (основной — антропологическая парадигма).

В качестве образца для демонстрации данных тезисов в докладе используется полемика вокруг применимости примера солнца как особого типа физического тела в качестве образца для понимания соединения божественного и человеческого во Христе. Этот пример, используемый Иоанном Филопоном (*Arb.* 2.12) и монофизитами-северианами для доказательства одной составной природы во Христе, отрицается Леонтием Византийским (*Solutio* 5), приводящим ряд других примеров вещей тварного мира для доказательства наличия двух природ в одной ипостаси (прежде всего в *Contra Nestorianos et Eutychanos* 7).

OLEG NOGOVITSIN, CSc in Philosophy; Sociological institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), Senior Researcher; Peter the Great St Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

**PHYSICS AND CHRISTOLOGY IN DOGMATIC POLEMIC
OF THE FIRST HALF OF THE 6TH CENTURY: THE SUN
AS AN EXAMPLE OF UNIQUE COMPOSITE NATURE
IN THE DISPUTE BETWEEN MONOPHYSITES AND
DIOPHYSITES ON THE NATURE OF CHRIST***

In the present paper, the Christological dispute between Diophysites and Monophysites in the first half of the VI century is considered within the context of discussing the terms of applicability in it of traditional methods of rhetorical argumentation and possibilities to use the scientific theories giving an explanation of the phenomena of the created nature to clarify the reality of the Incarnation. First of all, it is the argument via παράδειγμα (example) that belongs to the list of respective methods. As a demonstrative example in the paper, the polemics over the applicability in this quality of the example of the sun as a special type of physical body possessing, from the viewpoint of Monophysites, the status of a unique composite object, is taken. This example, as used by John Philoponus (*Arb.* 2.12) and Monophysites Severians for an argument of single composite nature in Christ, is denied by Leontius of Byzantium (*Solutio* 5), who presents a range of other examples of the things proper to the created world for an evidence of presence of two natures in the single hypostasis (first of all in *Contra Nestorianos et Eutychianos* 7).

Keywords: Physics, rhetoric, exegesis of Scripture, Christological polemics, diophysites, monophysites, παράδειγμα, parables, the sun as παράδειγμα

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-41004 “Treatise of John Philoponus ‘On the Creation of the World’ in the context of the Middle Eastern Syrian-Palestinian and Byzantine Theological (Christological, anthropological, cosmological) Traditions.”

In the present paper, the Christological dispute between Diophysites and Monophysites in the first half of the VI century is considered within the context of discussing the terms of applicability in it of traditional methods of rhetorical argumentation and possibilities to use the scientific theories giving an explanation of the phenomena of the created nature to clarify the reality of the Incarnation. First of all, it is the argument via παράδειγμα (example) that belongs to the list of respective methods.

This argument in itself, although restricted within the post-Aristotelian scholarly discourse by the field of rhetorical applicability, due to not having apodictical veracity, nevertheless, in the IV-VI centuries, it becomes one of the basics of a new exegetical practice and methodology of conducting a dogmatical dispute. Once at least from Philo to Origenes and his successors, the allegorism of the Scripture appeared an effective means of disclosing the genuine sense of the sacred text, as opposite to rhetorical profanation, for the new Christian tradition, the parables (examples) of Jesus, revealing the Kingdom through the phenomena of the created world, give a pattern for interpretation of the books of the Old Testament proceeding from the literal sense (including the engagement of various types of cosmogony to the interpretation of the Hexameron), while in the course of the Christological dispute, that for searching examples of the phenomena of the created world to clarify the junction of the divine and the human in Christ.

As a demonstrative example of these theses in the paper, the polemics over the applicability in this quality of the example of the sun as a special type of physical body possessing, from the viewpoint of Monophysites, the status of a unique composite object, is taken.

This example, as used by John Philoponus (*Arb.* 2.12) and Monophysites Severians for an argument of single composite nature in Christ, is denied by Leontius of Byzantium (*Solutio* 5), who presents a range of other examples of the things proper to the created world for an evidence of presence of two natures in the single hypostasis (*Contra Nestorianos et Eutychianos* 7).

Тоноян Лариса Грачиковна, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

Св. Иоанн Дамаскин: логика и риторика*

В докладе будут обоснованы два тезиса. Тезис о том, что у Иоанна Дамаскина посредством внесенных патристикой в аристотелевскую логику терминологических изменений устанавливается более тесная связь между частями «Источника знаний». И тезис о том, что в замысле и в композиции произведения Дамаскина находит продолжение античное понимание соотношения логики и риторики.

Ключевые слова: Иоанн Дамаскин, логика, риторика, «Источник знания»

Святой Иоанн Дамаскин (ум. ок. 745 г.) получил греческое образование, овладел классическим стихосложением и красноречием и явил в дальнейшем высочайшее риторическое мастерство в многочисленных жанрах своих произведений. Но мы обратим внимание только на одно его произведение «Источник знания» в его наиболее полном виде. Чем обусловлены композиция и содержание этого произведения? Как известно, оно состоит из трех частей: «Философских глав» (неавторское название), главы «О ересьях» и «Точного изложения православной веры». По содержанию части не связаны. Понятно, что главной здесь является третья часть — полный свод христианских догматов, сделавший автора одним из отцов Церкви. Но для чего понадобились две первые части? Свой замысел св. Иоанн объясняет во «Вступлении», написанном по всем правилам сложившегося со времен античности риторического жанра предисловий. Он указывает, что начнет свой труд с того, что есть самого лучшего у эллинов, дарованное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

им Богом. Этим лучшим оказывается логика в ее аристотелевско-платоновском варианте, т. е. логика, неразрывно связанная с онтологией и изложенная Порфирием и др. неоплатониками. Это то, что, по его мнению, «близко к истине». Затем он предлагает обратиться к ересям, дабы познав ложь, крепче держаться истины. И только тогда приступить к изложению истинного учения. И это не только риторический прием. Рассмотрение Иоанном Дамаскином внесенных патристикой в аристотелевскую логику терминологических изменений указывает на более тесную связь между частями «Источника знаний». В замысле и в композиции произведения находит продолжение античное понимание соотношения логики и риторики.

LARISA TONOYAN, CSc in Philosophy, Associate Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Researcher

ST. JOHN OF DAMASCUS: LOGIC AND RHETORIC*

In the talk it will be indicated that the John Damascus' consideration of patristic terminological changes of the Aristotelian logic produce the closer relationship between the parts of the "Fount of Knowledge." And that the concept and composition of the work continue the ancient understanding of the relation between logic and rhetoric.

Keywords: John of Damascus, Logic, Rhetoric, "Fount of Knowledge"

Saint John of Damascus (around 745) received a Greek education with a mastery of versification and eloquence and later displayed the highest rhetorical skills in numerous genres of his works. But we will pay attention only to the one of his works, "Fount of Knowledge," in its most complete form. What does determine the composition and content of this work? As we know, it consists of three parts: "Philosophical chapters" (non-authentic name),

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00669.

chapters “On heresies” and “Precise exposition of the Orthodox faith.” The content of the parts is not related. It is clear that the main thing here is the third part — a complete set of Christian dogmas. But why did he need the first two parts? St. John explains his plan in the “Introduction,” written in accordance with all the rhetorical rules of the preface genre that has been developed since antiquity. He begins his work indicating what Hellenes did have the best from God. He means the logic in its Aristotelian-Platonic version, that is, the logic, which is inextricably linked with ontology (“close to truth”) and presented by Porphyry and other Neo-Platonists. Then he suggests turning to heresies, in order to know the lie, and then to hold on to the truth more firmly. And only then one should proceed with the presentation of the true doctrine. And this is not only a rhetorical device. The John Damascus’ consideration of patristic terminological changes of the Aristotelian logic indicates the closer relation between the parts of the “Fount of Knowledge.” The concept and composition of the work continue the ancient understanding of the relationship between logic and rhetoric.

КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат исторических наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

НЕОПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОММЕНТАРИИ ФЕОДОРА ПРОДРОМА КО ВТОРОЙ АНАЛИТИКЕ*

Одним из наиболее влиятельных византийских трудов по логике был комментарий Феодора Продрома ко Второй Аналитике. Несмотря на это, данный текст предназначался не для учёных, разбирающихся в тонкостях аристотелевской логики, а скорее для начинающих её изучать. Стандартное византийское содержание курса логики охватывало все тексты Органона, включая Первую и Вторую Аналитики. И этот комментарий Феодора Продрома должен был сделать вторую книгу Второй Аналитики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207.

более понятной для учеников Константинопольских высших школ. Хотя Феодор Продром не раскрывает источников своего труда, но в виду того, что его комментарий содержит ряд типичных неоплатонических взглядов, можно сделать вывод о том, что его работа была написана под влиянием неоплатонической традиции. До нас дошло очень мало неоплатонических комментариев на Вторую Аналитику: несколько фрагментов комментария Александра Афродисийского, парафраз Фемистия и комментарий Филопона. Учитывая тот факт, что не все античные комментарии сохранились, а сохранившиеся практически не изучены, выявление возможных источников текста Феодора Продрома, а также оценка их возможного влияния представляется достаточно сложной задачей. Тем не менее, тщательное изучение текста Феодора Продрома показывает, что он использует все известные нам неоплатонические комментарии, и, прежде всего, Филопона. В то же время Феодор Продром добавил в свой комментарий много других новых аргументов и объяснений, некоторые из которых могли быть заимствованы из утраченных неоплатонических комментариев, некоторые, по всей видимости, происходили из византийской традиции изучения логики (по крайней мере, отражали подход Евстратия Никейского), а некоторые являлись изобретением самого автора. Более того, Феодор Продром также использует язык и термины, которых нет ни в неоплатонических комментариях, ни в предшествующих византийских сочинениях.

Ключевые слова: Феодор Продром, Вторая Аналитика, византийская логика, Филопон

ANDREY KURBANOV, CSc in History; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Research Assistant

LYDIA SPYRIDONOVA, CSc in History; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Research Assistant

NEOPLATONIC TRADITION IN THEODORE PRODROMOS' COMMENTARY ON THE POSTERIOR ANALYTICS*

One of the most influential Byzantine work on logic, was Theodore Prodromos' commentary on the *Posterior Analytics*. This text was

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00207.

not destined for scholars initiated into the Aristotelian logic, but rather for the beginners. The standard Byzantine content of a course in logic covered all texts of *Organon*, including the *Prior* and the *Posterior Analytics*. And this Prodromos' commentary were meant to make the second book of the *Posterior Analytics* more accessible to the students at the Constantinople high schools. Although Theodore Prodromos did not reveal the sources of his work, since the commentary contains a number of typically Neoplatonic views, it is clear that the Neoplatonic tradition influenced his work. It is known very few Neoplatonic commentaries on the *Posterior Analytics* that have come down to us: some fragments of Alexander of Aphrodisias' commentary, Themistios' paraphrasis and Philoponos' commentary. Given the fact that not all ancient commentaries have survived and that these survived commentaries have been hardly studied, the task to reveal his possible sources and to assess its impact on Prodromos is a complicated one. Nevertheless, its close study shows that Theodore Prodromos makes use of all known Neoplatonic comments, most of all, that of Philoponos. At the same time, Theodore Prodromos added many new arguments and explications in his commentary, some of which could have been borrowed from lost Neoplatonic commentaries, some reflect a Byzantine approach (at least that of Eustratios of Nicaea) and some are his own inventory. Furthermore, Theodore Prodromos also uses language and terms which are not to be found in the Neoplatonic writings.

Keywords: Theodore Prodromos, the *Posterior Analytics*, Byzantine works on logic, Philoponos

ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА, кандидат философских наук,
доцент; Русская христианская гуманитарная акаде-
мия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник;
Санкт-Петербургский горный университет, доцент

ОТ ПАРМЕНИДА ДО М. КАРАГАЦИСА: ПОЧЕМУ ИСТИНА КРУГЛАЯ?*

В докладе сопоставлены метафоры круга и кругового движения с философскими понятиями бытия и мышления у Парменида

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

в поэме «О природе» («Περὶ φύσεως») и М.Карагациса в рассказе «Одинокое путешествие на остров Кифира» («Μοναχικὸ ταξίδι στὰ Κύθηρα»).

Ключевые слова: Парменид, «О природе», М. Карагацис, «Одинокое путешествие на остров Кифира»

М. Карагацис (1908—1960, Μ.Καραγάτσος) — греческий прозаик «поколения тридцатых», модернист первой половины XX в., экспериментировавший с различными жанрами литературы, смешивая нарративы античной, византийской и современной ему греческой литературы. В настоящем докладе приводятся примеры из рассказа «Одинокое путешествие на остров Кифира» («Μοναχικὸ ταξίδι στὰ Κύθηρα»), иллюстрирующие метафоры круга и кругового движения как художественные иллюстрации или литературные аналоги философских понятий бытия и мышления из парменидовской поэмы.

В докладе предполагается провести сравнительный анализ философского понимания и художественного выражения феноменов круга и кругового движения в указанных произведениях Парменида и Карагациса, а также проследить преемственность и эволюцию словоупотребления понятий сферы (σφαίρης) и круга (κύκλου), а также бытия (εἶναι) и его объема (ὄγκος), единства-подобия и однородности (ὁμοῖον), тождества (ταὐτόν), кругового движения (κίνησις) и неподвижности (ἀκίνησία) от античности до современного греческого литературного слова.

Понимая бытие как «тело прекруглого шара, вокруг середины всегда равновесного» (εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ, μεσσοθέν ἰσοπαλὲς πάντῃ) [фр. VIII, 43-49, перевод М. Л. Гаспарова], а истинное мышление как «благодарной» Истины неподвижное сердце (Ἀληθείης εὐκυκλέος ἀτρεμὲς ἦτορ) [фр. I, 29], Парменид дает повод интерпретировать его фрагмент о тождестве бытия и мышления (τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι) [фр. III] как мысль о круговом вращении неподвижного шара, объем которого и задается его вращением, при этом отвечая одновременно и условию неподвижности (объем) и условию движения (образования с помощью вращения).

В докладе также будут поставлены вопросы, почему и бытие и истина «благодарные» (εὐκταί) и неподвижные, почему во введении Парменид предлагает нам взглянуться в круговые виды движения, а также почему движение по кругу это неподвижное движение.

OKSANA GONCHARKO, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Researcher; St Petersburg Mining
University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

**FROM PARMENIDES TO M. KARAGATSIS —
WHY MUST TRUTH BE A CIRCLE?***

This paper deals with the metaphors of the circle and circular movement and their correlations with the philosophical concepts of being and thinking in Parmenidean poem “On Nature” (Περὶ φύσεως) and in the story by M. Karagatsis “A Lonely Trip to the Island Kythira” (“Μοναχικὸ ταξίδι στὰ Κύθηρα”).

Keywords: Parmenides, “On Nature,” M. Karagatsis, “A Lonely Trip to the Island Kythira”

M. Karagatsis (1908-1960, Μ.Καραγάτσης) is a Greek modern novelist of the “Generation of the Thirties” of the 20th century, who experimented with various genres of literature, mixing genres and narratives of ancient, Byzantine and modern Greek and French literature. Within my talk I am going to expose some examples from the story “A Lonely Trip to the Island Kythira” (“Μοναχικὸ ταξίδι στὰ Κύθηρα”) to illustrate the metaphors of the circle and circular movement as visual analogues of the philosophical concepts of being and thinking from the Parmenidean poem.

I intend to conduct a comparative analysis of the philosophical understanding and visual expression of the phenomena of the circle and circular motion in the texts of Parmenides and Karagatsis, as well as to trace the evolution of the such concepts

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00669.

usage as sphere (σφαίρης) and circle (κύκλου), as well as being (εἶναι) and its volume (ὄγκος), similarity and homogeneity (ὁμοῖον), identity (ταῦτον), motion (κίνησις) and motionlessness (ἀκίνησία) from antiquity to the modern Greek literature.

Understanding being as the body of a sphere which is equilibrium around its middle (εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ, μεσσόθεν ἰσοπαλῆς πάντη) [fr. VIII, 43-49], and true thinking as a “perfect circle” of the “Truth’s motionless heart” (Ἀληθείης εὐκυκλέος ἀτρεμῆς ἤτορ) [fr. I, 29], Parmenides provided us with the hint to interpret his fragment about the identity of being and thinking (τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι) [fr. III] as the idea of the circular rotation of a stationary sphere, the volume of which is determined by its rotation meeting both the immobility condition of being (volume) and the motion condition of thinking (formation by rotation).

Within the talk I will also raise questions as why both being and truth are “circle” (εὐκύκλοι) and motionless, and why in the introduction to the poem Parmenides suggests us to look into circular forms of movement, and also why movement in a circle is a motionless movement.

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат исторических наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ТЕЭТЕТ 156А КАК РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПРИДВОРНОГО ЭНКМИАСТА: ПИСЬМО МИХАИЛА ПСЕЛЛА НИКОЛАЮ СКЛИРУ*

Письмо Михаила Пселла №37 KD было адресовано его близкому другу Николаю Склиру, который хотел, чтобы император Константин X Дука разрешил ему оставить

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207

должность эгейского судьи и удалиться в своё имение. В данном письме Михаил Пселл объясняет Николаю Склиру, почему на его «заговаривающее» письмо император, обычно податливый, не прореагировал должным образом. Пселл основал свою аргументацию на философской теории из диалога *Тэтет* 156а, где восприятие рассматривается как взаимодействие двух сил, одна из которых активна, а другая пассивна; данная теория была впоследствии также дополнена Аристотелем (*О душе* II), согласно которому, активная причина может произвести изменение лишь в том случае, если у неё будет подходящий реципиент, на которого можно будет воздействовать соответствующим образом. Пселл принимает основную идею данной теории, но добавляет, что для того, чтобы восприятие состоялось, должны быть также и соответствующие условия, которые сделают это возможным. В своём письме, дабы проиллюстрировать психологический процесс восприятия, он проанализировал некоторые примеры, и выявил контекст, в котором они возникают; в конце Михаил Пселл заверил Николая Склира, что такие подходящие условия будут подготовлены им для их последующей двойной атаки на императора.

Ключевые слова: Михаил Пселл, Николай Склир, Константин X Дука, *Тэтет* 156а, *О душе* II

LYDIA SPYRIDONOVA, CSc in History; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Research Assistant

ANDREY KURBANOV, CSc in History; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Research Assistant

THEAETETUS 156A AS A GUIDE FOR COURT ENCOMIAST: MICHAEL PSELLOS' LETTER TO NICHOLAOS SKLEROS*

The Michael Psellos' letter 37 KD was written to his close friend Nikolaos Skleros. The latter wanted the emperor Constantine X Doukas to leave him from his Aegean office

* This paper is part of the research project № 18-011-00207 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

to go to his estate. In this letter, Psellos explained to him why Nikolaos sent a most charming letter, but Constantine X, though often responsive, didn't react properly. Psellos based his explanation on the philosophical theory appeared in Plato's *Theaetetus* 156a, where perception is explained as an interaction between two forces, one of which is active and the other is passive; later the theory was developed by Aristotle (*De anima* II); according to Aristotle the perception is a receptive process: in order for the active cause to effect the change, there needs to be a suitable recipient that can be affected in the relevant way. Psellos accepts the theory's basic idea, but he adds that in order for a recipient to be effected there needs to be the appropriate conditions that make it possible. He analysed some examples to illustrate the psychological process of perception and he revealed the context in which they arise; then Psellos reassured Nikolaos that such suitable conditions would be prepared by him to their double attack to the emperor.

Keywords: Michael Psellos, Nicholaos Skleros, Constantine X Doukas, Plato, *Theaetetus*, Aristotle, *De anima*

ЧЕРНОГЛАЗОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат филологических наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

**ВИЗАНТИЙСКИЙ НЕОПЛАТОНИК XI в.:
ЗАМЕЧАНИЯ О НОВОМ КРИТИЧЕСКОМ
ИЗДАНИИ ПИСЕМ МИХАИЛА ПСЕЛЛА***

Предмет доклада — первое критическое издание писем Михаила Пселла (XI в.), опубликованное С. Папаиоанну в 2019 г. Рассматриваются основные принципы и особенности этого издания, указываются дальнейшие перспективы исследований в свете его публикации.

Ключевые слова: Михаил Пселл, византийская риторика, византийская эпистолография, текстология

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

Михаил Пселл — центральная фигура в интеллектуальной жизни Византии XI в. Он широко известен как придворный оратор, историограф, поэт, ученый и философ-неоплатоник. Важную часть литературного наследия Михаила Пселла составляют письма — их сохранилось более пятисот — но до недавнего времени большинство из них было рассеяно по устаревшим некритическим изданиям. Лишь в 2019 г. вышло в свет первое полное критическое издание писем Пселла:

Michael Psellus, *Epistulae*. Vol. 1–2, edidit Stratis Papaioannou (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana 2030). Berlin — Boston: de Gruyter 2019, CLXXXV, 1207 pp.

В рамках настоящего доклада предполагается представить слушателям это издание, рассказать об основных принципах, которым следовал С. Папаиоанну, охарактеризовать его труд в контексте современной научной методологии, обозначить дальнейшие перспективы исследования в свете выхода данной книги.

Основной принцип издания, формулируемый С. Папаиоанну, состоит в том, чтобы, с одной стороны, как можно точнее сохранить текст, представленный в рукописях, а с другой — создать современное критическое издание, удобное для читателя. В целом, исследователю удастся соблюсти этот хрупкий баланс. Конъектуры, в основном, минимальны и вводятся лишь в крайних случаях — нам удалось обнаружить совсем немного случаев, где конъектура представляется избыточной. Издатель предельно аккуратно обращается с рукописной пунктуацией, как правило, оставляя знаки препинания на тех местах, где они стояли в рукописях. Наиболее заметное «вмешательство» издателя в текст эпистолярного собрания состоит в том, что он по-новому организует его, распределяя письма по адресатам. Однако, это нововведение вполне оправданно, поскольку в ряде наиболее авторитетных кодексов такой принцип уже прослеживается.

Публикация критического издания писем Пселла открывает новые перспективы исследований в следующих областях:

- биография Пселла и просопография XI в.;
- литературоведение и, в частности, изучение норм византийского эпистолярного этикета;
- история греческого языка, специфические черты языка литературных текстов;
- ритмическая организация риторической прозы;
- история византийской философской мысли, в частности, неоплатонизма в Византии XI в.

DMITRI CHERNOGLAZOV, CSc in Philology; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

11TH C. BYZANTINE NEOPLATONIST: SOME NOTES ON THE NEW CRITICAL EDITION OF MICHAEL PSELLOS' LETTERS*

The subject of the present paper is the first critical edition of the letter-collection of Michael Psellos (11th c.), published by S. Papaioannou in 2019. The basic principles and features of this publication are examined, further research prospects are indicated in the light of its publication.

Keywords: Michael Psellos, Byzantine rhetoric, Byzantine letter-writing, textual criticism

Michael Psellos is a central figure in the intellectual life of Byzantium of the 11th c. He is widely known as a court orator, historiographer, poet, scholar, and neo-Platonic philosopher. An important part of Psellos' literary oeuvre is his letter-collection, containing more than five hundred letters, but until recently, most of them were available in obsolete non-critical editions. It was only in 2019 that the first complete critical edition of Psellos' letters was published:

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00669.

Michael Psellus, *Epistulae*. Vol. 1–2, edidit Stratis Papaioannou (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana 2030). Berlin — Boston: de Gruyter 2019, CLXXXV, 1207 pp.

In the present paper, it is planned to present this edition to the audience, to tell about the basic principles that S. Papaioannou followed, to characterize his work in the context of modern scientific methodology, to outline further research prospects in the light of the publication of this book.

The basic editorial principle, formulated by S. Papaioannou, is, on the one hand, to preserve the text presented in manuscripts as accurately as possible, and on the other, to create a modern critical edition convenient for the reader. In general, the researcher manages to maintain this fragile balance. The conjunctures, which are basically minimal, are introduced only in extreme cases — we detected very few cases where the conjuncture seems unnecessary. The editor handles punctuation very carefully, usually leaving punctuation marks where they stood in the manuscripts. The editor's most notable "intervention" in the text of the letter-collection is that he organizes it in a new way, distributing letters according to their recipients. However, this innovation is quite justified, since in some of the most important codices this principle can be already traced.

The publication of Psellos' letters in the new critical edition opens up new prospects for research in the following areas:

- Psellos' biography and prosopography of the 11th c.;
- literary studies and, in particular, the study of the Byzantine epistolary etiquette;
- history of the Greek language, specific features of the language of Byzantine literary texts;
- rhythmic organization of rhetorical prose;
- history of the Byzantine philosophy, in particular, Neoplatonism in 11th c. Byzantium.

ЧЕЛНОКОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА, доктор
философских наук; Российский православ-
ный университет св. Иоанна Богослова
(Москва, Россия), доцент

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА НА АНТРОПОЛОГИЮ СЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ НИССКОГО

Автор статьи анализирует влияние платоновского «Федра» на формирование антропологической концепции святителя Григория Нисского. В частности, рассматривает основные позиции взаимодействия учения святителя с платонической мыслью: о трехчастности и бессмертии души.

Ключевые слова: антропология, душа человека, бессмертие души, силы души, страсти души

ELENA CHELNOKOVA, DSc in Philosophy; Russian
Orthodox University of St. John the Theologian
(Moscow, Russia), Assistant Professor

THE INFLUENCE OF PLATO'S PHILOSOPHY ON THE ANTHROPOLOGY OF SAINT GREGORY OF NYSSA

The author of the article analyzes the influence of Plato's "Phaedrus" on the formation of the anthropological concept of St. Gregory of Nyssa. In particular, she considers the main positions of the interaction of the Saint's doctrine with Platonic thought on the three-part and immortality of the soul.

Keywords: anthropology, the soul of man, the immortality, the powers and the passions of the soul

Щукин Тимур Аркадьевич, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант; Социологический институт РАН (Москва, Россия), ассоциированный научный сотрудник

**АПОСТОЛ ПАВЕЛ ПРОТИВ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ:
«ПУТЕВОДИТЕЛЬ» АНАСТАСИЯ СИНАИТА
КАК АНТИФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТ***

В докладе рассматриваются взгляды Анастасия Синаита на место античного философского наследия в догматике и догматической полемике на материале его главного христологического сочинения «Путеводитель». Подвергается анализу вводная часть трактата, где Анастасий Синаит сопоставляет некоторые положения философского знания с положениями христианской веры, приходя к выводу о непригодности философского терминологического и концептуального аппарата для христологии и триадологии. Аналогичные взгляды отстаивает Анастасий Синаит на протяжении всего трактата, подчеркивая, что все ключевые еретические заблуждения коренятся в увлечении еретиков языческой философией. Особенно негативное влияние на христианскую мысль оказал, по мнению игумена, Аристотель с его учением о тождестве природы и ипостаси. Именно это учение, считает он, лежит в основе монофизитства. Ставится вопрос об источниках представлений Анастасия Синаита об античной философии. Показывается, что таковыми источниками являются, вероятно, христианские адаптации комментариев на Аристотеля Александрийской школы. Также в статье ставится вопрос о причинах столь негативного отношения Анастасия Синаита к античной философии, предполагающего не только осторожное взаимодействие с ней, что характерно, например, для Леонтия Византийского, Феодора Раифского, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, но и полное отрицание, демонтаж философского знания. Высказывается предположение, что причиной этого является то, что тексты александрийских комментаторов,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00778 «Леонтий Византийский и патристическая традиция».

и в особенности Стефана Александрийского играли важную роль в монофизитской традиции, которая следовала логике александрийцев более последовательно, чем халкидонитская. Кроме того, существует гипотеза о прямой вовлеченности Стефана Александрийского во внутримонафизитскую полемику, что также могло оказать влияние на отношение к нему и к его сочинениям в халкидонитской среде. Тем самым, положение «Путеводителя» Анастасия Синаита в поздней восточно-христианской богословской традиции является уникальным. Этот трактат создавался как единственный в своем роде антифилософский проект. Он предлагает систему работу с богословскими понятиями, не зависящую от «эллинской» традиции.

Ключевые слова: Анастасий Синаит, Аристотель, Александрийская школа комментаторов Аристотеля, Стефан Александрийский, неохалкидонизм, монофизитство, христология

TIMUR SHCHUKIN, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate;
Sociological institute of the Russian Academy of Science
(Moscow, Russia), Associate Research Fellow

**APOSTLE PAUL VS. PLATO AND ARISTOTLE:
'VIAE DUX' BY ANASTASIUS OF SINAI AS
AN ANTIPHILOSOPHICAL PROJECT***

The article considers the views of Anastasius of Sinai on what place should occupy the ancient philosophical heritage in dogmatics and dogmatic polemics on the material of his main Christological treatise 'Viae Dux'. The introductory part of the treatise is analyzed, where Anastasius of Sinai compares some provisions of philosophical knowledge with the provisions of the Christian faith, coming to the conclusion that the philosophical terminological and conceptual apparatus is unsuitable for Christology and Triadology. Anastasius of Sinai advocates similar views throughout the treatise, emphasizing that all the key heretical errors are rooted in the fascination of heretics with pagan

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00778 "Leontius of Byzantium and Patristics."

philosophy. According to him, Aristotle and his teaching on the identity of nature and hypostasis had a particularly negative impact on Christian thought. It is this doctrine, he believes, that underlies Monophysitism. The issue of the sources of Anastasius of Sinai's understanding of ancient philosophy is raised. It is shown that such sources are probably Christian adaptations of the commentaries on Aristotle of the Neoplatonic School of Alexandria. The paper also raises the question of the reasons for such a negative attitude of Anastasius of Sinai to ancient philosophy, which implies not only cautious interaction with it, but also a complete denial, dismantling of philosophical knowledge. It has been suggested that the reason for this is that the texts of the Alexandrian commentators, and especially Stephen of Alexandria, played an important role in the Monophysite tradition, which followed the logic of the Alexandrians more consistently than the Chalcedonian Christians. In addition, there is a hypothesis about the direct involvement of Stephen of Alexandria in the internal Monophysite controversy, which could also influence the attitude towards him and his writings in the Chalcedonian tradition. Thus, Anastasius of Sinai "Viae Dux" was created as a one-of-a-kind antiphilosophical project.

Keywords: Anastasius of Sinai, Aristotle, Neoplatonic School of Alexandria, Stephen of Alexandria, Neo-chalcedonism, Monophysitism, Christology

ПРИХОДЬКО МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук; Приход в честь свт. Николая Мирликийского РПЦ МП (Севилья, Испания), священник

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ О СМЕХЕ: МЕЖДУ АЛЛЕГОРИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ*

В учении Филона Александрийского особое место занимает рассмотрение онтологического символизма смеха, который понимается как телесный знак высшей из эмоций — радости. Основные интерпретации смеха и связанных с ним эмоций (радости, веселия) производятся из толкования

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00749 «Символ на границе между смешным и серьёзным в византийской экзегетике».

имени библейского патриарха Исаака (по-еврейски «смех») и соответствующих библейских сюжетов. Используя мотив дарования Исаака по божественному обетованию бесплодной Сарре, Филон определяет существо смеха как дара Творца, награды свыше. Под этим дарованием понимается особое состояние ума (или души), в котором в полной мере присутствует Логос мироздания, сообщающий полноту ведения устройства и промысла о мире Творца. Смех отражает первостихию бытия, в котором весь мир представлен как цельное поэтическое произведение Бога. Постижение этой первостихии возможно только в переживании его радости как творческой энергии Создателя. Осмысление смеха вносит и особые коррективы в экзегезу самого библейского повествования об Исааке. Следуя логике интерпретации существа смеха, Филон нарушает ключевые моменты библейского нарратива: Исаак предстает не как сын Авраама, а как его отец; Исаак рождается у Сарры именно в ее бесплодии или девстве, имея отцом Самого Бога и прочее. Таковые экзегетические построения, меняющие исходный нарратив вплоть до его противоположности, спровоцированы углублением Филона в интерпретацию проблемы смеха, с которым одновременно связываются феномен игры, зрелища, поэтического творчества, драматургии и прочих явлений жизни человека, в которых сверхрациональный момент может оттеснить обычную логику событий.

Ключевые слова: Филон Александрийский, смех, аллегория, игра, экзегетика, Исаак

МАХИМ ПРИКНОДКО, CSc in Philosophy; The Parish of St. Nicolas
Russian Orthodox Church (Seville, Spain), priest

**PHILO OF ALEXANDRIA ON LAUGHTER:
BETWEEN ALLEGORY AND REALITY***

The teachings of Philo of Alexandria is characterized by a special consideration of the ontological symbolism of laughter, which is

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00749 “Symbol between the ridiculous and the serious in Byzantine exegetics.”

understood as a bodily sign of joy, the highest of emotions. The interpretations of laughter and its related emotions (joy, fun) are drawn from the meanings of the name of the biblical patriarch Isaac (in Hebrew “laughter”) and the corresponding biblical stories. Using the motive of giving birth of Isaac as a gift from above to barren Sarah, Philo defines the essence of laughter as a gift from the Creator, the reward from above. This talent is understood as a special state of mind (or soul) in which the Logos of the universe is fully present. Laughter reflects the primordial nature of being, in which the whole world is presented as a whole poetic work of God. The comprehension of this element is possible only in the experience of highest joy as the creative energy of God. The understanding of laughter also makes special adjustments to the exegesis of the biblical narrative of Isaac. Following the logic of interpreting the essence of laughter, Philo departs from the key points of the biblical narrative themselves: Isaac appears not as the son of Abraham, but as his father; Isaac was born from Sarah precisely in her infertility or virginity, having the father of God Himself and so on. Such exegetical constructions that change the original narrative up to its opposite are inspired by Philo’s immersion into the interpretation of the problem of laughter, which simultaneously connects to the phenomenon of play, poetic, dramaturgy and other phenomena of human life, in which a superrational moment can push back the usual logic of events.

Keywords: Philo of Alexandria, laughter, allegory, play, exegesis, Isaac

ЧЕРНОГЛАЗОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат филологических наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПЛАТОНОВСКИЙ И ЛУКИАНОВСКИЙ ДИАЛОГ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕОДОРА ПРОДРОМА*

Предмет доклада — диалог «Амарант, или Любовь старика» Феодора Продрома (XII в.). Диалог анализируется с точки зрения его жанровой специфики и художественных прие-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207 «Логическое образование в Византии: Феодор Продром и логические опыты XII века».

мов. Демонстрируется, что в диалоге комбинируются две традиции — платоновская и лукиановская.

Ключевые слова: Феодор Продром, философский диалог, сатирический диалог, византийская литература

Феодор Продром — выдающийся византийский писатель XII в., автор большого количества сочинений, разнообразных по литературной форме. Несколько произведений Продрома написаны в форме диалога. Среди них следует упомянуть:

«Ксенедем, или Гласы» — диалог в платоновской традиции, посвященный логической тематике. Персонажи обсуждают предикабилии, введенные Порфирием, и отмечают ряд противоречий в их определениях.

«Невежда, или считающий себя грамматиком» — сатирический диалог, в котором автор учиняет пристрастный «экзамен» некоему человеку, гордящемуся знаниями в области грамматики, и тот в итоге оказывается неучем.

«Продажа жизней» — подражание одноименному диалогу Лукиана. Основное отличие от античного образца состоит в том, что у Лукиана продаются жизни философов, а у Продрома на торги выставляются жизни античных писателей — Гомера, Еврипида, Аристофана и др.

«Амарант, или Любовь старика» — диалог, главный герой которого, Амарант, рассказывает друзьям о свадьбе престарелого философа Стратокла, которую он недавно посетил. Этот диалог и станет предметом настоящего доклада.

Диалог примечателен тем, что в нем комбинируются два античных жанра — философский диалог в платоновской традиции и сатирический, «лукиановский» диалог. Текст совсем недавно появился в критическом издании, и ему посвящена всего одна научная статья. Задача настоящего доклада — проанализировать диалог с точки зрения его жанровой специфики и художественных приемов, охарактеризовать его в контексте творчества Феодора Продрома.

Начало «Амаранта» выдержано в стиле сократического диалога — это проявляется и в тематике (мы ожидаем,

что центральной темой станут разногласия между адептами Демокрита и Эпикура, а также понятие наслаждения), и в стиле (нетрудно отметить реминисценции из диалогов Платона). Затем же — неожиданно для читателя — стиль меняется, и дальнейший текст выдержан в духе сатирических диалогов Лукиана. Центральным приемом Продрома здесь оказывается гротеск — контрастное сочетание возвышенного и сниженного. Эффект гротеска зачастую достигается с помощью цитат из античной литературы, помещаемых в заведомо чуждый им контекст. Образностью и комизмом отличаются и описания, риторические экфрасисы.

DMITRI CHERNOGLAZOV, CSc in Philology; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

PLATONIC AND LUCIANIC DIALOGUE IN THEODORE PRODROMOS' OEUVRE*

The subject of the paper is the dialogue “Amaranth” of Theodore Prodromos (12th c.). The dialogue is analyzed in terms of its genre specificity and literary techniques. It is demonstrated that two traditions are combined in the dialogue — Platonic and Lucianic.

Keywords: Theodore Prodromos, philosophical dialogue, satirical dialogue, Byzantine literature

Theodore Prodromos is an outstanding Byzantine writer of the 12th c. His oeuvre contains a lot of literary works, various in their literary form. Several works of Prodromos are written in the form of dialogue. Among them the following should be mentioned:

“Xenedemos, or Voices” is a dialogue in the Platonic tradition, devoted to logical topics.

“Ignoramus, or Someone considering himself a grammarian” is a satirical dialogue in which the author examines a certain person who is proud of his knowledge in the field of grammar, but eventually turns out to be an ignoramus.

* This paper is part of the research project № 18-011-00207 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

“Sale of Lives” is an imitation of Lucian’s dialogue of the same name. The main difference from the ancient model is that in Lucian’s dialogue the lives of philosophers are sold, whereas in Prodrornos’ dialogue the lives of ancient writers — Homer, Euripides, Aristophanes, and others — are put up for auction.

“Amaranth, or Old Man’s Love” is a dialogue whose main character, Amaranth, tells his friends about the wedding of the elderly philosopher Stratocles. This dialogue will be the subject of this paper.

The dialogue is noteworthy in that it combines two ancient genres — the philosophical “Platonizing” dialogue and the satirical “Lucianic” dialogue. The text has recently appeared in its critical edition, and only one article has been written about it. The purpose of our paper is to analyze the dialogue from the point of view of its genre specificity and artistic techniques, to characterize it in the context of the work of Theodore Prodrornos.

The beginning of “Amaranth” is similar to a Socratic dialogue — it is manifested both in its content (we expect that the central theme will be the differences between the adherents of Democritus and Epicurus) and in its style (it is easy to recognize some reminiscences from Plato’s dialogues). Then — unexpectedly for the reader — the style changes, and the subsequent text is written as a satirical dialogue belonging to the Lucianic tradition. Prodrornos’ central method here is the grotesque, which is often achieved by means of quotes from ancient literature, placed in contexts pronouncedly alien to them.

**СЕКЦИЯ 7: «РИТОРИКА И ПЛАТОНИЗМ
В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ»**

ВОРОБЬЕВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

**ЭТОС, ПАФОС И ЛОГОС
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ***

В докладе показаны изменения, которые происходили в соотношении различных видов убеждающего воздействия («этос», «пафос» и «логос») в зависимости от социально-политических и идеологических характеристик государства и общества. Отмечены также изменения способов представления сообщения аудитории.

Ключевые слова: убеждающая речь, Аристотель, этос, пафос, логос

Риторика определена одним из её основателей Аристотелем как наука, изучающая убеждающую речь, и это определение сохранило свою значимость до настоящего времени. Стагирит пишет: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие — от того или другого настроения слушателя, третьи — от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании» (1356 а 1–4), и, соответственно, они были поименованы как «этос», «пафос» и «логос».

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы»

На протяжении всей истории развития риторики соотношение этих видов убеждения изменялось в зависимости от социально-политического устройства общества. Считается, что в демократиях более весомым является «логос», а в монархиях — «пафос». В государствах и обществах, где религия играет существенную роль, значительным становится «этос». Например, в византийской риторической теории (главный авторитет — Гермоген из Тарса) фактическое преимущество имеют «этос» и «пафос».

Развитие способов представления «получателю» содержания сообщения также приводит к переменам во взаимоотношениях разных видов убеждающего воздействия. Первоначально, когда оратор воздействовал на аудиторию непосредственно, главными были «этос» и «пафос». Затем, по мере формирования массовой печатной продукции (книги, газеты) значительное влияние получает «логос», но еще в 60-е годы 20 века М.Маклюэн объяснил, что первенство переходит к слуховизуальным средствам воздействия на аудиторию. Сегодня тиражи книг стали мизерными, а газеты все более переходят в электронный формат и именно аудиовизуальные средства (радио, телевидение, интернет, где основными опять являются «этос» и «пафос») стали абсолютными лидерами влияния в обществе.

VALERY VOROBYEV, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy
for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Researcher

ETHOS, PATHOS AND LOGOS IN A HISTORICAL PERSPECTIVE*

The report traces the development of different persuasive effects (“ethos,” “pathos” and “logos”) relations regarding the socio-political and ideological contexts. It also deals with the changes in the ways the message is presented to the audience.

Keywords: persuasive speech, Aristotle, *ethos*, *pathos*, *logos*

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00669.

ДОНСКИХ ОЛЕГ АЛЬБЕРТОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия), заведующий кафедрой; Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОГО ЖАНРА (ОТ ГОМЕРА ДО ПЛАТОНА)

Жанр вырастает из речевого акта путем оформления соответствующего дискурса. Философия к середине 4 века до н.э. оказывается представленной в целой серии различных жанров: речи, гимны, дидактический эпос, письма, диалоги, афоризмы. При этом как социально, так и содержательно у нее есть все, чтобы оформиться в качестве жанра. В докладе обсуждается вопрос, почему это не произошло.

Ключевые слова: греческая философия, рефлексия, дискурс, история литературы, жанр

Жанр вырастает из речевого акта благодаря серии трансформаций, благодаря которым уточняется позиция автора и позиция слушателя, специфицируются средства выражения, уточняется структура текста. В этом смысле жанр — признанное данной культурой оформление определенного дискурса. Говоря о формировании жанра, мы необходимо должны говорить 1) об определенном содержании, 2) о заданном круге авторов-исполнителей, 3) о соответствующей аудитории и 4) об определенной социальной ситуации, в которой происходит исполнение.

До появления литературы, осознавшей себя как литература, твердые критерии жанра определяются лишь внешне. В частности, это относится к гомеровскому периоду. В последующем — от Гомера до Аристотеля складывается новая ситуация. Таким образом, формирование философии приходится на период от «дорефлексивного традиционализма» до «рефлексивного традиционализма» (С. С. Аверинцев).

Философия к середине 4 века до н.э. оказывается представленной в целой серии различных жанров: это речи, гимны,

дидактический эпос, письма, диалоги, афоризмы. Учитывая любовь греков к классификациям, эта ситуация создает проблему: на каком основании выделяется философия? и выделяется ли она в античности в качестве определенного вида интеллектуальной деятельности? Это тем более интересно, что из критериев, определяющих жанр, у философии есть как социальная основа, так и относительно определенное содержание, ориентированное на поиск божественного знания (Лебедев).

Вопрос в том, определяются ли они лишь ретроспективно позднейшими доксографами или это осознавалось самими создателями. О чем здесь свидетельствуют тексты, если мы некритически принимаем платоновский тезис о распре философии и поэзии? Философия манифестирует себя в рамках последовательно осуществляемой рефлексии, которая появляется еще у Гомера и выражается в появлении описаний (Аверинцев), а также в рамках «научной прозы» ионийцев, которая складывается на основе документальной прозы (Доватур) и которая дает начало жанру «о природе». Одновременно она формирует особый дискурс, противопоставляя себя поэтическим жанрам.

OLEG DONSKIKH, DSc in Philosophy, Professor; Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia), Head of Department; Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia), Professor

CREATION OF PHILOSOPHY AS THE LITERARY-SCIENTIFIC GENRE (FROM HOMER TO PLATO)

A genre grows out of a speech act by creating a corresponding discourse. Philosophy by the middle of the 4th century BC is represented in a whole series of different genres: speeches, hymns, didactic epics, letters, dialogues, aphorisms. At the same time social situation as well as content of philosophical discourse seem to provide firm conditions to originate philosophy as a literary genre. The paper discusses why this did not happen.

Keywords: Greek philosophy, reflection, discourse, history of literature, genre

In general, genre grows out of a speech act through a series of transformations which clarify the position of the author and the position of the listener, specify the means of expression, and clarify the structure of the text. In this sense, a genre is the design of a certain discourse recognized by a given culture. When we talk about the creation of a genre, we must take into account 1) a certain content, 2) a given circle of authors-performers, 3) an appropriate audience, and 4) a certain social situation in which the performance takes place.

Before the emergence of literature that has realized itself as literature, the firm criteria of the genre are determined only externally. In particular, this applies to the Homeric period. Later, from Homer to Aristotle, a new situation develops. Thus, the formation of philosophy falls on the period from “pre-reflexive traditionalism” to “reflexive traditionalism” (Averintsev).

Philosophy by the middle of the 4th century BC is represented in a series of quite different genres: speeches, hymns, didactic epics, letters, dialogues, aphorisms. Given the Greeks’ love of classifications, this situation creates a problem: on what basis does philosophy stand out? and does it really stand out in antiquity as a certain type of intellectual activity? This is all the more interesting because if taking the criteria that define the genre, philosophy has both a social basis and a relatively definite content focused on the search for divine knowledge (Lebedev). The question is whether they are determined only retrospectively by later doxographers, or whether this was realized by the creators themselves. What do the texts show here, if we sympathetically accept Plato’s thesis about the ancient feud between philosophy and poetry? Philosophy manifests itself in the framework of a consistent reflection that appears in Homer and is expressed in the appearance of descriptions (Averintsev), as well as in the “scientific prose” of the Ionians, which is formed on the basis of documentary prose (Dovatur) and which gives rise to the genre “about nature.” At the same time, it forms a special discourse, contrasting itself with poetic genres.

ШЕВЦОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, доктор психологических наук, профессор, независимый исследователь

РИТОРИКА СКАЗКИ

Основной диалог Платона, посвященный риторике, — «Горгий», — если отбросить всю критику, посвящен выведению понятия о риторике. Эта работа ведется Сократом через сопоставление риторики с различными видами деятельности и способами работы разума. Как ни странно, но одним из предметов сличения, выявляющим определенные особенности риторики, оказывается сказка.

Ключевые слова: сказка, риторика, словесный поединок, искусство, сила

Основной диалог Платона, посвященный риторике, — «Горгий», — посвящен выведению понятия о риторике. Эта работа ведется Сократом через сопоставление риторики с различными видами деятельности и способами работы разума. Как ни странно, но одним из предметов сличения, выявляющим определенные особенности риторики, оказывается сказка.

Исходно, слово *ρήτρα* — это уговор, договор (словесный), а также — постановление, закон (не писанный). Источники показывают, что так назывались у спартанцев законы Ликурга. А *ρήτωρ* — оратор, говорящий на народном собрании или в Совете царей, где неуместно махать кулаками, но нужно уметь держать речь. Так лучший боец ахейского войска Ахиллес проигрывает в Совете, так же проигрывает и Аякс Телемонид.

Риторика наследует тому древнему индоевропейскому институту Словесных поединков, что обнаруживается и в ведической культуре, в и иранской, и в Эдде, и в русских обрядовых песнях и сказках про мудрую деву или девку-семилетку.

Словесные поединки типа «Брахмодья» — это испытания, которые должен пройти молодой жрец, чтобы быть принят в жреческое сообщество. Но его же должен

пройти и подросток во время инициации, как заключительное испытание.

В силу этого очевидна связь риторики с искусством убеждения, «которое действует в судах и других сборищах» (Горгий, 454b). Но при сопоставлении волшебной сказкой с обрядом молодежной инициации выявляются черты поразительного сходства риторики не только с древними словесными поединками, но и с семантическим наполнением сказочной схемы.

При этом завершающий агон любой волшебной сказки обязателен как для сказок героических, то есть наследующих эпосу и собственно воинским инициациям, так и для сказки чародейской, гоэтической, типа «Ученик колдуна», так же завершающихся испытаниями, дающими ученику стать одним из признанных колдунов или жрецов древних культов.

Гоэтические сказки древнее героических, и это дает основания связывать риторику с культурой, предшествующей эпосу, то есть усматривать ее корни еще в индоевропейской древности.

Что роднит риторику со сказкой: сказка относится к искусствам речи. Она, как и риторика, есть искусство речи как таковое и она — искусство убеждения и воспитания. Описания риторики, сделанные Платоном, удивительно точно подходят и для сказки. И завершается это сопоставление прямой отсылкой к сказкам и способу их подачи:

Даже сказки и те, говорят, нельзя рассказывать кое-как: надо непременно придать им заглавие, чтобы не скитались вокруг безголовыми (505d).

ALEXANDER SHEVTSOV, DSc in Psychology,
Professor, Independent scholar

RHETORIC OF A FAIRY TALE

The main dialogue of Plato on rhetoric — “Gorgias” — is devoted to deriving the concept of rhetoric. This work is carried out by Socrates through a comparison of rhetoric with various activities and ways of working the mind. Oddly

enough, one of the objects of comparison revealing certain features of rhetoric is a fairy tale.

Keywords: fairy tale, rhetoric, agon, art, *dynamis*

АРТЕМЬЕВ ТИМУР МУРМАНОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; СЗГМУ им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

КАК ОВЛАДЕТЬ ОРАТОРСКИМ МАСТЕРСТВОМ В СОВЕРШЕНСТВЕ

В основе доклада лежат высказывания персонажей диалогов Платона об ораторском мастерстве. Ядром ораторского искусства признается риторика. Для достижения совершенства в профессии оратора выделяются ряд определенных способностей, без овладения которыми добиться успеха полагается невозможным.

Ключевые слова: диалоги Платона, ораторское искусство, совершенство

Согласно Платону, совершенство как таковое является божественной идеей, которой присуще притягивать объекты. Человек способен в пределах возможного достигнуть совершенства в деле и слове. В каждой профессии есть свое собственное наивысшее совершенство, до которого могут прийти лишь единицы. Множество персонажей диалогов Платона характеризуются стремлением к совершенству в какой-либо добродетели. Среди всех людей количество стремящихся осуществить совершенство в деле и слове невелико и это имеет своим основанием особенности общественного общежития.

Как достигнуть совершенства в мастерстве оратора? В «Федре» Платон устами Сократа говорит: «Если от природы дано тебе быть оратором, то ты будешь оратором достойным похвалы, соединив в себе знание с упражнением; а не имея того либо другого, в том самом отношении останешься несовершенным». На поприще красноречия, желанное качество приобретается в случае, если быть оратором дано от природы,

к чему необходимо добавить знание риторики с упражнением памяти, учет времени выступления и пауз, краткословия, сожалительности, пылкости и всех видов речи. Категории «совершенство» можно дать определение, в котором совершенство есть целостность какого-либо качества. Перечислим то, что должно входить в полноту достижения качества по Платону: это получить образование, знать толк в стихах, любить мудрость, исследовать природу таких возвышенных вещей как добро, красота и благо, и развиваться, доводя нужные качества до совершенства. Подразумевается и духовное и телесное развитие, состояние здоровья в этих частях человека.

TIMUR ARTEMEV, CSc in Philosophy, Associate
Professor; North-Western State Medical University
named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg,
Russia), Associate Professor

HOW TO MASTER ORATORY EXCELLENCE

The report is based on the statements of the characters of Plato's dialogues on oratory. Rhetoric is recognized as the core of oratory art. To achieve excellence in his profession, a number of certain abilities were distinguished, without which it was impossible to succeed.

Keywords: Plato's dialogues, the art of oratory, perfection

According to Plato, perfection as such is a divine idea that is inherent in attracting objects. A person is able to achieve "perfection in deed and word" within the limits of possible. Each profession has its own highest perfection, which only a few can reach. Many characters in Plato's dialogues are characterized by a desire for perfection in any virtue. Among all people, the number of people seeking to perform excellence in deed and word is small and this has as its basis the characteristics of society.

How to become a perfect speaker? Plato with the mouth of Socrates says: "If by nature you are given to be a speaker, then you will be a praiseworthy speaker, combining knowledge with exercise; but if you do not have either, you will remain imperfect in that respect. In the field of eloquence, the desired quality is acquired

if you are given a speaker from nature, to which you need to add knowledge of rhetoric with a memory exercise, taking into account speaking time and pauses, short words, regret, fervor and all types of speech. The categories of “perfection” can be defined in which perfection is the integrity of a quality. Let us list what should be included in the completeness of the achievement of quality according to Plato: it is to get an education, know the truth in verses, love wisdom, explore the nature of such sublime things as good, beauty and good, and develop, bringing the necessary qualities to perfection. Spiritual and bodily development, the state of health in these parts of the person is also implied.

ХУБЯН ГЕОРГИЙ ТИГРАНОВИЧ, Днепропетровская
Медицинская Академия (Днепр, Украина), студент

**РИТОРИКА В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ДРАМЫ
В ТРАГЕДИИ «ТАМЕРЛАН ВЕЛИКИЙ» К. МАРЛО
И «ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ» У. ШЕКСПИРА**

В данном докладе рассмотрено становление и расцвет Английского театра эпохи Возрождения под влиянием античной риторики. Для рассмотрения выбраны две трагедии: «Тамерлан Великий» К. Марло и «Юлий Цезарь» У. Шекспира.

Ключевые слова: Английский театр, эпоха Возрождения, трагедия, пьеса, Елизаветинская драма, риторика, речь, оратор

GEORGE KHUBYAN, Dnipropetrovsk Medical
Academy (Dnepr, Ukraine), Student

**RHETORIC IN ELIZABETHAN DRAMA: THE TRAGEDY
“TAMBURLAINE THE GREAT” BY CHRISTOPHER MARLOWE
AND “JULIUS CAESAR” BY WILLIAM SHAKESPEARE**

This report examines the formation and heyday of English Renaissance theatre under the influence of ancient rhetoric. For consideration selected two tragedies: “Tamburlaine

the Great” by Christopher Marlowe and “Julius Caesar” by William Shakespeare.

Keywords: English theatre, Renaissance, tragedy, play, Elizabethan drama, rhetoric, speech, orator

Гришунина Марина Андреевна, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия), студент

**«МИФ О ПЕЩЕРЕ» ПЛАТОНА В КОНТЕКСТЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»:
ПО ПУТИ К ИСТИНЕ**

Статья демонстрирует линии сопоставления «Мифа о пещере» из «Государства» Платона с сюжетной основой книги британского писателя Дж. Оруэлла «1984», а также пытается доказать, что творчество античного мыслителя не теряет своей актуальности и по сей день, а его идеи могут быть и являются основанием для философского вида высказываний и рассуждения. В работе использованы такие методы как анализ, синтез, сравнение.

Ключевые слова: миф о пещере, Платон, Дж. Оруэлл, истина, свет, тьма, 1984, государство

Проблема истины и ее поиска волновала многих и во все времена, ведь, как показывает история, существует нескончаемый процесс, где «искатели света» с трепетным волнением помещают в пространство текста результаты собственных поисков и размышлений, а искушенные читатели — вслед за авторами — пытаются вытеснить из его укромных уголков пусть и мельчайшие намеки на запредельный блеск. В поле нашего зрения попал трактат Платона «Государство», который не теряет своей актуальности и по сей день. Нетрудно заметить, как «Миф о пещере» — ключевой фрагмент монолитного текста — проецировался, осознанно или нет, на многие произведения и явления

прошлого века: вспомним «Матрицу» Вачовски, big-data, «Падение трои» и «Повесть о Платоне» Питера Акройда. Не стала исключением и знаменитая книга Дж. Оруэлла «1984», сквозь которую продираются черты платоновского мифа, и черты эти имеют наиболее отчетливую форму.

Основа мифа, как и романа-антиутопии, — триада событий, замкнутых друг на друга: пещера и ее переложение на город, присутствие серости и уныния, удушающий ритм жизни людей «обезмысленных» («обездвиженных»); освобождение от оков, «мыслепреступление» и мир света (обретение свободы как постижение истины); возвращение в подземную тьму, поправление «света» и его уничтожение.

Бесспорно, оба героя — мифа и романа — проходят свой путь к истине, сталкиваясь с отличными друг от друга испытаниями, но, несмотря на это, «Миф о пещере» Платона и «1984» Дж. Оруэлла обладают родственной связью.

MARINA GRISHUNINA, Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University — Minin University
(Nizhny Novgorod, Russia), Student

PLATO'S "MYTH OF THE CAVE" IN THE CONTEXT OF GEORGE ORWELL'S "1984": TOWARDS THE TRUTH

The article demonstrates the lines of comparison of the "Myth of the cave" from Plato's "Republic" with the plot basis of the book by the British writer J. Orwell's "1984," and also tries to prove that the work of the ancient thinker does not lose its relevance to this day, and his ideas can be and are the basis for a philosophical type of statements and reasoning. The article uses such methods as analysis, synthesis, and comparison.

Keywords: the myth of the cave, Plato, J. Orwell, truth, light, darkness, 1984, the state

The problem of truth and its search has worried many at all times, because, as history shows, there is an endless process where "seekers of light" with trembling excitement place in the space of

the text the results of their own searches and reflections, and sophisticated readers — following the authors — try to displace from its nooks even the smallest hints of transcendent brilliance. Plato's treatise "the State" came into our field of view, which does not lose its relevance to this day. It is not difficult to see how the "Myth of the cave" — a key fragment of the monolithic text-was projected, consciously or not, on many works and phenomena of the last century: remember Wachowski's "Matrix," big-data, "the Fall of Troy" and "the Tale of Plato" by Peter Ackroyd. Nor was the famous book by J. R. R. Tolkien an exception. Orwell's "1984," through which the features of Plato's myth are pushed, and these features have the most distinct form.

The basis of the myth, as well as the novel-dystopia — is a triad of events, closed on each other: the cave and its transposition to the city, the presence of grayness and despondency, the suffocating rhythm of life of people "mindless" ("immobilized"); liberation from the shackles, "thoughtcrime" and the world of light (gaining freedom as the comprehension of truth); return to the underground darkness, trampling "light" and its destruction.

Undoubtedly, both characters — myth and novel-pass their way to the truth, facing different tests from each other, but, despite this, Plato's "Myth of the cave" and J. Orwell's "1984" have a kinship connection.

СЕКЦИЯ 8: «ПЛАТОНИЗМ И ФИЛОСОФИЯ XIX–XXI ВВ.»

ЕВЛАМПИЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ, доктор философских наук,
профессор; Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ПОНЯТИЯ «ПОРЯДКА» И «ХАОСА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ И В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ*

Античное мышление сформировало два полярных и слабо связанных понятия: с одной стороны, понятие рационального порядка и строгой закономерности, не оставляющих места для творческой свободы человека, и, с другой стороны, понятие абсолютно иррационального хаоса, внедрение которого в нашу жизнь способно разрушить социальную организацию. Европейская философия в своем развитии пришла к попытке синтеза этих понятий: возникло представление об «укрощении» иррационального начала бытия божественным разумом, но ярко проявилась и противоположная тенденция к внедрению иррационального начала, «хаоса», в бытие самого Бога. Это можно обнаружить в идее Шеллинга о «темной основе» в Боге, а также в философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Наиболее последовательно эту проблему удалось решить А. Бергсону. Хотя он стал прямым продолжателем неклассической философии (философии жизни) Шопенгауэра и Ницше, он отверг представление о «хаосе» как абсолютном отсутствии порядка. Такой хаос не мог бы стать объектом нашего сознания. Бергсон утверждает, что возможны разные формы порядка. Порядок строгой рациональной закономерности, которую открыла и абсолютизировала античность, — это самая «примитивная» и схематичная

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00628 (18-00-00727 (К)).

форма организации бытия. Есть более «богатые» и сложные формы, который Бергсон называет «творческим порядком»; это свободная организация, не подчиненная однозначным законам. В качестве примера Бергсон приводит симфонию Бетховена, которая не менее упорядочена и организована, чем планетная система, но имеет основание в творческой свободе, а не на в однозначных законах. Современная наука также пришла к идее разных форм организации и порядка, но при этом она осталась ближе к античной модели, поскольку даже та форма организации, которую можно назвать «хаосом», понимается (в теории самоорганизации, созданной И. Пригожиным) в рамках полностью рациональной модели, как реализация строгих законов, хотя и гораздо более сложных, чем законы движения планет.

Ключевые слова: порядок, хаос, космос, античная философия, наука

АХУНЗЯНОВА ФАРИДА ТАГИРОВНА, кандидат культурологии, доцент; Костромской государственный университет (Кострома, Россия), доцент

ИДЕИ ПЛАТОНА В РЕЛИГИОЗНОЙ РЕФЛЕКСИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: УМОЗРЕНИЕ КАК ПОЗНАНИЕ ПОДЛИННОГО БЫТИЯ

Идеи Платона органически вписались в культурфилософское поле первой половины XX века, во многом определив и сформировав его. Поэтому платонизм можно рассматривать в качестве универсального культурного кода, способствующего релевантному пониманию концептосферы мыслителей указанной эпохи.

Ключевые слова: культура начала XX века, платонизм, культурный код, антиномии, личность, метафора осознания

Корни русской философии начала XX века находятся далеко за пределами русской традиции. Стремление найти Дух, освободить его коррелирует традициям платоновского

миросозерцания. Например, провозглашенная мыслителями исключительная роль личности имеет прямые истоки в философии Платона. Русская интеллигенция возводит демоническое начало человеческой личности в статус гениального теургического потенциала. Задача личности — позволить демону действовать в человеке и через человека, чтобы личной судьбой приблизить человечество к Царству Божию. Значимым античным символом в русской культурфилософии являются «вещие глаза» — детские, широко раскрытые от удивления глаза. Во все времена ребенок понимался как воплощение невинной, непорочной души, открытой Богу. То, что открыто детским глазам, настолько сакрально, что удивление, изумление не покидают их. Потому детский взгляд понимается мыслителями начала XX века как онтологический способ приобретения истинного религиозного опыта. Увидеть — значит признать существующим, увидеть детскими, удивленными глазами — значит визуализировать онтологические сущности. Детские глаза становятся проводником метафизического света — Божественной сущности, принимая сквозь себя дух, исходящий от Бога как Его отблеск. Тот, кто открывает в себе этот отблеск, становится избранным: ему присуща потенциальность всеведения. С метафорой глаз неразделима метафора зрения. Зрение как постижение некоего знания выделял Платон, согласно представлениям которого человек, оставивший символизирующую земной мир пещеру, выходит к свету солнца, который означает истинное знание как таковое. Само слово «идея» образовано от греческого глагола «видеть» и означает некоторое содержание, доступное только умозрению (ума зрению). Познание подлинного бытия Платон описывает как возможность смотреть при ярком сиянии на те вещи, тени от которых человек видел раньше. Отношение к мифотворчеству также восходит к платоновскому пониманию мифа. Через мифы открываются вечные истины, скрытые в образах. Платон считал, что Бог излил себя в мир в акте творения, пожертвовав своим отдельным Бытием. Идеи Платона о любви как о животворящей силе, способной привести распавшееся божественное единство к гармонии и воссоединению, находит

продолжение у русских мыслителей как средства преодоления пола и воссоздания цельной человеческой личности.

FARIDA AKHUNZIANOVA, CSc in Culturology,
Associate Professor; Kostroma State University
(Kostroma, Russia), Associate Professor

**PLATO'S IDEAS IN THE RELIGIOUS REFLECTION OF
THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: SPECULATIO
AS A COGNITION OF REAL EXISTENCE**

Plato's ideas are organically fit into the kulturphilosophical scope beginning of XX century was largely determined and shaped his. Therefore Platonism can be regarded as a universal cultural code, contributing to the relevant understanding kontceptosfery thinkers of these time.

Keywords: culture of early 20th century, Platonism, cultural code, antinomy, identity, metaphor of special eye view

Russian philosophy of the beginning of the XX century in many respects correlates with the traditions of the Platonic worldview. For example, the exceptional role of personality proclaimed by thinkers has direct sources in the philosophy of Plato. The Russian intelligentsia elevates the demonic principle of personality to the status of a brilliant theurgic potential. The task of the individual is to allow the demon to act in man and through man in order to bring humanity closer to the Kingdom of God with his personal destiny. A significant antique symbol in Russian cultural philosophy is children's eyes, wide-open from surprise. At all times, the child was understood as the embodiment of the immaculate soul, open to God. What is open to children's eyes, sacred, wonder does not leave them. Therefore, children's eyes are understood as a way of acquiring true religious experience. To see is to recognize as existing, to see with childish, surprised eyes is to visualize ontological entities. Children's eyes become the vehicle of metaphysical light — the Divine essence, taking through itself the spirit emanating from God as His reflection. With the metaphor of the eye, the metaphor

of vision is inseparable, which Plato understood as comprehension of a certain knowledge. The word “idea” itself is derived from the Greek verb “see” and means some content that is accessible only to speculation (mind to vision). The knowledge of genuine being, Plato describes it as an opportunity to look at the bright shine on those things from which the person had seen shadows. The attitude to myth-making also goes back to the Platonic understanding of myth. Through myths, eternal truths are revealed, hidden in images. Plato believed that God poured himself into the world in an act of creation, sacrificing his individual Being. The ideas of Plato about love as a life-giving force that can lead to the disintegrated divine unity to harmony and reunion, is continued by Russian thinkers as a means of overcoming sex and restoring an integral human personality.

МАЛЫШКИН ЕВГЕНИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, доктор философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

**СОТВОРЕНИЕ КАК УВЕЧЬЕ:
КАК ЧИТАТЬ «ПИР» ПОСЛЕ НАНСИ?***

Нанси в своей работе «Бытие единичное множественное» предлагает определенный способ думать. В докладе мы попытались применить этот способ к прочтению текста Платона, дополнив ее соображением о природе счета.

Ключевые слова: Нанси, со-бытие, распределенность, «Пир» Платона

Привычное, классическое прочтение многих диалогов Платона, но прежде всего — Парменида, таково: есть диалектика многого и единого, она приводит к умолканию «ума», когда мы понимаем, что ни один из вариантов сочленения

* Исследование выполнено в рамках НИР СПбГУ «Опыты любви и практики истины в современной философии и кинематографе», ID 53363306.

этих понятий не интеллигибелен и собственно только после такого признания и начинается самое интересное, когда апорией оказывается не только предположение эйдетически сущего, но и само мыслительное действие. Дальнейшие выводы относительно множественного и единого уже несущественны, потому что достигнуто главное: мы не только попали в затруднительное положение с ними, но и каждый раз (это *каждый раз* потребует дополнительного описания) впервые встретились с «самым самим» сущего. Эта встреча хороша сама по себе, ради нее можно даже пренебречь нечеткостью ведущих к ней рассуждений. Благо встречи по преимуществу состоит в том, что в этом событии (здесь «со-» сомнительно) мы способны, неявно, взглянуть на то, что прямому взгляду не открыто, начало само по себе.

Намеренно или нет, Нанси переиначивает Платона: «Не бытие сущего в начале, а потом само сущее как одно-с-другими, но сущее — любое сущее — детерминировано в своем бытии как сущее одно-с-другим. Единичное множественное: подобно тому как единичность каждого неотделима от его бытия-со-многими, и потому что, на самом деле, и в целом единичность неотделима от множественности». Можно ли в таком сопряжении одного и многого говорить о самом самом? Не то чтобы невозможно, но утрачивается напряжение, интерес. Это иной разговор, казалось бы, не совместный с диалектическим умолканием.

И все же у самого Платона мы обнаруживаем рассказ о таком единичном-множественном. Стоит лишь перенести центр масс с речи Сократа на Аристофанову, как мы читаем в «Пире» об этой сопряженности одного с другим, которое прежде различия самостоятельного и причастного: «Пир» станет повествованием не о постепенном восхождении к Эроту, но о единичном. И если мыслить такое единичное как отдельное, сотворенное как оно само есть, то — увечном, неважно, в целостном оно, троеполом виде, или в разделенном, двуполом эросном. А то, что такое прочтение не будет случайным, доказывается тем, что счет чисел, в отличие от счета

тождества, в качестве неперменного референта содержит множественное «со-».

EUGENE MALYSHKIN, DSc in Philosophy, Associate Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

CREATION AS MUTILATION: HOW TO READ PLATO'S "BANQUET" AFTER NANCY?*

Nancy, in his book "Being Singular Plural," offers a certain way of thinking. In the report, we tried to apply this method to reading the text of Plato, supplementing it with an idea about the nature of the counting.

Keywords: Nancy, Mitsein, distributiveness, Plato's "Symposium"

Classical reading of many dialogues of Plato, first of all, "Parmenides," is as follows: there is a dialectic of multiple and one, it leads to the silence of the "mind," when we realize, that all options for combining these concepts are incomprehensible, and after such recognition we can see the twofold aporia: eidetical beings and the mental action itself. Further conclusions regarding multiple and single are already irrelevant, because the main thesis has been achieved: we meet *auto to auto*. This meeting is good in itself, for the sake of it we can even neglect the vagueness of the reasoning leading to it. The benefit of the meeting is mainly that in this event we are able, to glance at something that is not open to the direct look, the beginning itself.

Intentionally or not, Nancy alters Plato: "Not Being of beings at the beginning, and then being itself as one with the others, but being — any being — is determined in its being as being one with the other. The single multiple." Is it possible in such a conjugation of one and plural to talk about *auto to auto*? Not that it's impossible, but tension and interest are lost.

And yet, in Plato himself, we find a story about such a single-plural. As we transfer the center of mass from Socrates's speech

* The study was funded by SPbSU according to the research project ID 53363306.

to Aristophanes' one, as we read in "Banquet" about this conjugation of one with the other, which precedes the distinction between self-reliant and participial: Banquet will not be a story of a gradual ascent to Eros, but of a singular one. And if we think such a single as a separate, created as it is, then it is crippled, it doesn't matter, in its holistic form, in a three-sex form, or in a divided, bisexual Eros. And the fact that such a reading will not be accidental is proved by the fact that the count of numbers, unlike the count of identity, contains a plurality of this "co-" as the indispensable referent.

РОМАНЕНКО ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

**ХАЙДЕГГЕРОВСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
УЧЕНИЯ ПЛАТОНА И ЕЕ ОЦЕНКИ
В РАБОТАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ***

Отношение Хайдеггера к философии Платона является двусмысленным. Он считал его инициатором метафизической традиции, которую необходимо преодолеть. По этой причине комментаторы аттестуют Хайдеггера как антиплатоника. По его мнению, метафизическое мышление привело к забвению бытия. Это обвинение в адрес Платона представляется парадоксальным, поскольку в его теории познания именно анамнесис, как диалектический коррелят забвения, является способом возвращения к бытию. В работе «Учение Платона об истине» Хайдеггер критикует его за подмену бытия сущим, однако вместе с тем этот метод интерпретации, будучи последовательно примененным, позволяет снять инвективы с Платона, реабилитировав его онтологию. Нам представляется, что хайдеггеровская экзегеза платоновского учения не доходит до герменевтического круга, в котором можно было бы истолковать в полноте его онтологический потенциал. В этой перспективе, как у Платона, так и у Хайдеггера, бытие понимается парадоксально. В плане сравнения это можно увидеть и у русских философов, в частности, Флоренского.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00753 «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

Ключевые слова: Платон, Хайдеггер, русская философия, онтология, герменевтика

YURIY ROMANENKO, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor

HEIDEGGER'S INTERPRETATION OF PLATO'S TEACHING AND ITS ASSESSMENT IN THE WORKS OF RUSSIAN PHILOSOPHERS*

M. Heidegger's attitude to Plato's philosophy is ambiguous. He considered him the initiator of a metaphysical tradition that must be overcome. So some commentators qualify Heidegger as anti-platonist. The metaphysical way of thinking led to the oblivion of being. This accusation seems paradoxical. The Heideggerian exegesis of the Platonic teachings in the work "Plato's Teachings on Truth" does not reach the hermeneutic circle in which one could interpret its ontological potential in the fullness of possibilities. In this regard, both in Plato and in Heidegger, being is understood paradoxically. In the perspective of comparative analysis, this can also be seen in Russian philosophers, in particular, in Florensky.

Keywords: Plato, Heidegger, Russian philosophy, ontology, hermeneutics

КРЮКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук;
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭЙДОС» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ**

Центральный вопрос доклада — употребляет ли Гуссерль термин «эйдос», «идея» в платоновском смысле и можно ли говорить, что он сам платоник. В содержательном

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00753, "Reception and transformation of Martin Heidegger's ideas in Russian philosophical thought."

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00912 «Феноменологическое понятие мира».

плане речь пойдет о прояснении факта, как данное понятие функционирует в рамках его феноменологии.

Ключевые слова: Гуссерль, Платон, идея, фантазия, феноменология, эйдетическое вариирование

1. Гуссерля нельзя назвать историком философии в строгом смысле этого слова. Однако в его текстах можно найти *указание на Платоновское учение*. В работе «Первая философия (Erste Philosophie)» он говорит об общей традиции Платон-Сократ и полагает, что они первыми применили метод идейного усмотрения (Ideenschau). В частности способ рассуждений Сократа с точки зрения Гуссерля — это метод полнейшей ясности. Эта трактовка отличается от канонической, поскольку Гуссерль полагал, что не только само знание, сколько метод *ясного и отчетливого* знания приводит к добродетели. С Платона только и начинается истинное познание, истинная теория и истинная наука. Гуссерль также на свой лад интерпретирует философию Платона, говоря, что это универсальная методология, *«наука о тотальности чистых априорных принципов всего возможного познания и всеобщности априорных истин»*. Гуссерль различает первую и вторую философии. Первая — это универсальная методология или априорная система возможных рациональных методов, вторая — это всеобщность истинных фактических наук. Следствием является появление истинной науки, идеи новой культуры, идеи интерсубъективности.

2. *Что подразумевается у Гуссерля под понятиями сущность (Wesen) и эйдос? С этими понятиями связан метод, который у Гуссерля носит названия: сущностное усмотрение (Wesensschau, Ideenschau), идирующая абстракция (ideierende Abstraktion), всеобщность инвариативного эйдоса (Allgemeinheit des invarianten Eidos), эйдетическая вариативность (eidetische Variation)*. Рассмотрим, что при этом достигается и как функционирует данное вариирование.

В работе «Формальная и трансцендентальная логика» (1929) варьируется онтология мира в качестве эйдоса, т.е. речь заходит о мироустройстве. В работе «Картезианские

медитации» (1929) Гуссерль описывает способ абстрагирования от предметности посредством эйдетической вариативности в чистой фантазии и приходит к понятию эйдоса предмета с одной стороны, к эйдосу эго, с другой. Метод вариирования охватывает как предметную область, так и весь мир в целом, а также структуру cogito.

3. *Что при этом достигается?* Достигается ли полное познание вещи при помощи такого вариирования? С одной стороны Гуссерль предпринимает критику Платона. Суть этой критик в следующем: Платон редуцирует идею вещи к общей сущности. Необходимо же различать кроме типично всеобщего, также и конкретное всеобщее, что отсылает нас уже к конкретной вещи. Абстрактное должно имплицировать понимание вещи в своей конкретности.

Возможные интерпретации процедуры сущностного усмотрения (эйдетического вариирования): 1. мы постигаем априорную структуру сознания (Д. Ломар); 2. возрастает роль фантазии, как особого интенционального акта по сравнению с воспоминанием. Первичной памятью, восприятием (Д. Ломар, Л. Визинг, Р. Сова). При этом фантазия может иметь как отрицательное значение (представлять все, что угодно), так и положительное (представлять в соответствии с законом необходимости).

ALEXEI KRIOUKOV, CSc in Philosophy; Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), Professor

THE MEANING OF TERM *EIDOS* IN HUSSERL'S PHENOMENOLOGY*

The central question of my talk is if Husserl uses the term “eidōs,” “idea” in a platonic sense. I will investigate the fact how the term functions in his phenomenology.

Keywords: Husserl, Plato, idea, phantasy, phenomenology, idetic variation

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00912 “The phenomenological Understanding of the World.”

ПРОТОПОПОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия), доцент

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ДИАЛЕКТИКИ У ПЛАТОНА И ГЕГЕЛЯ*

В своих «Лекциях по истории философии», Гегель утверждает, что истинная диалектика, которую он находит в диалогах Платона, состоит в обнаружении необходимого движения противоположных друг другу понятий, результатом которого выступает их отрицательное единство. Проблема, однако, состоит в том, что сам Платон вовсе не видел сущность диалектики в достижении единства противоположностей, мыслимых в одной идее, поскольку считал, что её задачей, наоборот, является различать все по родам и не принимать один и тот же вид за иной, а иной за тот же самый (Софист 253d). Тем самым, в отличии гегелевской трактовки, понятие «иного самого себя» (*Andere seiner selbst*) вовсе не было свойственно платоновскому определению диалектики, так как Платон считал в принципе неверным мыслить тождественное как иное по отношению к себе. Тем не менее, понимание небытия как иного выражает у Платона именно то, что, как обладающее единой природой, оно в тоже время выступает иным по отношению ко всем остальным родам, в том числе, по отношению к самому иному. В этом смысле небытие обладает у Платона такой природой, которая не совпадает с природой идеи самого иного как отличного от идеи тождественного. Небытие, будучи иным по отношению к бытию и делая все иным по отношению к бытию и по отношению к иному, выступает иным именно в отношении себя самого. В этом смысле, идея небытия понимаемого как иное себя самого, в согласии с гегелевским пониманием имеет решающее значение для платоновской диалектики в целом, обеспечивая в принципе возможность осуществления

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 А.

её определяющего положения, согласно которому, умопостигаемому бытию должен быть присущ ум, жизнь и становление. В то же время, именно идею небытия как иного в отношении себя необходимо мыслить в виде действительного основания того, что Гегель понимал под диалектическим методом в своей спекулятивной понятийной диалектике.

Ключевые слова: идея небытия, определенное отрицание, действительная противоположность, иное, иное себя самого, негативность, спекулятивная диалектика

IVAN PROTOPOV, CSc in Philosophy, Associate Professor; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

ON UNDERSTANDING DIALECTICS IN PLATO AND HEGEL*

Hegel in his “Lectures on the history of philosophy” argues that the true dialectic, which he finds in Plato’s dialogues, consists in discovering the necessary movement of opposite concepts, resulting in their negative unity. The problem, however, is that Plato himself never implied that the essence of dialectics consists in achieving the unity of opposites conceived in a single idea, as on the contrary he considered its task to distinguish everything by genera, not taking the very same species for another, and another for the same (*Sophist*, 253d). Thus, in contrast to the Hegelian interpretation, the concept of the “other of itself” (*Andere seiner selbst*) cannot be peculiar to Plato’s definition of dialectics, since Plato considered it fundamentally wrong to think of the identical as of the other in relation to itself. Nevertheless, Plato’s understanding of non-being as other expresses precisely that, having a single nature, it is at the same time other in relation to all other genera, including the other itself. In this sense, non-being’s nature according to Plato does not coincide with the nature of the idea of the other itself as distinct from the idea of the identical. Non-being, being other in relation to

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00746 A.

being and making everything other in relation to the other, is other exactly in relation to itself. In this sense, the idea of non-being understood as the other of itself, according to Hegel, is crucial for the whole Plato's dialectics, as it generally provides the possibility of implementing its defining position, where intelligible being must be inherent of mind, life and becoming. At the same time, it is the idea of non-being as other in relation to itself that must be thought as the actual basis of what Hegel understood by the dialectical method in his speculative conceptual dialectic.

Keywords: idea of not-being, determinate negation, actual opposites, other, other of itself, negativity, speculative dialectic

КАТРЕЧКО СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), доцент; Российский православный университет св. Иоанна Богослова (Москва, Россия), заведующий кафедрой

АБДУКЦИЯ КАК ДИАЛЕКТИКА (ПЛАТОН), РИТОРИКА (АРИСТОТЕЛЬ) И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ (КАНТ)*

Согласно Ч.Пирсу, существует три фундаментальных различных метода рассуждения: дедукция, индукция и абдукция (ретродукция). С одной стороны, абдукция как заключение к лучшему объяснению соответствует диалектике Платона, а с другой стороны может быть отождествлена с кантовской трансцендентальной аргументацией.

Ключевые слова: Диалектика, риторика, абдукция (Пирс), трансцендентальная аргументация (Кант)

Начнем с одного методологического замечания. Обратим внимание на то, что термины «диалектика» (διαλεκτική),

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00925А.

«риторика» (ῥητορικὴ) и другие в античной и последующей философской мысли получали разные, порой противоположные смыслы, что необходимо учитывать при экспликации соответствующей концепции того или иного мыслителя.

Так если для Платона диалектика (диалектическая способность) как собственный метод философии есть искусство, восходящее от предпосылок к беспредпосылочному началу (Платон, Государство, VI, 511: VII, 533: сравни с «первой философией» Аристотеля), а риторика — искусство убеждения/красноречия, то для Аристотеля *диалектическое рассуждение* (силлогизм) противостоит *доказывающему силлогизму* логики и сближается с *риторическим (вероятностным) силлогизмом*, в которому относится прежде всего индукция (дедукция vs. индукция).

В своих античных штудиях американский мыслитель и логик Ч. С. Пирс (1839–1914), опираясь на Аристотеля, выделяет еще одну, третью форму рассуждений, которую он именуется «гипотетическим рассуждением», или *абдукцией* (ретродукцией).

Точнее, Пирс выделяет три основных способа рассуждения, а именно *дедукцию* (называемую Аристотелем *συμπερασματικὴ* или *ἀναγωγή*), *индукцию* (аристотелевскую и платоновскую *ἐπαγωγή*) и *абдукцию* (аристотелевскую *ἀπαγωγή*). При этом он также выделяет рассуждения по *анalogии* (аристотелевскую *παράδειγμα*), которое комбинирует в себе черты индукции и абдукции (см.: Pierce “Lessons of the History of Science,” 1896, CP 1.65–69; см. также Аристотель, Первая Аналитика, кн.2, гл.23–25).

Пирс понимает абдукцию как обратную дедукцию, т.е. как (квази-)рассуждение, которое нацелено на поиск объясняющих гипотез (или оснований) для еще необъясненных фактов (наблюдений). При этом из возможного ряда подобных *гипотез*, нужно выбрать самую лучшую и экономную. Трактовка абдукции как «вывода к лучшему объяснению» (IBE) позволяет говорить о тесной связи пирсовской абдукции и платоновской диалектики.

Вместе с тем, диалектика Платона = абдукция Аристотеля–Пирса может быть отождествлена с трансцендентальной аргументацией Канта (resp. с кантовской метафизической и трансцендентальной дедукцией из «Критики чистого разума»). Трансцендентальный метод Канта как «измененный метод мышления» (КЧР, ВХVIII) связан с поиском и обоснованием априорных оснований апостериорного, т.е. выявлением трансцендентальных условий возможности опыта. По Канту, трансцендентальный метод как основной метод философствования используется также в науке и богословии. Круг замкнулся: Платон — Аристотель — Пирс — Кант.

SERGEY KATRECHKO, CSc in Philosophy, Associate Professor; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia), Associate Professor; Russian Orthodox University of St. John the Theologian (Moscow, Russia), Head of Department

**ABDUCTION AS A DIALECTIC (PLATO),
RHETORIC (ARISTOTLE), AND
TRANSCENDENTAL ARGUMENTS (KANT)***

According to Pierce, there are three fundamentally different kinds of reasoning: Deduction, Induction and Abduction (Retroduction). On the one hand, abduction as the “Inference to the Best Explanation” (IBE) corresponds to the dialectic of Plato, and on the other hand it can be identified with Kantian transcendental arguments.

Keywords: Dialectic, rhetoric, abduction (Pierce), transcendental arguments (Kant)

Let’s start my talk with a methodological remark and pay attention to the fact that the terms “dialectic” (διαλεκτική), “rhetoric” (ῥητορική), and others in ancient philosophical thought received

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19–011–00925A.

different, sometimes opposite meanings, which must be taken into account when we build the explication these concepts.

So if for Plato, *dialectic* (or dialectical method) as the vehicle of philosophy is a process of enquiry that does away with hypotheses up to the First Principle (*Republic*, VI 511; VII, 533 c-d; compare with Aristotle's "First Philosophy"), and the *rhetoric* is the art of persuasion, then for Aristotle the *dialectical reasoning* (syllogism) opposes the *proving (logic) syllogism* and It comes closer to the *rhetorical* (probable) syllogism, which includes *induction* (deduction vs. induction).

In his antique studies, the American thinker C.S. Peirce (1839-1914), relying on Aristotle, identifies the third form of reasoning — "hypothetical reasoning," or *abduction* (reproduction).

More specifically, Pierce distinguishes three fundamental modes of reasoning, namely *Deduction* (Aristotle's συναγωγή or ἀναγωγή), *Induction* (Aristotle's and Plato's ἐπαγωγή) and *Abduction* (Aristotle's ἀπαγωγή). With that he also emphasizes reasoning by *analogy* (Aristotle's παράδειγμα), which combines the characters of Induction and Abduction (Pierce, *Lessons of the History of Science* (1896), CP 1.65–69; Aristotle, *Prior Analytics*, II, 23–25).

Pierce understands the abduction as 'backwards deduction'. It starts with set of observations and then seeks to find the simplest and most likely explanatory hypotheses from the observations. The interpretation of abduction as "Inference to the Best Explanation" allows us to talk about the close connection between abduction (Pierce) and dialectic (Plato).

At the same time, the Plato dialectic and Aristotle–Pierce abduction can be identified with Kantian transcendental arguments (resp. metaphysical and transcendental deduction). Kant's transcendental method as "the altered method of our way of thinking" (CPR, BXVIII) is connected with the search and substantiation of the a priori bases of the posterior, i.e. the identification of transcendental conditions for the possibility of [possible] experience. According to Kant, the transcendental method as the main method of philosophizing is also used in science and theology. The circle is closed: Plato — Aristotle — Pierce — Kant.

НЕШИТОВ ПЁТР ЮРЬЕВИЧ, кандидат философских наук, доцент;
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
(Санкт-Петербург, Россия), доцент

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА, ИЛИ ХОЖДЕНИЕ ЗА РАЗОЧАРОВАНИЕМ

Платон, Августин и Декарт осмыслили свой социальный опыт с позиций истины. Каждый из них испытал разочарование по поводу общественного порядка, благодаря глубокому переживанию социальной драмы стал метафизиком, включил в свою теорию социальные смыслы.

Ключевые слова: Метафизика, социальный опыт, Платон, Августин, Декарт

Платон, Августин и Декарт создали образцовые метафизические учения. В этих учениях по-разному и с разной степенью полноты запечатлены обстоятельства, характерные для расцвета полисной демократии в Афинах, для упадка Римской империи, для становления национальных государств Европы.

Великодушный аристократ Платон, описывая условия, в которых разворачиваются диалоги, использует множество бытовых и психологических деталей и как бы приобщает читателя к беседе на правах друга, до поры хранящего молчание. Он считает необходимым и возможным для достойных людей улучшить общественный порядок, в том числе опосредованно, путем обсуждения этических и математических вопросов.

Епископ Августин стремится стать выше исторических событий и выше отношения к ним, принятого в среде растерянных и напуганных современников. Он не видит смысла совершенствовать общество, назначение которого состоит преимущественно в том, чтобы отвратительными примерами грубости и подлости пробуждать спасительные мысли о небесном граде.

В сочинениях Декарта социальная действительность едва намечена, поскольку научное размышление о ней грозило

привлечь к автору внимание инквизиции. Правила морали, установленные до того, как была найдена несомненная основа познания, и после не подвергавшиеся переработке, служили вольному мыслителю укрытием от недоброжелательных взглядов.

Все три автора осмыслили свой социальный опыт с позиций истины. Все трое считали этот опыт важным условием познания. У всех троих исследование общества построено как ознакомление с понятиями людей о себе и о мире.

С некоторыми отклонениями и перестановками Платон, Августин и Декарт проделали один социальный маршрут. Они не смогли найти в словах представителей разных сословий искомой истины. Каждый из них испытал разочарование по поводу общественных убеждений и порядков, пришел к необходимости их отстраненного осмысления, стал метафизиком благодаря глубокому переживанию социальной драмы.

PETER NESHITOV, CSc in Philosophy, Associate Professor;
St Petersburg State University for Telecommunications
(Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

METAPHYSICAL REFLECTION OF THE SOCIAL EXPERIENCE, OR A JOURNEY TO DISAPPOINTMENT

Plato, Augustine, and Descartes reflected their social experience from the position of truth. Each was disappointed by social order, became a metaphysic due to the deep feeling of social drama, and included in the theory social connotations.

Keywords: Metaphysics, social experience, Plato, Augustine, Descartes

Plato, Augustine, and Descartes created classical metaphysical teachings. In these teachings, we find, in different ways and with different measure of completeness, the circumstances typical for the flourishing democracy of the Athenian polis, for the decline of the Roman empire, and for the emerging national states of Europe.

A generous aristocrat, Plato uses many domestic and psychological details to describe the conditions in which his dialogues develop and seems to introduce the reader into the talk as a friend keeping silence for a time. He thinks it is possible and necessary for worthy men to try and make social order better, sometimes indirectly, through debate of ethical and mathematical issues.

A bishop, Augustine seeks to stay above historical events and above the attitude of his confused and feared contemporaries. He sees no sense in improving a society which primarily has to nurture thoughts of salvation and of the heavenly city by emphasizing disgusting examples of cruelty and baseness.

In the writings of Descartes, social reality is just outlined, because scientific consideration of the matter threatened to make him an object of the inquisition. The moral rules that had been formulated before discovering the doubtless principle of knowledge and were not revised later served as a shelter from the malevolent attention for a free thinker.

All three authors reflected their social experience from the position of truth. All three regarded this experience as an important condition of cognition. According to all three, studying of society implies observation of the notions that people have about themselves and the world around.

With some deviations and transpositions, Plato, Augustine, and Descartes walked the same social rout. They could not find the desired truth in conversation with representatives of different classes. Each was disappointed by social beliefs and order, enforced to deliberate on them from aside, and became a metaphysic due to the deep experience of social drama.

СЕКЦИЯ 9: «РИТОРИКА ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ»

ЗОЛОТУХИНА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА, кандидат филологических наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), доцент

ПЛАТОН КАК ВОДОХНОВИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКИХ РИТОРОВ XVII в.

В докладе рассматривается, как Платон и его наследие повлияли на развитие риторики во Франции XVII в. Это время часто называется «веком красноречия»: встраивается ли в нее фигура Платона? Внимание будет сосредоточено на трактате Ф. де ла Мота, специально посвященном Платону (*De la lecture de Platon et de son éloquence*, 1669 г.). Из обстоятельств написания этого трактата и его содержания видно, что Платон для французских интеллектуалов 2-ой половины XVII в. — далеко не старомодный автор, ограниченный рамками «возвышенного» стиля — хотя и этот аспект, разумеется, играет важную роль в учебниках риторики того времени.

Ключевые слова: Платон, риторика, Франция, XVII век, Франсуа де ла Мотт, возвышенный стиль, диалог

ANASTASIA ZOLOTUKHINA, CSc in Philology;
Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russia), Senior Lecturer

PLATO AS AN INSPIRER OF THE 17TH CENTURY FRENCH RHETORICIANS

The purpose of this talk is to show how Plato and his texts inspired the evolution of rhetoric in 17th century France. Special attention is drawn to a small treatise by Fr. de la

Mothe, De la lecture de Platon et de son éloquence (1669). The circumstances of appearance of this text and its content prove that for the intellectuals of the time Plato was not an old-fashioned author, limited to the role of a model in 'style sublime' — although it keeps appearing in the rhetoric textbooks of the époque.

Keywords: Plato, rhetoric, France, 17th century, François de la Mothe, style sublime, dialogue

МАРЧУКОВА СВЕТЛАНА МАРКОВНА, доктор педагогических наук; Исследовательский педагогический центр им. Я. А. Коменского Немецкой гимназии «Петершуле» (Санкт-Петербург, Россия), проректор

О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НЕОПЛАТОНИЗМА В НАСЛЕДИИ Я. А. КОМЕНСКОГО (1592 — 1670)*

Педагогический аспект неоплатонизма Коменского выражен в размышлениях автора об идеях, прежде всего — об идее пансофии. «Идея — смысловая сущность вещи», «все, что только ни совершается, осуществляется сообразно идеям», «идея есть определенный план или разум вещи» — пишет он в «Предвестнике всеобщей мудрости» («Pansophiae prodromus»). Много внимания уделяет Коменский идее блага и идее порядка. «Платон говорит, Бог есть высшее благо, превыше всякой субстанции и всякой природы, к нему стремится всё», «Порядок — душа вещей <...> все зависит от универсального порядка» — утверждает он в «Великой дидактике» («Opera Didactica Omnia») и далее требует писать книги преимущественно в форме диалогов, поскольку «таким образом излагал свою философию Платон». В учении Платона представление о софии дополнено идеей пайдейи. Их связь отражает педагогическую направленность его философии. Спустя две тысячи лет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00940/19 «Эвристический потенциал философско-образовательного проекта Я. А. Коменского».

это найдет отражение во взаимосвязи «Пансофии» и «Пампедии» — третьей и четвертой частей фундаментального сочинения Коменского «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» («De rerum humanarum emendatione consultatio catholica»). К «эпистеме» Платона восходит представление Коменского о центральной, «эпистемической» ступени к «истинному», пансофическому знанию. Выделяя основные педагогические формации (катехизическую, эпистемологическую и инструментальную или технологическую), П. Г. Щедровицкий связывает становление второй (эпистемологической) с педагогическим наследием Коменского. Коменский упоминает Платона в числе писателей-язычников, труды которых можно рекомендовать для воспитания христиан. К его сочинениям восходят многие метафоры и образы Коменского.

Ключевые слова: Коменский, неоплатонизм, Платон, педагогика, софия

SVETLANA MARCHUKOVA, DSc in Pedagogy; Research
Pedagogical Centre J. A. Comenius German gymnasium
“Peterschule” (Saint Petersburg, Russia), prorector

ON THE PEDAGOGICAL ASPECTS OF NEOPLATONISM IN THE LEGACY OF Y. A. COMENIUS (1592 — 1670)*

The pedagogical aspect of Comenius' neoplatonism is expressed in the author's reflections on ideas, first of all, on the idea of pansophia. “An idea is the semantic essence of a thing,” “everything that is just being accomplished is carried out in accordance with ideas,” “an idea is a certain plan or mind of a thing,” he writes in the “Harbinger of universal wisdom” («Pansophiae prodromus»). Comenius pays much attention to the idea of good and the idea of order. “Plato says that God is the highest good, above all substance and all nature, everything aspires to him,” “Order is the soul of

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-013-00940/19 “Heuristic potential of the philosophical and educational project of Ian Amos Komensky.”

things <...> everything depends on the universal order” — he states in the «Great Didactic» («Opera Didactica Omnia») and further requires writing books mainly in the form of dialogues, because “Plato set forth his philosophy in this way.” In the teachings of Plato, the idea of sophia is supplemented by the idea of paideia. Their connection reflects the pedagogical orientation of his philosophy. Two thousand years later, this will be reflected in the relationship between “Pansophia” and “Pampedia” — the third and fourth parts of Comenius’s fundamental work “The General Council on the Correction of Human Affairs” («De rerum humanarum emendatione consultatio catholica»). To Plato’s “episteme,” Comenius’s idea of a central, “epistemic” step to the “true,” pansophic knowledge rises. Highlighting the main pedagogical formations (catechetical, epistemological and instrumental or technological), P.G. Shchedrovitsky connects the formation of the second (epistemological) with the pedagogical heritage of Comenius. Comenius mentions Plato among pagan writers whose works can be recommended for the education of Christians. Many of the metaphors and images of Comenius go back to his works.

Keywords: Comenius, Neoplatonism, Plato, paedagogics, sophia

Гурьянов Илья Геннадьевич, кандидат философских наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), старший преподаватель

Влияние философии Фичино на понимание природы в раннее Новое время*

В последние десятилетия произошла качественная переоценка интереса неоплатонической традиции к натурфилософии. В докладе будет представлено, каким

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00075: «Неизвестные в России страницы научного наследия Яна Амоса Коменского: стратегии, тексты, исследование».

образом флорентийский философ-неоплатоник Марсилио Фичино посредством своей комментаторской работы с ее наследием повлиял на понимание природы в раннее Новое время.

Ключевые слова: Фичино, эпоха Возрождения, Плотин, природа, рецепция платонизма

ILYA GURYANOV, CSc in Philosophy; National
Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia), Senior Lecturer

FICINO'S INFLUENCE ON EARLY MODERN CONCEPTS OF NATURE

In recent decades, there was a surge of interest towards Neoplatonic naturalphilosophy. This paper examines Ficino's influence on Early Modern concepts of nature through his commentary on the Neoplatonic philosophers.

Keywords: Ficino, Renaissance, Plotinus, concepts of nature, reception of Platonism

ГОГЛЕВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ПОЛЕМИКА О СТАТУСЕ ИДЕЙ В ФИЛОСОФИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Философия Нового времени часто представляется ареной для нарастающего противостояния рационализма и эмпиризма. Одним из принципиальных моментов можно считать спор о природе идей. Текст этого доклада посвящен вопросу об идеях в трудах родоначальников Новой философии: Рене Декарта и Френсиса Бэкона; за видимостью полемики усматривается единство принципа и философского намерения.

Ключевые слова: Декарт, Бэкон, идеи, эмпиризм, метафизика

Бэкон в «Новом органоне» настаивает на том, что только правильно выстроенный и организованный опыт является источником истинного постижения природы. Только посредством методологически вооруженного опытного познания человек оказывается в состоянии приблизиться к запечатленным в природе божественным идеям, которые суть «действительно, знаки создателя на созданиях, запечатленные и определенные в материи посредством истинных и отменных черт» [1, с. 187]. Опытом познается истина природы, которая и является воплощением божественного замысла. Условно можно было бы обозначить этот путь развития познания «от опыта к божественной истине». Однако направленность на осмысление опытного знания не чужда и метафизикам.

Хотя для Декарта первыми и несомненными истинами выступают врожденная нам идея абсолютного бога и очевидность собственного мышления, а не чувственный опыт. Только ясное и отчетливое знание бога, достигаемое посредством умозрения, становится первым и необходимым шагом на пути к истинному истолкованию опытного знания, к его философскому осмыслению. Этот путь развития познания можно было бы условно обозначить «от божественной истины к опыту». Видимость непримиримости этих течений основывается на различном представлении о начале философского познания и его цели. Именно в этой оптике нами и будет рассмотрено соотношение различного определения идей в философских учениях классиков.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии / Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1994. — С. 3–73.

EKATERINA GOGLEVA, Herzen State Pedagogical University
of Russia (St.-Petersburg, Russia), Postgraduate

DISPUTES OVER THE STATUS OF “IDEAS” IN EARLY MODERN PHILOSOPHY

Early modern philosophy often presented as an arena for the confrontation between empiricism and rationalism. One of the most important questions that time was the question about the ideas' nature. This text is dedicated to the ideas' problem in Descartes and Bacon's conceptions. Our report attempts to identify the inner unity of these approaches.

Keywords: Descartes, Bacon, ideas, empiricism, metaphysics

СЕМИКОЛЕННЫХ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, кандидат культурологии; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

РЕПЛИКА НИККОЛО ПЕРОТТИ В СПОРЕ ПЛАТОНИКОВ И АРИСТОТЕЛИКОВ: *REFUTATIO DELIRAMENTORUM GEORGII TRAPEZUNTII CRETENSIS**

Небольшое сочинение Никколо Перотти *Refutatio deliramentorum Georgii Trapezuntii Cretensis* было написано на следующий год после публикации трактата Виссариона Никейского *In calumniatorem Platonis* и стало прямым ответом «противнику» Виссариона, Георгию Трапезундскому, который сразу же после публикации *In calumniatorem Platonis* составил к нему «Примечания» (*Annotationes*), в которых изобличал самого Виссариона в клевете и ереси. Таким образом, в *Refutatio* Перотти защищает своего патрона; делает он это, однако, не столько разбирая доводы Георгия, сколько выдвигая встречные обвинения: в невежестве,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669 «Риторические стратегии в истории византийской литературы».

безумии и ереси. Хотя существенная часть *Refutatio* посвящена разбору *Annotationes*, Перотти обращается также к *Comparatio philosophorum Aristotelis and Platonis* и — что особенно важно в свете выдвинутых против Георгия Трапезундского обвинений в измене, — к письмам Георгия, адресованным Мехмеду II. И если в *In calumniatorem Platonis*, по всей видимости, сознательно игнорируются наиболее «злостные» упрёки Георгия в адрес Платона и платоников (обвинение в том, что их учение привело к падению Византии под натиском турок и может привести к гибели весь христианский мир), то Перотти не только уделяет самое пристальное внимание их опровержению, но и пользуется системой эсхатологических образов, сходной с той, что появляется в *Comparatio* Георгия Трапезундского.

Ключевые слова: Георгий Трапезундский, Виссарион Никейский, Никколо Перотти, Платон, риторика

MARIA SEMIKOLENNYKH, CSc in Culturology;
Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Researcher

**NICCOLO PEROTTI'S CONTRIBUTION TO THE
PLATO-ARISTOTELIAN CONTROVERSY: *REFUTATIO
DELIRAMENTORUM GEORGII TRAPEZUNTII CRETENSIS****

Niccolo Perotti's short treatise *Refutatio deliramentorum Georgii Trapezuntii Cretensis* was written soon after the publication of Bessarion's *In calumniatorem Platonis*. It was a direct response to Bessarion's *adversarius*, George of Trebizond, who (immediately after the *ICP* was published) wrote his *Annotationes*, criticizing Bessarion and accusing him of slander and heresy. Thus, in *Refutatio* Perotti defended his patron; however, he did it not so much by examining George's arguments as by making counter-accusations of ignorance, insanity, and impiety. Although the substantial

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-011-00669 "Rhetorical Strategies in the History of Byzantine Literature."

part of *Refutatio* is devoted to the analysis of *Annotationes*, Perotti also referred to the *Comparatio philosophorum Aristotelis and Platonis* and several George's letters addressed to Mehmed II (which was especially important as George of Trebizond was officially charged with treason). And while *ICP*, apparently, deliberately ignored George's most "sensational" accusations against Plato and the Platonists (the claim that their teaching had led to the downfall of Byzantium and could ruin the whole Christendom), Perotti not only paid close attention to their refutation but also uses a system of eschatological images, rather similar to the one George had created in the *Comparatio*.

Keywords: George of Trebizond, Basilios Bessarion, Niccolo Perotti, Plato, rhetoric

СЛОЖЕНИКИН ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), студент

ОТ ХОРА ПЛАТОНА — ЧЕРЕЗ ТОПОС АРИСТОТЕЛЯ — К *SFUMATO* ЛЕОНАРДО

В дошедших до нас записях Леонардо да Винчи содержатся его глубокие размышления над природой границ между различными физическими телами и окружающим, объемлющим их пространством. Исследователи заметили, что эти записи напоминают штудии соответствующих пассажей из аристотелевской «Физики», Книги четвёртой (Δ), где философ рассматривает вопрос о том, что есть *место* (τόπος) нахождения физического тела. Аристотель вводит два вида понятия *границы*: первое — это ограничивающая и формирующая тело поверхность, второе — граница места, объемлющего данное тело, которая повторяет форму тела. О пространстве между этими границами он говорит как о не имеющем протяженности, никак далее этот момент не развивая. Перед художником Леонардо да Винчи стояла практическая задача заполнить всё пространство холста, в том числе и межграничное, не имеющее протяженности. Его решением этого вопроса стал приём *sfumato*, в котором

переход между светом и тенью выполняется «без черты или края, как дым», подчеркивая этим отсутствие границ у наблюдаемых объектов. Введя в «текст» живописного полотна неопределенность принадлежности межграницья, Леонардо нашёл своего рода художественный эквивалент такому сложному понятию, как *хора* (χώρα), о которой Платон говорит в своём «Тимее» как о некоем третьем виде, который не принадлежит ни миру идей, ни миру материи.

Ключевые слова: Леонардо да Винчи, *сфумато*, Аристотель, *место*, граница, Платон, *хора*, «Тимей»

Леонардо да Винчи, работая над техническими моментами изображения объектов и сред окружающего мира, пришёл к определяющему значению светотени. Он полагал, что переход между светом и тенью в живописном произведении должен быть «без черты или края, как дым», подчеркивая этим отсутствие границ у наблюдаемых объектов. Данный приём он назвал *sfumato*, что значит «исчезающий как дым». В основе этого художественного решения лежали не только наблюдения Леонардо за восприятием тел в световоздушной среде, но также его размышления о природе границы и даже о том, прерывен или нет физический континуум. И хотя у нас не имеется точных свидетельств о том, что Леонардо да Винчи был знаком с работами Аристотеля, дошедшие до нас записи рассуждений Леонардо можно смело назвать штудиями «Физиики», Книги четвёртой (Δ), где Аристотель рассматривает вопрос о том, что есть место (τόπος) нахождения физического тела.

Размышления Леонардо направлены на идею границы тела и места, т.е. объемлющего это тело пространства. Аристотель решает эту задачу тем, что вводит две границы. Одна принадлежит форме, ограничивающей данное тело, и вторая — месту, объемлющему данное тело, которое повторяет формообразующую внешнюю поверхность тела. А о пространстве между этими границами Аристотель говорит, что оно не имеет протяженности. Леонардо же, как художнику, было принципиально важно определить, чем — практически — на холсте заполнить это пространство *межграницья*.

Найденное им техническое решение не показывать это пространство, скрыв его за дымкой, было столь же остроумным, сколь и революционным для развития живописи. Более того, *sfumato* можно назвать своего рода визуальным эквивалентом такому философскому понятию, как *khora* (χώρα), о которой Платон говорит в своём «Тимее» как о некоем третьем виде, который не принадлежит ни миру идей, ни миру материи.

EVGENIY SLOZHENIKIN, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

FROM PLATO'S *ΧΩΡΑ* THROUGH ARISTOTLE'S *ΤΟΠΟΣ* TO *SFUMATO* OF LEONARDO

Leonardo da Vinci's writings that have reached us contain his deep thoughts on the nature of the boundaries between various physical bodies and the surrounding space. Researchers have noticed that these records resemble the studies of the corresponding passages from Aristotelian Physics, Book Four (Δ), where the philosopher considers the question of what is the *place* (τόπος) of the physical body. Aristotle introduces two types of the concept of boundary: the first is the surface bounding and forming the body, the second is the boundary of the place enclosing the given body and repeats the form of this body. He speaks of the space between these boundaries as having no extension, without further developing this moment. The painter Leonardo da Vinci had the practical task of filling the entire space of the canvas, including between boundaries of bodies and environments. His solution to this issue was the *sfumato* technique, in which the transition between light and shadow is performed "without a dash or edge, like smoke," emphasizing the absence of boundaries in the observed objects. Introducing the uncertainty of the borderland into the "text" of the painting work, Leonardo found a kind of visual equivalent to such a complex concept as the *khora* (χώρα), which Plato speaks in his *Timaeus* as a third form that belongs neither to the world of ideas, nor to the world of matter.

Keywords: Leonardo da Vinci, *sfumato*, Aristotle, *place*, boundary, Plato, *khora*, Timaeus

Leonardo da Vinci, working on the technical aspects painting of objects and environments of the world, came to the decisive value of chiaroscuro. He believed that the transition between light and shadow in a painting should be “without a dash or edge, like a smoke,” emphasizing the absence of boundaries in the observed objects. He called this technique *sfumato*, which means “disappearing like a smoke.” This practical solution was based not only on Leonardo’s observations of the perception of bodies in a light-air environment, but also on his thoughts on the nature of the boundary and even on whether or not the physical continuum is interrupted. And although we do not have accurate evidence that Leonardo da Vinci read Aristotle’s writings, we can safely call Leonardo’s reasoning books the abstracts from Physics, Book Four (Δ), where Aristotle meditates the question of what is the place (τόπος) in where a physical body is located.

Leonardo’s thoughts are aimed at the idea of the boundary of the body and place, i.e. the space enclosing this body. Aristotle solves this problem by introducing two boundaries. One belongs to the form limiting the given body, and the second — to the place enclosing the given body, which repeats its shape-forming external surface. And about the space between these boundaries, Aristotle says that it does not have a extension. For Leonardo, as an painter, it was fundamentally important to find out how to fill this space between boundaries on canvas. The technical solution he found not to show this space, hiding it behind a haze, was as witty as it was revolutionary for the development of painting. Moreover, *sfumato* can be called a kind of visual equivalent to such a philosophical concept as the *khora* (χώρα), which Plato speaks of in his Timaeus as a third kind that does not belong to the world of ideas or the world of matter.

СЕКЦИЯ 10: «РИТОРИКА И ПЛАТОНИЗМ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ»

ЛИТВИН ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), декан

О ПОРЯДКЕ ДУШИ: РИТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В КОСМОЛОГИЯХ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ*

С философской точки зрения не всегда очевидно, что космология должна быть шаблоном для этики. Однако для религиозного сознания переход из онтологической плоскости в этическую довольно традиционен, это обстоятельство невозможно игнорировать в случае с мировоззрением первых веков. Поэтому, несмотря на различие в понимании платоновского Демиурга и (иудо)христианского Творца, можно выстроить вопрос о происхождении понятия исторического времени следующим образом: как возникла метафора вечности, консолидирующая политическую иерархию? Как в политико-правовом поле произошло понимание линейности исторического процесса и какие этические выводы следуют из неопределенности эсхатологических сроков?

Ключевые слова: Августин, Плотин, философия времени, Бергсон, Гуссерль, нарратив

Следуя античной традиции, мы не разделяем философию и филологию мысли, памятуя о том, что герменевтика текста одновременно становится герменевтикой мышления, более того, логика мифа и своего рода грамматика образности остается двумя естественными сторонами одного и того же движения познания. В терминах современной философии языка, разделение на означаемое и означающее естественно,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00610.

как на уровне семантики, так и синтактики, то есть смысловой строй образуется через необходимую двойственность (диалектичность) каждого, можно даже сказать, любого элемента.

Вечность становится политической метафорой, когда Августин пишет о двух Градах — небесном и земном. Если критика политеистических религий строится в его сочинении в форме апологетики, то разъяснение политических идей Августин в одиннадцатой главе «О Граде Божиим» он осуществляет христоцентрично. Подняться до понимания вечности как земного установления можно только через персонификацию — Дух сотворил, пророк написал, Мудрость присутствовала при сотворении, Писание передано через Иисуса Христа. Опираясь в политических вопросах на авторитет Амвросия, Августин продолжает традицию александрийской аллегорезы, более значимую для латинизации Библии в толковании Шестоднева, чем римская риторика. Именно герменевтика медиаплатонизма, наряду с неоплатонизмом, послужили основой его политико-правовой мысли и ее разъяснением, несмотря на кажущуюся естественной преемственность римской юриспруденции для римско-католической Церкви.

При всей органичности феноменологической интерпретации позднеантичных нарративов, еще более продуктивно рассмотреть их через призму философии Бергсона. В отличие от Гуссерля, который анализирует темпоральность сознания с целью построить тип рефлексии, Бергсон пишет о пространственно-временном континууме во всех его свойствах. Такая целенаправленность, можно сказать, дополняет феноменологию Гуссерля, кроме того, авторы сходятся в принципиальном вопросе первичности внутреннего, субъективного времени, то есть первичности темпоральности сознания. Бергсон описывает потребность сознания измерить движение — измерить чистую подвижность — как развертывание длительности. Длительность — это сама жизнь сознания, его история, все, что мы знаем о его движениях и событиях. Таким образом, феноменологическая интерпретация позднеантичных учений о соотношении времени и вечности приводит нас к особому смыслу памяти.

TATIANA LITVIN, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Dean of Faculty

ON THE ORDER OF THE SOUL: A RHETORICAL NARRATIVE IN THE COSMOLOGIES OF LATE ANTIQUITY*

From a philosophical point of view, it is not always obvious that cosmology should be a template for ethics. However, for religious consciousness, the transition from the ontological plane to the ethical is quite traditional, this fact cannot be ignored in the case of the worldview of the first centuries. Therefore, despite the difference in understanding of the Platonic Demiurge and the (Judeo) Christian Creator, one can construct the question of the origin of the concept of historical time as follows: how did the metaphor of eternity consolidate the political hierarchy? How did the political-legal field understand the linearity of the historical process and what ethical conclusions follow from the uncertainty of eschatological terms?

Keywords: Augustine, Plotinus, philosophy of time, Bergson, Husserl, narrative

Following the ancient tradition, we do not share the philosophy and philology of thought, bearing in mind that the hermeneutics of the text simultaneously becomes the hermeneutics of thinking, moreover, the logic of myth and a kind of grammar of figurativeness remain two natural sides of the same cognitive movement. In terms of modern philosophy of language, the division into the signified and the signifier is natural, both at the level of semantics and syntactics, that is, the semantic system is formed through the necessary duality (dialectic) of each, one might even say, any element.

If the criticism of polytheistic religions is built in his work in the form of apologetics, then he carries out Christocentric explanation of Augustine's political ideas in the eleventh chapter "On the City of God." It is possible to rise to the understanding of eternity

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00610.

as an earthly establishment only through personification — the Spirit created, the prophet wrote, Wisdom was present at creation, Scripture was transmitted through Jesus Christ. Relying on the political authority of Ambrose, Augustine continues the tradition of Alexandrian allegoreza, more significant for the Latinization of the Bible in the interpretation of Shestodnev than Roman rhetoric. It was the hermeneutics of media Platonism, along with Neoplatonism, that served as the basis for its political and legal thought and its explanation, despite the seemingly natural continuity of Roman jurisprudence for the Roman Catholic Church.

Despite the organic nature of the phenomenological interpretation of the Late Antique narratives, it is even more productive to consider them through the prism of Bergson's philosophy. In contrast to Husserl, who analyzes the temporality of consciousness in order to build a type of reflection, Bergson writes about the space-time continuum in all its properties. Such purposefulness can be said to complement Husserl's phenomenology, in addition, the authors agree on the fundamental issue of the primacy of internal, subjective time, that is, the primacy of temporal consciousness. Thus, the phenomenological interpretation of the Late Antique teachings on the relationship of time and eternity leads us to a special meaning of memory.

СТЕПАНОВА АННА СЕРГЕЕВНА, доктор философских наук, доцент;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор

**ОБРАЗ РИТОРИКИ В ЭЛЛИНИЗМЕ
И ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ (СТОИКИ.
СКЕПТИКИ. СРЕДНЯЯ АКАДЕМИЯ)***

Доклад посвящен описанию особенностей образа риторики начиная от эпохи эллинизма к эпохе поздней античности. Рассматриваются определения риторики, дававшиеся стоиками и скептиками. Анализируются

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349/19 «Скептическая традиция в античном платонизме».

характеристики этих определений со стороны Цицерона, Квинтилиана. Кроме того, освещается позиция скептиков, отразившаяся в их критических замечаниях в адрес стоиков и Карнеада. Отмечается факт формализации общего подхода к риторике со стороны Хрисиппа, а также парадоксальное сходство взглядов стоиков и скептиков в отрицании научного содержания риторики.

Ключевые слова: диалектика, риторика, скептики, стоики, эллинизм, Карнеад, Средняя Академия, Цицерон

Исследуются особенности образа риторики в эллинистический период и в эпоху поздней античности; в поле зрения — позиции стоиков, скептиков, академиков. Стоик Зенон, согласно Сексту Эмпирику, сопоставляя диалектику с риторикой, отмечал ее краткость по сравнению с широтой, то есть, нестрогостью риторики. Стоики отмечали существование двух видов речевого выражения, что позже отмечал Квинтилиан. Помимо общего требования краткости высказываний, проистекающего из принципов их формальной логики, стоики решали проблему передачи смысла: один и тот же смысл в рамках логики и диалектики передается по-разному. Вероятно поэтому, согласно Цицерону и Квинтилиану, многие стоики могли считать риторику искусством. Вместе с тем Хрисипп, введя формальное требование правильности речи и определяя риторику как «знание того, как правильно говорить», подспудно превращал ее в науку. При этом науку — знание в полном смысле слова Хрисипп трактовал как обладание неколебимыми постижениями. Неотъемлемой чертой диалектического (научного) знания является объяснение.

Скептики в своей критике риторики исходили из собственного им фундаментального положения о том, что доказательство не является необходимой функцией мысли — в проекции их идеи о невозможности строгого мышления как такового. В этом пункте они объективно солидаризировались со стоиками, отрицавшими научное содержание риторики. Скептики последовательно доказывают не существование риторики то есть, отрицают ее статус как науки. Более того,

и это отличает их подход от стоического, построение хорошей речи не является прерогативой риторики. Впрочем, риторика признается наукой, когда она разрабатывает «полезную речь» (Секст Эмпирик М. 2. 49.4). Важно, что в своей критике оппонентов, прежде всего, Карнеада, апеллирующего к критерию «вероятности», скептики использовали понятия «смысла» и «понимания» (Секст Эмпирик М. 1.320.1-3; 2. 63). В Средней Академии произошел поворот от тезиса о невозможности доказательства в сторону критерия «ясности».

ANNA STEPANOVA, DSc in Philosophy, Associate Professor;
Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia), Professor

IMAGE OF RHETORIC IN HELLENISM AND LATE ANTIQUITY (STOICS, SCEPTICS AND MIDDLE ACADEMY)*

The report describes the characteristics of the image of rhetoric from the Hellenism to the late Antiquity. Definitions of rhetoric given by stoic and sceptics are considered. The characteristics of these definitions by Cicero and Quintilian are analyzed. The position of the sceptics, reflected in their criticism of stoics and Carnead, is also highlighted. There is a fact of formalization of the general approach to rhetoric on the part of Chrysipp, as well as the paradoxical similarity of views of stoics and sceptics in the denial of the scientific content of rhetoric.

Keywords: dialectic, rhetoric, sceptics, stoics, Carnead, Cicero, Hellenism, Middle Academy

The report examines the features of the image of rhetoric in the period of Hellenism and late Antiquity on the example of the teachings of stoics, sceptics, adherents of the Middle Academy. The article notes the similarity of the ideas of many stoics and sceptics who did not consider rhetoric to be a science. As Sext Empiric reports, stoic Zenon compared dialectic with rhetoric and noted

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00349/19 “The skeptical tradition in ancient Platonism.”

its brevity compared to the breadth, that is, the lack of construction of rhetoric. Based on the general requirement for brevity of statements derived from the principles of their formal logic, stoics solved the problem of meaning transfer. Thus, they believed that the same meaning within the framework of logic and dialectic is transmitted in different ways. That's probably why, according to Cicero and Quintilian, many stoics could consider rhetoric an art. It is noted that Chrysipp, who introduced a formal requirement of correct speech, turned rhetoric into science. At the same time, building a good speech, as sceptics considered as opposed to stoics, is not the distinctive feature of rhetoric. Sceptics agreed to recognize the rhetoric as science based on the notion of use. In the Middle Academy, the thesis that proof was impossible was replaced by the criterion of "clarity."

БОГОМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия), доцент

**УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О НЕБЫТИИ:
К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ**

Доклад посвящен проблеме негативности в философии Платона. Особое внимание уделяется проблеме истока платоновской апофатики. Обращение к ничто связано с контекстом диалогов. В докладе обосновывается положение, согласно которому апофатическая проблематика диалогов «Софист» и «Парменид» имеет своим основанием рецепцию учений досократиков о небытии.

Ключевые слова: небытие, Платон, негативность, «Софист», «Парменид»

Апофатическая проблематика в платоновской философии все чаще становится предметом интереса исследователей. Тематика негативности в философии Платона многоаспектна

и включает в себя несколько вопросов. Выделим два таких момента.

Во-первых, апофатическая проблематика представлена в нескольких диалогах Платона. Среди таковых можно выделить «Пир», «Тимей», «Софист», «Парменид», «Теэтет». И даже если иметь ввиду только указанные произведения, то можно увидеть, что в этих текстах наличествуют разные контексты обращения к апофазису. В «Тимее» это, прежде всего, «хора» со всеми ее характеристиками и указанием на то, что это «почти ничто». В «Пире» (205 с), в частности, «небытие» упоминается в контексте указания на то, что творчество — это переход из небытия в бытие. В «Софисте» небытие выступает в качестве одного из высших родов, причем небытие предстает как иное. В «Пармениде» апофатический контекст присутствует в известных гипотезах. Также можно говорить об апофазисе в платоновской мысли с учетом его генологии. Различные контексты обращения к ничто обуславливают вопрос о возможности говорить о некоем едином понимании негативности в философии Платона. Мы полагаем, что эта проблема в платоноведении еще ждет своего исследователя. В настоящий же момент мы все-таки можем говорить об апофатике у Платона, исходя из контекста того или иного диалога.

Во-вторых, апофатическая проблематика берет свое начало в рамках досократической философии. И реконструкция учений досократиков показывает, что в учениях ранних греческих философов представлены разнообразные концепции понимания апофатического. Тематика апофазиса в некоторых диалогах Платона имеет своим основанием рецепцию досократической мысли. Данное положение, по нашему убеждению, не стоит воспринимать как указание на очевидное. Конечно, к примеру, в «Софисте» Платон обращается к вопросу о небытии в онтологии Парменида. Однако, в том же «Софисте» вопрошания об апофазисе досократиков находят и иное выражение. Подобное же мы можем сказать и о диалоге «Парменид».

ALEXEY BOGOMOLOV, CSc in Philosophy; Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University — Minin University (Nizhny Novgorod, Russia), Associate Professor

**PLATO'S DOCTRINE OF NON-BEING. ON THE
PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS**

The report is devoted to the problem of negativity in Plato's philosophy. Special attention is paid to the problem of the origin of Plato's apophatic. Appeal to nothingness is related to the context of the dialogues. The report substantiates the position that the apophatic problem of the dialogues "Sophist" and "Parmenides" is based on the adoption of the teachings of pre-Socratics about non-being.

Keywords: non-being, Plato, negativity, the *Sophist*, the *Parmenides*

The apophatic problematic in Plato's philosophy are increasingly becoming a subject of interest to researchers. The subject of negativity in Plato's philosophy is multidimensional and includes several questions. We tend to highlight two such points.

Firstly, the apophatic problem is presented in several of Plato's dialogues. Among them one can select the «Symposium», «Timaeus», «Sophist», «Parmenides», «Theaetetus». And even if we keep in mind only these works, we can see that in these texts there are different contexts for referring to the apophasis. In the «Timaeus» it is a «chora» with all its characteristics and an indication that it is «almost nothing». In the «Symposium» (205 c) «non-being» is mentioned in the context of indicating that creativity is a transition from non-existence to being. In the «Sophist», non-being appears as one of the higher genera, and non-being appears as something else. In Parmenides, the apophatic context is present in known hypotheses. We can also talk about apophasis in Platonic thought, taking into account its henology. The various contexts in which we refer to nothing raise the question of whether we can speak of a single understanding of negativity in Plato's philosophy. We believe that this problem in Platonic studies is still waiting for

its researcher. At the present moment, we can still talk about Plato's apophaticism, based on the context of a particular dialogue.

Secondly, apophatic problematic originates in the framework of pre-Socratic philosophy. The reconstruction of the pre-Socratic teachings shows that the teachings of the early Greek philosophers present a variety of concepts for understanding the apophatic. We believe that the theme of apophasis in some of Plato's dialogues is based on the adoption of pre-Socratic thought. This provision, in our opinion, should not be taken as an indication of the obvious. Of course, for example, in the Sophist, Plato addresses the question of non-being in the ontology of Parmenides. However, in the same "Sophist" questions about the apophasis of the pre-Socratic's find a different expression. We can say the same about the «Parmenides» dialogue.

ВАРЛАМОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Институт философии РАН (Москва, Россия), ассоциированный научный сотрудник

ДУША КАК ФОРМА ТЕЛА У АЛЕКСАНДРА АФРОДИСИЙСКОГО*

В этом докладе я буду говорить о проблеме единства органического сущего у Александра Афродисийского, которая в первую очередь понимается как проблема соотношения души и тела. Аристотель определяет душу как форму и первую энтелехию органического тела, обладающего жизнью в возможности, однако это определение дает свободу для интерпретаций, и комментаторы Аристотеля понимают его различным образом. Я рассмотрю представление Александра

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00094 «Проблема соотношения разума, души и тела в позднеантичных комментариях на Аристотеля».

о соотношении души и тела и его утверждение, что душа есть $\delta\upsilon\upsilon\alpha\iota\varsigma$ и $\xi\acute{\xi}\iota\varsigma$. В качестве источников для данного доклада используются трактаты Александра «О душе» и «Вопросы и решения», а также комментарий Александра на «Метафизику».

Ключевые слова: Александр Афродисийский, Аристотель, душа, форма, $\delta\upsilon\upsilon\alpha\iota\varsigma$, природа, жизнь, организм

В этом докладе я буду говорить о проблеме единства органического существа у Александра Афродисийского, которая в первую очередь понимается как проблема соотношения души и тела. Аристотель определяет душу как форму и первую энтелехию органического тела, обладающего жизнью в возможности, однако это определение дает свободу для интерпретаций, и комментаторы Аристотеля понимают его различным образом. В докладе я разберу представление Александра о душе как первой энтелехии в трех ракурсах: 1) проблема не-унивокации определения души по отношению к различным душам, 2) проблема соотношения души и природы как начал единства и движения природного тела, 3) представление Александра о соотношении души и органического тела. Разбор вопроса о единстве определения души приводит Александра к пониманию соотношения различных душ как не-унивокального множества, которое упорядочено через отношение первого к последующему. Лестница форм одушевленного тела, которая описывается как порядок различных душ, у Александра становится частью общей лестницы природных форм, то есть форм природных тел, которые распределяются в порядке от наименее совершенного (элементы) к наиболее совершенному (человек). Природа, которая определяется как начало движения в теле самом по себе и не по соупутствию, оказывается общим горизонтом, в рамках которого возможен порядок природных форм, в рамках которого различные души понимаются как природные формы, которые находятся в пропорциональном соотношении как друг с другом, так и с формой простых тел. В рамках этого порядка я предлагаю рассмотреть соотношение тела, которое Александр понимает

как смесь (в первую очередь — смесь простых тел), и души как формы, которая превосходит эту смесь, структурирует ее как органическое тело и является тем началом, благодаря которому одушевленное тело может совершать различные движения, сумма которых понимается как растительная или животная жизнь. Именно в связи с неотделимостью души от тела Александр определяет душу, то есть первую энтелехию органического тела, как $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ и $\xi\xi\iota\varsigma$: тело имеет душу как $\xi\xi\iota\varsigma$, превосходящий телесную смесь, а душа, благодаря тому, что она является формой в материи ($\tau\acute{o}$ $\xi\nu\upsilon\lambda\omicron\nu$ $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$) становится набором способностей ($\delta\upsilon\nu\alpha\mu\epsilon\iota\varsigma$) и началом движения одушевленного. В качестве источников для данного доклада используются трактаты Александра «О душе» и «Вопросы и решения», а также комментарий Александра на «Метафизику».

MARIA VARLAMOVA, CSc in Philosophy; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russia), Research Fellow; RAS Institute of Philosophy (Moscow, Russia), Associate Research Fellow

SOUL AS A FORM OF BODY IN ALEXANDER OF APHRODISIAS*

In this paper I discuss the problem of unity of living being in Alexander of Aphrodisias, which is primarily understood as a problem of the soul and body relation. Aristotle defines soul as a form and the first actuality of a natural body, which has life potentially, but the commentators of Aristotle interpret this definition in different ways. I will consider the Alexander's conception of the soul and body relation and his definition of soul as $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ and $\xi\xi\iota\varsigma$ in the context of his *De Anima*, *Quaestiones* and *Commentary on Metaphysics*.

Keywords: Alexander of Aphrodisias, Aristotle, soul, form, dynamis, nature, life, organic body

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00094 "Mind, Soul and Body Relations in Late Ancient Commentaries on Aristotle."

СОБОЛЬНИКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия), доцент; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ИДЕИ ПЛАТОНОВСКОГО «ПАРМЕНИДА» В ХРИСТИАНСКОМ МИСТИЦИЗМЕ

Античный неоплатонизм получил свою концептуализацию и диалектическое развитие благодаря углубленной работе мысли над комментариями к диалогу Платона «Парменид», что оказало существенное влияние на логические и общеполитические размышления не только неоплатоников, но и последователей Плотина в позднесредневековой философии и мистике. В этой связи, представляется актуальным исследование специфики философской интерпретации данного диалога «Парменид» в христианском неоплатонизме XIV века на примере мистики Майстера Экхарта. Экхарт, изучая процесс разворачивания единого в «ином» и диалектику их взаимного определения, формулирует систему «логических критериев» для описания мистического опыта в христианстве. В мистике Экхарта апофатический (отрицательный) и катафатический (положительный) методы глубоко отличны от традиционных методов познания Бога восточного и западного христианства, согласно которым у Бога нет имени, когда он пребывает в себе, и у Бога много имен, когда он выступает вовне, в виде действий, как Промысел Божий. Гипотеза Платона: «если нет единого, то ничего нет» (ἐν εἰ μὴ ἔστιν, οὐδὲν ἔστιν) в мистике Экхарта приобретает другое значение: «если нет Бога, то нет ничего» (Si deus non est, nihil est). Экхарт придает огромное значение сочинениям Дионисия Ареопагита, а через них — философии Прокла и Платона, что проявляется в близости тем, мотивов и интуиций философской интерпретации мистического опыта в пределах христианского неоплатонизма позднего Средневековья, что обуславливает восприятие

платоновского диалога «Парменид» как основу *mistica theoria Platonis*.

Ключевые слова: Платон, Парменид, неоплатонизм, христианский мистицизм, метафизика, диалектика, Майстер Экхарт

Новые философские темы и новая диалогическая форма наши свое отражение в диалоге Платона «Парменид», который отражает ситуацию интенсивных дискуссий и споров в Академии. Целью поиска «универсального» диалектического метода для Платона была демонстрация возможных подходов и утверждений относительно любого единого. С этой точки зрения вторую часть диалога Платона «Парменид» можно назвать «логическим скелетом возможной метафизики». Платон с помощью диалектического метода не только предложил решение вопроса о взаимосвязи отдельных категорий и необходимости взаимоперехода между ними, но и сформулировал тезис о существовании небытия. Именно такой метод описания мира идей встал в противоречие формально-логическому подходу к проблеме познания у Аристотеля, но оказался своеобразным способом философской интерпретации умопостижаемого мира для Плотина и неоплатоников.

При всем многообразии философских интерпретаций, связанных с осмыслением идей и гипотез платоновского Парменида в рамках неоплатонизма, главным положением, имеющим важное философское значение для развития и формирования позднейшей традиции христианской мистики и богословия, является идея непостижимости Бога, невозможности его познания, следовательно, апофатичности и трансцендентности по отношению к миру. В то же время, необходимость новых подходов к рассмотрению основных идей и гипотез диалога «Парменид», совершенно очевидна. В рамках таких новых подходов, возникает возможность исследования философской интерпретации идей платоновского Парменида в творчестве немецкого мистика — Майстера Экхарта, как одного из виднейших представителей поздней средневековой мысли, оказавшего непосредственное влияние

на идеи Николая Кузанского. Экхарт создает собственную «версию» отрицательного и положительного методов, распространив их не только на Бога, но и на человека.

В диалоге «Парменид» возникает гипотеза: «если нет единого, то ничего нет» (ἔν ἐὶ μὴ ἔστιν, οὐδέν ἔστιν), а в мистике М. Экхарта эта гипотеза приобретает другое значение: «если нет Бога, то нет ничего» (Si deus non est, nihil est). Таким образом, размышляя о «неведомом ему Боге» (Deus absconditus), рейнский Мастер выстраивает гипотезы о Боге и мире, которые оказываются непротиворечивыми внутри, дополняют друг друга и, одновременно, являются противоположными, хотя и не противоречат друг другу, поскольку рассматривают Бога и мир в разных отношениях.

ELENA SOBOLNIKOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Leningrad State University named after A.S. Pushkin (Saint
Petersburg, Russia), Associate Professor; North-Western
State Medical University named after I. I. Mechnikov
(Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE IDEAS OF PLATO'S PARMENIDES IN CHRISTIAN MYSTICISM

Ancient Neoplatonism received its conceptualization and dialectical development thanks to the thoughtful in-depth work on the comments to Plato's dialogue «Parmenides», which had a significant impact on the logical and general philosophical reflections not only of the Neoplatonists, but also for the followers of Plotinus in late medieval philosophy and mysticism. In this regard, it seems relevant to study the specifics of a philosophical interpretation of this dialogue «Parmenides» in the Christian Neoplatonism of the XIV century with the examples of mysticism by Meister Eckhart. Eckhart, studying the process of unfolding the One in the “other” and the dialectic of their mutual definition, formulates a system of “logical criteria” to describe the mystical experience in Christianity. In Eckhart's mysticism, the apophatic (negative) and cataphatic (positive) methods

are profoundly different from the traditional methods of knowing the God of Eastern and Western Christianity, according to which God has no name when he is in himself, and God has many names when he appears outside, in the form of actions, as the providence of God. The hypothesis of Plato: “if there is one, then nothing is” (ἐν εἰ μὴ ἔστιν, οὐδὲν ἔστιν) in Eckhart’s mysticism takes on a different meaning: “if there is no God, then nothing is” (Si deus non est, nihil est). Eckhart attaches great importance to the works of Dionysius the Areopagite, and through them to the philosophy of Proclus and Plato, which is manifested in the proximity of themes, motives and intuitions of the philosophical interpretation of mystical experience within the Christian Neoplatonism of the late Middle Ages, which causes Plato’s dialogue «Parmenides» to be perceived as the basis of *mistica theoria Platonis*.

Keywords: Plato, Parmenides, Neo-Platonism, Christian mysticism, metaphysics, dialectics, Meister Eckhart

МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), студент

РИТОРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НЕОПЛАТОНИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ

Античный комментарий — совершенно особый жанр философского текста. Он может быть составлен как на школьном (элементарном) уровне, будучи пособием, выполняющим функцию введения в то или иное произведение, в философию того или иного мыслителя или даже в философию как таковую, так и на более сложном (углубленном уровне), выступая в качестве самостоятельного, вполне оригинального произведения. В статье будут проанализированы риторические элементы некоторых неоплатонических комментаторов, таких как Ямвлих, Прокл Диадох, Дамаский и Симпликий. На примере анализа их стилистики будет выявлена функция комментария как специфического философского

жанра, обрисована метафизика того пространства, внутри которого только и становится возможным говорить о его аутентичном понимании.

Ключевые слова: неоплатонизм, античный комментарий, риторика, стилистика, философский жанр

Современная отечественная историко-философская наука представила российской читающей публике переводы и некоторый содержательный анализ комментариев таких неоплатоников, как Ямвлих, Прокл Диадох, Дамаский и Симпликий. Эти сочинения являются богатым эмпирическим материалом, демонстрирующим не только философское значение неоплатонизма, но и текстологическую функцию традиционного комментария как специфического и отдельного философского жанра, занимающего особое место в истории письменности.

Настоящий доклад представляет собой попытку прояснения формальной стороны неоплатонических комментариев, изучения как структуры письма неоплатоников, так и метафизического статуса того дискурсивного пространства, внутри которого только и становится возможным говорить об аутентичном понимании текста и его предназначения. Это положение обуславливает мое стремление рассмотреть упомянутые сочинения со стилистической стороны, как объект философии литературного жанра.

С этой целью я обращаюсь к перипатетической риторике, главным образом потому, что в аристотелевском учении она понимается не только как творческий прикладной курс, но и своими корнями углубляется в чисто метафизический раздел теории способностей. Она подразделяется на 1. учение о красоте речи и 2. теорию стиля. Учитывая то, что в своем докладе я попытаюсь раскрыть специфику неоплатонических комментариев не столько с содержательной, сколько с формальной стороны, риторика трактуется мною не как красноречие, но как стилистика.

Основным выводом доклада послужит положение, согласно которому философский комментарий является «второй

интенцией», направленной не на саму реальность, а на другое сочинение, выступающее «первой интенцией». В таком случае он наделяется дополнительной броней, защищающей его от возможного нападения неопитов и модифицирующей его до акроаматического произведения. Из этого делается вывод о тесной связи комментария и историко-философского исследования, что позволяет, в сущности, снять границы между историей и метафизикой.

VYACHESLAV MINAK, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Student

RHETORICAL ELEMENTS OF NEOPLATONIC COMMENTARIES

Antique commentary is a very special genre of philosophical text. It can be compiled both at the school (elementary) level, being a manual that performs the function of introducing into a particular work, into the philosophy of a thinker or even into philosophy as such, and on a more complex (advanced) level, acting as a self-contained, completely original work. The article will analyze the rhetorical elements of some Neoplatonic commentators, such as Iamblichus, Proclus the Successor, Damascius and Simplicius. Using the analysis of their style as an example, the function of commentary as a specific philosophical genre will be revealed, the metaphysics of that space within which it only becomes possible to talk about its authentic understanding will be outlined.

Keywords: Keywords: Neoplatonism, antique commentary, rhetoric, stylistics, philosophical genre

Contemporary Russian historical and philosophical science presented to the Russian reading public translations and some meaningful analysis of the comments of such Neoplatonists as Iamblichus, Proclus the Successor, Damascius and Simplicius. These works are rich empirical material, demonstrating not only the philosophical significance of Neoplatonism, but also the textological function of traditional commentary as a specific and

separate philosophical genre, occupying a special place in the history of writing.

This report is an attempt to clarify the formal side of Neoplatonic comments, to study not only the structure of Neoplatonist writing, but also the metaphysical status of that discursive space within which it only becomes possible to speak of an authentic understanding of the text and its purpose. This situation determines my desire to consider the mentioned works from the stylistic side, as an object of the philosophy of the literary genre.

To this end, I turn to peripathetic rhetoric, mainly because in Aristotelian philosophy it's understood not only as a creative applied discourse, but also goes deep into the purely metaphysical branch of the theory of abilities. It's divided into 1. the doctrine of methods of persuasion and 2. theory of style. Considering that in my report I will try to reveal the specifics of Neoplatonic comments not so much from the content as from the formal side, I interpret the rhetoric not as eloquence, but as stylistics.

The main conclusion of the report will be the provision according to which philosophical commentary is the "second intention," aimed not at reality itself, but at another composition, acting as the "first intention." In this case, the commentary has additional armor that protects it from a possible attack by neophytes and modifies it to an acroamatic work. From this we conclude that there's a close connection between commentary and historical-philosophical research, which, in essence, allows us to remove the boundaries between history and metaphysics.

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

КУМРАНСКАЯ КРЕАЦИОНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И КОСМОГОНИЯ ПЛАТОНА*

Члены иудейской Кумранской общины (возникла во II в. до н. э.) выражали весьма скептическое отношение к плотскому началу в человеке, что особо отчетливо засвидетельствовано в Уставе сообщества (см., напр.: 1QS 11:20–22 = 4Qj 8–10). В то же время они крайне оптимистичны в отношении возможности вечного спасения для праведных душ, избранных Богом, — еще до их «формирования», и даже до творения Богом мироздания по созданному Им для этого Плану. В Плане также предопределено и вечное наказание для душ нечестивцев... В целом, в своем докладе автор анализирует креационистскую доктрину членов Кумранской общины, согласно которой Бог творит мироздание (в т. ч. мировое время — עולם; см., напр.: СВ-А 2:7–8) посредством Своего Знания (למד; см., напр.: 1QS 11:11; 1QНа 9:19–20) / Разума (בינה, שכל, חשב) «в соответствии» (ср.: 1QS 3:16) со Своим מחשבה/מחשבת («Мысль», «Замысел»; «План», «Схема», «Проект»). При этом особое внимание уделяется рассмотрению пассажей Устава общины (1QS) 3:15–17, 11:11, 18–20 = 4Qj 5–7 (ср. также: 1QM 13:2; 1QНа 5:6, 12:13, 19:7–8, 21(верх):7). Помимо собственно библейских истоков кумранского креационистского учения (ср., напр.: *Иер.* 10:12 = 51:15; *Притч.* 3:19–20, 8:21–31; ср. также: *Сир.* 24:3 и сл.; 11Q Psa Sirach, Sir. 51:13 и сл.) можно, на наш взгляд, обратить внимание также на следующий возможный параллелизм в космогонии Платона: согласно Ti. 28b–48e, 50c и др. (ср. также, напр.: *Лу.*, 219cd), ум (νοῦς; Ti. 39e; ср. также: 38c) вечносущего бога-демиурга, взирая на вечный, неизменный, умопостигаемый (перво)образ (τό

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349 «Скептическая традиция в античном платонизме».

παράδειγμα; «модель», «образец»), создает в соответствии с ним космос; согласно Тi. 38с, «из разума и мысли бога (ἐξ λόγου καὶ διανοίας θεοῦ)» также «родилось время». Не исключена возможность, что кумранская креационистская концепция $\text{לְבַשׁתָּמֶ / הַבְּשָׁתָּמֶ}$, вероятно, подразумевающая Божественный «План»/«Схему»/«Проект», в соответствии с которым Бог сотворил мироздание, может быть соотнесена с космогонической доктриной Платона о παράδειγμα.

Ключевые слова: кумранские рукописи, Устав кумранской общины (IQS), креационизм, Платон, космогония, космология

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair

THE QUMRAN CREATIONISTIC CONCEPT AND PLATO'S COSMOGONY*

The members of the Judaeen Qumran community (arose in the 2nd century BCE) expressed rather skeptical attitude toward fleshly component in man; this position is clearly attested, in particular, in the Community Rule (see, e. g.: IQS 11:20–22 = 4Qj 8–10). At the same time, they are very optimistic about the possibility of eternal salvation for the righteous souls — chosen by God not only before their “formation,” but also prior to the creation of the Universe by God according to His Plan; it is destined the eternal punishment for souls of the wicked in this Plan as well... The report deals with the creationist doctrine of the Qumran community members, in which God creates the Universe (including the world time — עולם; see, e. g.: CB-A 2:7–8) by His Knowledge (דעה; see e. g.: IQS 11:11; IQHa 9:19–20) / Reason (שכל, בינה) “according to” (cf.: IQS 3:16) His מחשבה/מחשבת (“Thought,” “Design;” “Plan,” “Scheme,” “Project”). At this particular attention is paid to the passages of the Community Rule

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00349 “Skeptical tradition in the ancient Platonism.”

(IQS) 3:15–17, 11:11, 18–20 = 4Qj 5–7 (cf. also: IQM 13:2; IQHa 5:6, 12:13, 19:7–8, 21(top):7). Besides Biblical sources of the Qumran creationist teaching (see, e. g.: Jer. 10:12 = 51:15; Prov. 3:19–20, 8:21–31; cf. also: Sir. 24:3f.; 11Q Psa Sirach, Sir. 51:13f.) one can pay attention to the following possible parallelism in the cosmogony of Plato: according to *Ti.* 28b–48e, 50c, etc. (see also, e. g.: *Ly.*, 219cd), reason (νοῦς; *Ti.* 39e; cf. also: 38c) of the eternal god-demiurge, looking at the everlasting, unchangeable, intelligible prototype (τὸ παράδειγμα; “model,” “image”), establishes the universe in accordance with it. According to *Ti.* 38c, “time bourn from god’s mind and thought (ἐξ λόγου καὶ διανοίας θεοῦ).” There is a possibility that the Qumran creationistic concept of the מַשְׁחָה/מַשְׁחָה — probably implying God’s “Plan”/“Scheme”/“Project,” according to which He created of the Universe, — can be correlated with Plato’s cosmogony concept of the παράδειγμα.

Keywords: Qumran manuscripts, Community Rule (IQS), creationism, Plato, cosmogony, cosmology

ДИЛАНЯН КАРИНЭ АЛЕКСАНДРОВНА,
независимый исследователь

КОСМОЛОГИЯ ПЛАТОНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ АСТРОЛОГИИ: ДОКТРИНА ДЕЛЕНИЯ КАРТЫ РОЖДЕНИЯ НА СЕКТЫ

В ходе лекции будет рассмотрена концепция *poius* в астрологическом контексте, где функции ума связаны с символизмом Солнца, света и зрением, и выражение этих понятий в теоретических моделях астрологии эллинистического периода. Задачей исследования является разбор космологических принципов, лежащих в основе философии Платона, их отражение в астрологической теории и практике, и то, как они представлены в доктрине планетарных сект: одной из важнейших астрологических концепций эллинистического периода, в редуцированном виде перешедшей в арабскую и средневековую европейскую астрологию, или деления астрологической карты на дневную и ночную. Различие

между дневным и ночным временем рождения обозначалось понятием секта (*hairesis*), или «разделение». Это различие касалось некоторых специфических астрологических техник, однако главное отличие состояло в том, что карты интерпретировались по-разному, в зависимости от того, днем или ночью родился человек. На примере анализа астрологической карты будет продемонстрировано различие в интерпретации, зависящее от дневного или ночного рождения, а также «правильного» расположения планет относительно секты карты.

Ключевые слова: космология Платона, эллинистическая астрология, судьба, секта гороскопа

Платон описывает устройство космоса, главным образом, в двух диалогах: «Тимей» и «Государство», где особое место занимает «Миф об Эре». В контексте этих диалогов будет рассмотрена платоновская космологическая модель и ее связь с картой рождения человека. Нами будут рассмотрены два типа астрономического движения, описанные в диалоге «Тимей»: движение Единого и Иного, их специфика и отражение в карте рождения. Фирмик Матерн (IV в.) и Веттий Валент (120-175) утверждают, что знание планетарных движений позволяло астрологу предвидеть возможности судьбы: *hetarmene* и *apanke* представляли неизбежные законы физического существования, в то время как только *tuhe*, или случай был непредсказуем, и, если так, то предвидение, или *pronoia* давало способность чувствовать будущее и вести переговоры с ним.

Кардинальный принцип космологии Платона утверждал, что каждый человек был ответственен за свои действия; ключ к пониманию этой ответственности, находился в преодолении *agnōia* или невежества. В этом процессе особое место отводится понятию *nous*, или ум, который, согласно Платону, является царем неба и земли, устрояет все, достойно зрелища мирового порядка — Солнца, Луны, звезд и всего круговращения небесного свода.

В ходе лекции будет рассмотрена концепция *nous* в астрологическом контексте, где функции ума связаны

с символизмом Солнца, света и зрением, и выражение этих понятий в теоретических моделях астрологии эллинистического периода.

Задачей исследования является разбор космологических принципов, лежащих в основе философии Платона, их отражение в астрологической теории и практике, и то, как они представлены в доктрине планетарных сект: одной из важнейших астрологических концепций эллинистического периода, в редуцированном виде перешедшей в арабскую и средневековую европейскую астрологию, или деления астрологической карты на дневную и ночную. Различие между дневным и ночным временем рождения обозначалось понятием секта (*hairesis*), или «разделение». Это различие касалось некоторых специфических астрологических техник, однако главное отличие состояло в том, что карты интерпретировались по-разному, в зависимости от того, днем или ночью родился человек. На примере анализа астрологической карты будет продемонстрировано различие в интерпретации, зависящее от дневного или ночного рождения, а также «правильного» расположения планет относительно секты карты.

KARINE DILANIAN, Independent scholar

**PLATO'S COSMOLOGY AND ITS REFLECTION IN THE
THEORY AND PRACTICE OF HELLENISTIC ASTROLOGY:
THE DOCTRINE OF HOROSCOPE SECT DIVISION**

In the course of the lecture, the concept of nous in the astrological context will be discussed, the functions of mind that associated with the Sun symbolism, light and vision, and the expression of these concepts in the theoretical models of Hellenistic astrology. The aim of the study is to consider the cosmological principles that underpin Plato's philosophy, their reflection in astrological theory and practice, and their representation in the doctrine of planetary sect division. The doctrine of division of the astrological chart into diurnal and nocturnal was one of the most important astrological concepts of the Hellenistic period, which in a reduced

form passed to Arabic and medieval European astrology. The difference between diurnal and nocturnal birth times expressed in the concept of a sect — *hairesis*, which means “division.” This difference applied to some specific astrological techniques, but the main feature was that the charts were interpreted differently, depending on whether a person was born during day or night. Using the example of an analysis of an astrological chart, the difference in interpretation, depending on the day or night division, will be demonstrated as well as the “correct” location of the planets in relation to the sect of the chart.

Keywords: Plato’ cosmology, Hellenistic astrology, fate, sect of a horoscope

Plato described the structure of cosmos mainly in his two most important dialogues: *the Timaeus* and *the Republic*. We will consider Plato’s cosmological model in the context of these dialogues and its relationship to the natal birth chart. We will observe two types of astronomical movements described in the “Timaeus”: the movement of the *Same* and of the *Other*, their features and reflection in the birth chart.

Firmicus Maternus (IV century) and Vettius Valence (120-175) argued that knowledge of planetary movements allowed astrologer to foresee the possibilities of fate: *hemarmene* and *ananke* that represented the inevitable laws of physical existence, while only *tuhe*, or chance was unpredictable and, thus, foresight, or *pronoia* gave the ability to see the future and negotiate with it.

In the course of the lecture, the concept of nous in the astrological context will be discussed, the functions of mind that associated with the Sun symbolism, light and vision, and the expression of these concepts in the theoretical models of Hellenistic astrology.

The aim of the study is to consider the cosmological principles that underpin Plato’s philosophy, their reflection in astrological theory and practice, and their representation in the doctrine of planetary sect division. The doctrine of division of the astrological chart into diurnal and nocturnal was one of the most important astrological concepts of the Hellenistic period, which in a reduced

form passed to Arabic and medieval European astrology. The difference between diurnal and nocturnal birth times expressed in the concept of a sect — *hairesis*, which means “division.” This difference applied to some specific astrological techniques, but the main feature was that the charts were interpreted differently, depending on whether a person was born during day or night. Using the example of an analysis of an astrological chart, the difference in interpretation, depending on the day or night division, will be demonstrated as well as the “correct” location of the planets in relation to the sect of the chart.

СЕКЦИЯ II: «ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»

Бирюков Дмитрий Сергеевич, доктор философских наук;
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук (Новосибирск, Россия),
ассоциированный научный сотрудник; Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник

ПРЕДПОЧИТАЕТ ЛИ ВИЗАНТИНО-СЛАВЯНСКИЙ МИР ПЛАТОНИЗМ? ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И КОНТЕКСТА НАРРАТИВА О ВИЗАНТИИ У ИВАНА КИРЕЕВСКОГО*

В моих предыдущих исследованиях я выделил линии понимания философского статуса паламизма и византийской ортодоксальной доктрины как таковой в русской мысли конца XIX — начала XX вв. Одна из них, проводившаяся кружком П.А. Флоренского и ставшая очень влиятельной в XX в., связывала византийскую ортодоксальную доктрину с платонизмом. В докладе я рассмотрю предысторию этой линии в русской мысли XIX в. На мой взгляд, эта линия берет свое начало в русской мысли XIX в. от славянофильского историософского учения И. В. Киреевского, выраженного, в первую очередь, в его статье «О характере просвещения Европы в его отношении к просвещению в России», где Киреевский противопоставляет философию Платона, как более цельную, философии Аристотеля, как более формальной, рациональной и внешней, и утверждает,

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

что византийские христианские мыслители, и особенно жившие после разделения Церквей, предпочитали платоновскую философию аристотелевской.

Ключевые слова: Иван Киреевский, Византия, паламитизм, Варлаам Калабрийский, Т. Грановский

Внимательно читая сочинение Киреевского «О характере просвещения Европы в его отношении к просвещению в России», можно обнаружить, что это представление в историософии Киреевского находится в связи с темой византийского просвещения Запада. Действительно, согласно Киреевскому именно византийское просвещение (сейчас мы сказали бы «византийская философия») являет собой совершенный вид познания, которым, как считает мыслитель, должно быть полностью проникнуто российское общество (можно сказать, что Византия выступает у Киреевского в качестве «идеального Я» для России) и которым, в модусе чаемого (хотя и маловероятного), может быть проникнуто общество западное. Попытки этого проникновения византийского просвещения на Запад, по Киреевскому, происходили и ранее. В связи с этим мыслитель упоминает 1) влияние, которое оказали греки, оказавшись на Западе после захвата турками Константинополя в XV в. и разрушившие (по мнению Киреевского) построенную на учении Аристотеля схоластику, и 2) паламитские споры XIV в., в результате которых оппонент Паламы Варлаам Калабрийский (по Киреевскому, сам зараженный западным рационалистическим духом) оказался на Западе и просвещал итальянских гуманистов. Здесь мы встречаем одно из редчайших упоминаний в русской литературе первой половины-середины XIX в. паламитских споров, которые еще не вошли в узус русской литературы того времени как светской, так и религиозной. Я задался вопросом о том, каковы источники тех немногих сведений Киреевского о паламитских спорах, которые он высказывает, и каков контекст его высказываний о византийском просвещении и платонизме. Мои исследования показали, что вероятным источником Киреевского о паламитских спорах является популярное

в то время в его кругах (и оказавшее значительное влияние на последующую культуру) исследование Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», дающее общую канву споров и повествующее о дальнейшей судьбе Варлаама в Италии. Что касается высказываний Киреевского о византийском просвещении и его вкладе в образованность на Западе, то, согласно моим исследованиям, их полемический контекст связан с «Лекциями по истории Средневековья» Т.Н. Грановского и проводимой в них позиции, нивелирующей этот вклад. В плане же привязывания византийского просвещения к платонизму, то здесь я нахожу контекст в учении Ф. Баадера и платонизме раннего С.С. Уварова, выраженного, в частности, в его проекте «Азиатской академии».

DMITRY BIRIUKOV, DSc in Philosophy; Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Associate Research Fellow; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Associate Research Fellow

**DOES THE BYZANTINE-SLAVIC WORLD PREFER
PLATONISM? A RESEARCH OF SOURCES AND CONTEXT OF
IVAN KIREYEVSKY'S NARRATIVE ABOUT BYZANTIUM***

In my previous research, I have identified two lines of interpretation of the philosophical status of Palamism and the Byzantine Orthodox doctrine as such in Russian thought of the late 19th — early 20th centuries. One of them, conducted by the circle of Pavel Florensky and became very influential in the XX century, linked the Byzantine Orthodox doctrine with Platonism. In this report I will examine the prehistory of this line in Russian thought in the 19th century. In my opinion, this line originates in the Russian thought of the 19th century from the Slavophil historiosophical teaching of Ivan Kireyevsky, expressed primarily in his article “On

* This research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project 20-68-46021, “Slavophilism in Its Religious and Philosophical Connexions: 1836-1917.”

the nature of the Enlightenment of Europe in Its Relation to the Enlightenment in Russia,” where Kireyevsky contrasts the philosophy of Plato, as more entire, with the philosophy of Aristotle as more formal, rational and external, and claims that the Byzantine Christian thinkers, and especially those who lived after the division of the Churches, preferred Platonic philosophy to Aristotelian one.

Keywords: Ivan Kireyevsky, Byzantium, Palamism, Barlaam of Calabria, T. Granovsky

Carefully reading Kireyevsky’s article “On the nature of the Enlightenment of Europe in Its Relation to the Enlightenment in Russia,” we can find that this idea is in a connection with the topic of the Byzantine enlightenment of the West. Indeed, according to Kireyevsky, it is the Byzantine enlightenment (now we would say “Byzantine philosophy”) what is a perfect kind of knowledge, which, according to the thinker, should completely penetrate the Russian society and which, in a mode that is expected (although unlikely), can penetrate the Western society as well. Attempts of this penetration of the Byzantine enlightenment to the West, according to Kireyevsky, occurred earlier. In this relation, the thinker discusses 1) the impact which the Greeks made in the West after the capture of Constantinople by the Turks; it destroyed (according to Kireyevsky) the Aristotelian Western scholasticism; and 2) the Palamite controversy of the 14 century in the result of which Barlaam the Calabrian (for Kireyevsky, he was infected by the Western rationalistic spirit) went to the West and educated the Italian humanists. I wonder what are the sources of Kireyevsky’s information on the Palamite controversies, and what is the context of his statements about the connection of the Byzantine enlightenment with Platonism. My research has shown that the likely source of Kireyevsky’s account of the Palamite controversies is Edward Gibbon’s book “The History of the Decline and Fall of the Roman Empire,” which gives a general outline of the controversies and tells about the fate of Barlaam in Italy. As for Kireyevsky’s views about the Byzantine enlightenment and its contribution to the education of the West, according to my research, its polemical context is connected with Timofey

Granovsky's "Lectures on the History of the Middle Ages" and the position held there which denies this contribution. Regarding the linking the Byzantine enlightenment with Platonism, I find the context of this in the teachings of Franz Xaver von Baader and the Platonism of the early Sergey Uvarov, expressed, in particular, in his project of "Asian Academy."

Шиян Анна Александровна, кандидат философских наук;
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия), доцент; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия), старший научный сотрудник

АПЕЛЛЯЦИЯ К ПЛАТОНУ КАК СПОСОБ ОБОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ГУСТАВОМ ШПЕТОМ

В тезисах рассматривается понимание платоновской традиции в философии Густава Шпета. Для Шпета Платон олицетворял позитивную философию, которая отвечает на вопрос, что существуют. Являясь продолжателем феноменологии Гуссерля в России, Шпет относит его философию к платонизму. Однако, критикуя Гуссерля за его толкование смыслов (сущностей), Шпет вводит собственные понимания смысла вещей и подлинной действительности.

Ключевые слова: Смысл, сущность, платонизм, действительность, Платон, Шпет, Гуссерль

Густав Густавович Шпет относил себя к продолжателям платоновской линии в истории философии. Платоновскую традицию он понимает как олицетворение позитивной философии, которая дает положительный ответ на вопрос, что существует [2, с. 38–41]. Эту традицию Шпет противопоставляет негативной философии, которая вопрос о существовании подменяет рассмотрением проблем познания. Эта линия в истории философии, с точки зрения Шпета, начинается с Канта.

Свою главную философскую задачу Шпет видит в нахождении и описании подлинной действительности, и именно в этом он считает себя продолжателем великого дела Платона. Шпет особо подчеркивает важность разделения бытие эмпирическое и идеальное, которое он увидел у Платона, и приветствует провозглашенный Платоном приоритет идеального бытия.

Как продолжение платоновской традиции Шпет рассматривает феноменологию Гуссерля [3].

Шпету импонирует, что Гуссерль, вводя в *первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»* различие эмпирического и идеального бытия, объявляет феноменологию наукой о сущностях.

Однако в случае усмотрения сущностей вещей окружающего мира русский философ выступает критиком Гуссерля. Шпет отождествляет гуссерлевское понятие смысла с сущностью вещи и объявляет смысл Гуссерля пустой формой, не схватывающей существо вещи в социальном мире.

В последней главе «Явления и смысла» и своих более поздних работах Шпет развивает собственное понимание смысла (сущности), отходя от его понимания как платоновской вневременной сущности вещи, и рассматривает смысл как выраженную в языке идею функционирования вещи в социальном контексте данной эпохи. Более того, для Шпета именно социальная действительность, в которой снимается дихотомия «идеальное — эмпирическое» является для Шпета подлинной действительностью.

Это отвержение Шпета идеального мира сущностей-эйдесов, однако, не означает его разрыв с Платонизмом. Эйдосы, или идеи, его теперь интересуют исключительно с учетом их осуществления [1, с. 224] в конкретном социально-культурном контексте. Мы считаем, эти смысловые культурно-социальные контексты и являются подлинной действительностью для Шпета, и именно их исследованию посвящено все его творчество.

В завершении, можно смело утверждать, что Шпет в своем творчестве следует платонизму в самом широком

смысле этого слова, как тренду на исследование подлинной действительности.

Литература

1. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1991. М., 1991.
2. Шпет Г. Г. Работа по философии // Начала. 1992. № 1. С. 31–50.
3. Шпет Г. Г. Явление и смысл. Томск, 1999.

ANNA SHIYAN, CSc in Philosophy; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), associate professor; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Major Research Fellow

AN APPEAL TO PLATO AS A WAY OF JUSTIFYING PHILOSOPHY BY GUSTAV SHPET

The theses consider the understanding of the Platonic tradition in the philosophy of Gustav Speth. Plato represents a positive philosophy for Speth that answers the question of what exists. As a follower of Husserl's phenomenology in Russia, Shpet relates his philosophy to Platonism. However, while criticizing Husserl for his interpretation of sens (essences), Speth introduces his own understanding of the sens of things and true reality.

Keywords: Sense, essence, Platonism, reality, Plato, Shpet, Husserl

РЯПОЛОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Шуйский
филиал Ивановского государственного университета (Шуя, Россия), аспирант

ПЛАТОНИЗМ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ АРХИМ. ФЕОФАНА (АВСЕНЕВА)

Рассматривается влияние философии платонизма на философское учение о человеке архим. Феофана (Авсенева). Философские сочинения архим. Феофана (Авсенева),

без преувеличения, могут быть отнесены к ярчайшим проявлениям философии русского платонизма в русской философской культуре первой половины XIX в. Е.И. Мирошниченко в «Очерках по истории раннего платонизма в России» отмечает, что «в Авсенева мы встречаемся не просто с восприятием некоторых идей Платона, но уже с восприятием дискурсивным, нацеленным на диалог» [1, с. 93]. Например, русский мыслитель, отмечает на страницах своего сочинения «Из записок по психологии», что душа имеет «глубочайшую потребность соединения с Единым верховным добром» [2, с. 2]. Ссылаясь на философию Аристотеля, архим. Феофан (Авсенева) указывает, что все бытие стремится к Богу, но только в человеке, как он отмечает, «восходящее влечение твари и нисходящая любовь Творца встречаются между собою» [2, с. 36]. Но поскольку «Бог необъятен, неосязаем и недостижим в существе своем» [2, с. 36], то Его совершенства открываются человеку через мир как истина, красота и добро. Человек, таким образом, может быть понят к движение к Богу, а сущностью человека является его дух, влияние которого на душу указывает ей духовную цель, оказывает на нее преобразующее и облагораживающее влияние. «Но и взаимно и божественным впечатлениям истины, красоты и добра не предназначено оставаться только в духе, а через него переходить в силы души, и через них — в глубины тела» [2, с. 38].

Ключевые слова: русский платонизм, философская антропология, человек, смерть, Киевская духовная академия, архим. Феофан (Авсенева)

Человек, по мысли архим. Феофана (Авсенева), имеет сложный, иерархически выстроенный состав, увенчанный духом, сущностью которого является непрестанное стремление к Богу. Он отмечает, что «духовное бытие в лестнице тварей является по различным степеням совершенства» [2, с. 44]: разумный дух, являющийся высшей степенью духовного бытия, животная душа, понимаемая философом как прообразование духа, растительное начало жизни

и неорганические силы земли. Безусловно, в философском учении архим. Феофана (Авсенева) явно присутствует влияние Аристотеля. С неорганическим царством у человека, как отмечает архим. Феофан (Авсенева), общий вещественный состав его тела, поскольку «тело его взято от земной персти» [2, с. 36], растительные отправления с растительным царством, а земные склонности и способности души с животными. При этом всякая высшая степень духовного бытия «не исключает, а воспринимает в себя» низшую [2, с. 45]. Таким образом, духовное бытие понимается архим. Феофаном (Авсеневым) составляющим сущность человека, потому именно в нем нужно искать причины его смертности. Как вопрошает Сократ: «А что иное пользуется телом, как не душа?» [Алкивиад 130a]. В душе человека, по мысли архим. Феофана (Авсенева), сосуществуют сила, направленная на духовное образование, и, погруженная в бессознательное состояние, сила, занятая работой по материальному образованию и сохранению тела. Потому, как отмечал философ, чтобы силы души не отнимались от тела, нужно, чтобы «разум, как царь и возница, укрощал мятежные порывы бурного пламени» [2, с. 229]. Образ разума как царя и возницы у архим. Феофана (Авсенева), вероятно, является отсылкой к учению Платона об уме. Так в диалоге «Федр» Платон описывает разум как возницу, управляющего парой крылатых коней [Федр 253d-e]. На философию архим. Феофана (Авсенева) платонизм оказал важнейшее влияние. Тем не менее, платонизм является основой вполне оригинальной и самостоятельной философской системы.

Литература

1. *Мирошниченко Е. И.* Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб.: Алетей, 2013.
2. *Феофан (Авсенева), архим.* Из записок по психологии. Киев: В Типографии Киевского Губернского Управления, 1869.

SERGEY RYAPOLOV, Shuya Branch of Ivanovo State
University (Shuya, Russia), Postgraduate

PLATONISM IN THE PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY OF ARCHIMANDRITE THEOPHAN (AVSENEV)

Philosophical writings of Archimandrite Theophan (Avsenev) can certainly be attributed to the brightest manifestations of the Russian philosophy of Platonism in Russian philosophical culture of the first half of the nineteenth century. Referring to the philosophy of Aristotle, Archimandrite Theophan (Avsenev) indicates that all being tends to God, but only in human, as he notes, the ascending attraction of being to God and the descending love of the Creator for the creation meet each other. But since God is unattainable in his being, His perfections are revealed to man through the world as truth, beauty, and goodness. Human, therefore, can be understood as a movement towards God, and the essence of man is his spirit, whose influence on the soul indicates to it a spiritual goal, exerts a transforming and ennobling influence on it.

Keywords: Russian Platonism, philosophical anthropology, human, death, Kiev Theological Academy, Archimandrite Theophan (Avsenev)

According to Archimandrite Theophan (Avsenev), the hierarchical structure of human is crowned by a spirit whose essence is an incessant striving for God. As noted by Archimandrite Theophan (Avsenev), with the inorganic kingdom, human shares the material composition of his body, the vegetable functions with the vegetable kingdom, and the earthly inclinations and abilities of the soul with the animal kingdom. At the same time, every higher degree of spiritual existence does not exclude, but takes into itself the lower. Spiritual existence is understood by Archimandrite Theophan (Avsenev) as the essence of a person. Therefore, it is in the spiritual being that we must look for the causes of human mortality. In the human soul, there is a force that is directed to spiritual education, and a force that is immersed in an unconscious state, engaged in the work of material education and preservation of the

body. Therefore, as the philosopher wrote about this, in order for the powers of the soul not to be taken away from the body, it is necessary that the mind, like a king and a charioteer, tame the rebellious gusts of a stormy flame. The image of the mind as a king and charioteer in the text of Archimandrite Theophan (Avsenev) is probably a reference to Plato's teaching about the mind. On the philosophy of Archimandrite Theophan (Avsenev) Platonism had a major influence. Nevertheless, Platonism is the foundation of a completely original and independent philosophical system.

ЛИХАЧЕВ ГЛЕБ ГЕННАДЬЕВИЧ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), магистр

ПЛАТОН В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

В данной работе мы рассмотрим, как русский философ Лев Шестов интерпретирует диалоги Платона. Главный вопрос данного исследования — как соотносится подход Льва Шестова к философии Платона с современной драматической интерпретацией.

Ключевые слова: Платон, Лев Шестов, драматическая интерпретация, русская философия, догматизм, «На весах Иова»

На наш взгляд, на сегодняшний день драматическая интерпретация диалогов Платона, которую в зарубежном платоноведении развивает, например, Дж. Пресс, а в российском И. А. Протопопова, является наиболее перспективной. В рамках этой интерпретации диалоги рассматриваются как, в некотором роде, гомогенная система, в которой философский аспект сочинений неразрывно связан с литературным. Одна из основных целей этого подхода — преодоление такого прочтения диалогов, согласно которому они являются сборником философских догм, а их автор — догматик. В рамках разработки драматической интерпретации нам кажется важным изучение того, как некоторые философы, открыто выступающие против догматизма в философии, оценивают наследие Платона. Кажется вполне уместным, что из отрицания

догматизма в философии могло родиться адогматическое прочтение Платона, однако этого не происходит. В данном докладе мы рассмотрим вопрос о том, как русский экзистенциальный философ Лев Шестов, стоявший на позициях адогматизма в философии, оценивал наследие Платона, и почему он не пришёл к отрицанию догматического прочтения древнегреческого философа. Мы обратимся к «Лекциям по истории греческой философии», а также к сочинениям «На весах Иова» и «Достоевский и Ницше», в которых фигура Платона играет важную роль. Такое исследование, на наш взгляд, должно привести к лучшему пониманию того, почему драматическая интерпретация сегодня ещё не является доминирующей. Кроме этого, мы постараемся показать, что возникновение драматической интерпретации диалогов Платона тесно связано с определенной интеллектуальной атмосферой.

GLEB LIKHACHEV, Immanuel Kant Baltic Federal
University (Kaliningrad , Russia), MA

PLATO IN THE PHILOSOPHICAL REFLECTION OF LEV SHESTOV

In this paper, we will examine how the Russian philosopher Lev Shestov interprets Plato's dialogues. The main question of this research is how Lev Shestov's approach to Plato's philosophy correlates with the modern dramatic interpretation.

Keywords: Plato, Leo Shestov, dramatic interpretation, Russian philosophy, dogmaticism, "On the scales of Job"

Today the dramatic interpretation of Plato's dialogues, which is developed in foreign Platonic studies, for example, by J. Press, and in Russian by I. A. Protopopova, is the most promising. Within this interpretation, dialogues are considered as a kind of homogeneous system, in which the philosophical aspect of the works is inextricably linked with the literary one. One of the main goals of this approach is to overcome such a reading of Plato's dialogues, according to which they are a collection of philosophical dogmas, and their author is a dogmatist. As part of the development of a dramatic

interpretation, it seems important to study how some philosophers who openly oppose dogmatism in philosophy evaluate Plato's legacy. It seems appropriate that an adogmatic reading of Plato follows from the rejection of dogmatism in philosophy, but this does not happen. In this report, we are going to examine how the Russian existential adogmatic philosopher Lev Shestov evaluated the legacy of Plato, and why he didn't come to rejection of dogmatism in the reading of the ancient Greek philosopher. We will turn to the "Lectures on the history of Greek philosophy," as well as to the works «On the scales of Job» and "Dostoevsky and Nietzsche," in which the figure of Plato plays an important role. Solving this issue will make it clear why dramatic interpretation is not yet dominant today. In addition, we will try to show that the emergence of a dramatic interpretation of Plato's dialogues is closely connected with a certain intellectual atmosphere.

ЩЕКОВА РАИСА РАВИЛЬЕВНА, кандидат философских наук, доцент, доцент

ПЛАТОНОВСКИЙ СЛЕД В ФИЛОСОФИИ УНИВЕРСАЛИЗМА Б.Н.ЧИЧЕРИНА

Философия Б. Н. Чичерина (1928–1904) — результат творческого поиска новой методологии познания в период взрывного развития естественных и гуманитарных наук в последней трети 19 века. Влияние Аристотелевской метафизики на философию Чичерина велико, но влияние Платона также существенно. В частности, это влияние можно проследить: в сфере политической философии; социальной антропологии и проблем социального равенства; в ответе на вопросы о посмертном существовании человека.

Ключевые слова: философия, методология, социальное равенство, бессмертие

Философия универсализма Б. Н. Чичерина (1828-1904) — это один из ответов на вызовы времени и новая методология познания в период взрывного развития естественных и гуманитарных наук.

Влияние Аристотелевской метафизики в построении цельной философской системы Чичерина велико. Тем не менее, влияние Платона также существенно:

В сфере политической философии. Критически осмысляя итоги Французской революции 1848 года, Чичерин отвергает демократию как наихудший способ государственного устройства („внезапные скачки в истории не приводят к устойчивости демократических учреждений“), как и Платон в свое время („демократия повинна в тех же преступлениях, что и тирания“). Чичерин отрицает теоретическое значение социализма. Известно его высказывание о Н.Г.Чернышевском „...которому суждено было помутить умы значительной части русской молодежи... Много лет пройдет, прежде нежели залечатся нанесенные им Отечеству раны“ (Воспоминания Б.Н.Ч.,1934).

В сфере социальной антропологии и проблем социального равенства.

Люди равны между собой единственно в отношении своей метафизической сущности, во всем остальном они не равны...Но именно это бесконечное разнообразие явлений, неравенство сил и положений даёт полноту бытия. ... Где же справедливость? В признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, именно так осуществляется человеческая свобода как равенство людей перед законом (Философия права, 1900).

Влияние платоновской философии присутствует и в ответе на вопросы о бессмертии. Чичерин приходит к идее *нравственного* доказательства бессмертия души „в силу действия нравственного закона единичный разум не сливается с мировым разумом, а сохраняется вечно в своей индивидуальной форме... настоящая жизнь человека является лишь первой ступенью бесконечного развития“.

Каждый выдающийся мыслитель несет в себе собственную жизненную драму. Но духовное наследие продолжает существовать в самобытной форме интеллектуального обаяния его личности, возрождающейся в его трудах.

RAISA SHCHEKOTOVA, CSc in Philosophy, Associate
Professor, Associate Professor

INFLUENCE OF PLATO'S PHILOSOPHY IN CHICHERIN'S UNIVERSALISM

The philosophy of B.N.Chicherin (1828-1904) is the result of a creative search for a new methodology of cognition during the explosive development of the natural and human sciences of the last third of the 19th century. The influence of Aristotelian metaphysics on Chicherin's philosophy is unquestionable, but the influence of Plato is also significant. In particular, this effect can be seen in the following areas: Political philosophy; social anthropology and problems of social equality; in response to questions related to the posthumous existence.

Keywords: philosophy, methodology, social equality, immortality

ДО ЕГИТО ТИНАТИН МЕРАБОВНА, Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Россия), магистр

АРХЕТИП ТРИКСТЕРА В ПЛАТОНИЗМЕ И В РУССКОМ НАРОДНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Посредством анализа архетипа Трикстера в платоновском диалоге «Пир» и в русской народной сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» выявляется общая типология в изображении сакрального опыта души двух различных культурных феноменов.

Ключевые слова: архетип, амбивалентный, Эрот, Иное, Трикстер, трансгрессия, эпифания, сакральное, профанное, медиатор, душа, бессмертие

Циклы мифов о Трикстере относятся к числу наиболее архаичных. Архетип Трикстера прослеживается в мифологии многих народов : от сказаний диких индейских племен до древнегреческих мифов. К.Кереньи прослеживает связь Трикстера с Гераклом, Гермесом, Дионисом.

Культурный герой и его комический двойник (Трикстер) — главные герои всей архаической мифологии. Эти образы носят архаически — синкретический характер, ибо они возникают задолго до религиозной и поэтической классификации. «Раздвоение на серьезного Культурного героя и его демонически-комический отрицательный вариант соответствует в религиозном плане этическому дуализму, а в поэтическом — дифференциации героического и комического».

Трикстер, нарушающий любые табу, стоит у истоков народной «смеховой культуры». В его фигуре находит воплощение «универсальный комизм», который сродни «карнавальности» — понятию, введенному М.Бахтиным, которое он определяет как главенствующий признак народной культуры.

В универсуме Платона в роли Трикстера выступает Эрот. Несмотря на то, что каждый из выступающих на пире ораторов дает ему свою неповторимую характеристику, его образ противоречив и неуловим.

Именно Платон позволяет по-новому взглянуть на персонажей русской народной сказки, открыть глубину сакрального опыта в рассматриваемой истории инициации.

Трикстер примерял различные маски, принимал всевозможные обличья, и мы до сих пор имеем возможность убедиться в исключительной жизнестойкости, активной силе этого архетипа, когда узнаем знакомые черты, его отголоски в столь далеких культурных феноменах как древнегреческие философские диалоги Платона и русский народный фольклор.

TINATIN DO EGITO, Orthodox St. Tikhon University for
Humanities (Moscow, Russia), master of religious studies

THE TRICKSTER ARCHETYPE IN PLATONISM AND IN RUSSIAN FOLKLORE

An analysis of the Trickster archetype in the Platonic dialogue “Feast” and in the Russian folk tale “The Sun, the Moon and Voron Voronovich” reveals a general typology

in the depiction of the sacred experience of the soul of two different cultural phenomena.

Keywords: archetype, ambivalent, Eros, Other, Trickster, transgression, epiphany, sacred, profane, mediator, soul, immortality

The cycles of myths about Trickster are among the most archaic. The Trickster archetype can be traced in the mythology of many nations: from the legends of wild Indian tribes to ancient Greek myths. K. Kerényi traces the connection of Trickster with Hercules, Hermes, Dionysus.

The cultural hero and his comic double (Trickster) are the main characters of all archaic mythology. These images are archaic — syncretic in nature, because they arise long before the religious and poetic classification. “The split into a serious Cultural hero and his demonic-comic negative version corresponds religiously to ethical dualism, and in the poetic — to the differentiation of heroic and comic.”

A trickster who violates any taboos is at the origins of the popular “laughter culture.” In his figure is embodied the “universal comic,” which is akin to “carnival” — the concept introduced by M. Bakhtin, which he defines as the dominant feature of folk culture.

In the universe of Plato, the role of Trickster is Eros. Despite the fact that each of the speakers at the feast gives him his own unique characterization, his image is contradictory and elusive.

It is Plato that allows us to take a fresh look at the characters of the Russian folk tale, to discover the depth of sacred experience in the history of initiation under consideration.

Trickster tried on various masks, took all kinds of guises, and we still have the opportunity to be convinced of the exceptional vitality and active power of this archetype when we recognize familiar features, its echoes in such cultural distant phenomena as the ancient Greek philosophical dialogues of Plato and Russian folklore.

БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор философских наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), ведущий научный сотрудник; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник

СОФИОЛОГИЧЕСКИЙ И НЕСОФИОЛОГИЧЕСКИЙ ПАЛАМИЗМ В КОММУНИКАЦИИ С. Н. БУЛГАКОВА И Г. В. ФЛОРОВСКОГО В 1920-Е ГГ.*

Доклад развивает предшествующие исследования автора, посвящённые путям рецепции паламизма в русской мысли начала — первой половины XX в. Здесь реконструируется исторический и интеллектуальный контекст рецепции паламизма у С. Н. Булгакова и Г. В. Флоровского, и показывается, как формировалось понимание паламизма Флоровским в контексте его полемического отталкивания от софиологии Булгакова.

Ключевые слова: паламизм, С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский, София, сущность, ипостась, ипостасность, платонизм

Доклад развивает предшествующие исследования автора, посвящённые путям рецепции паламизма в русской мысли начала — первой половины XX в. Здесь реконструируется исторический и интеллектуальный контекст рецепции паламизма у С. Н. Булгакова и Г. В. Флоровского, и показывается, как формировалось понимание паламизма Флоровским в контексте его полемического отталкивания от софиологии Булгакова.

В этой связи рассматривается софиологическая проблематика у С. Н. Булгакова и выделяется допаламитский (1910-е) и паламитский (1920-е) этапы в софиологии последнего.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

В своём фундаментальном труде «Свет Невечерний» (1917) Булгаков упоминает о Софии как о «четверной ипостаси» в Боге.

Желая смягчить это учение, в статье «Ипостась и ипостасность» (1924) Булгаков вводит понятие «ипостасности», как относящееся к Софии, и привлекает паламитское различие сущности и энергий, соотнося Софию с божественной энергией, наделяя таким образом энергию «ипостасностью». Этот ход содержит пантеистические тенденции. Также, Булгаков предлагает «формулы паламизма», предполагающие, что божественность энергий Божества иная, чем сущности.

Автор реконструирует интеллектуальный контекст этих формул и показывает их зависимость от трактовки паламизма П. А. Флоренским и С. В. Троицким (при том, что они были по разные стороны баррикад в имяславских спорах). Далее автор обращается к переписке Г. В. Флоровского с С. Н. Булгаковым 1926 г. и анализирует отражённую в ней полемику Флоровского с булгаковским софиологическим паламизмом.

Автор показывает, что в ходе этой полемики Флоровский, желая элиминировать тенденцию Булгакова к гипостазированию энергии, говорит об энергии как об акциденции. Затем автор обращается к программному сочинению Флоровского «Тварь и тварность» (1928) и показывает, что в нем предлагается новое прочтение паламизма по сравнению с трактовкой паламизма у Булгакова (и Флоренского).

В отличие от других исследователей, автор находит в этом сочинении прямую полемику с «Ипостасью и ипостасностью» Булгакова, касающуюся темы ипостасности энергии. Кроме того, Флоровский здесь пересматривает представление об энергии как акциденции и настаивает, что энергии — это тот же Бог, что и божественная сущность. Автор видит в этом новое для своего времени прочтение паламизма и первый шаг неопаламитского движения XX в.

DMITRY BIRIUKOV, DSc in Philosophy; Sociological institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), Leading Researcher; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Research Fellow

**SOPHIOLOGICAL AND NON-SOPHIOLOGICAL PALAMISM
IN THE COMMUNICATION BETWEEN SERGEI BULGAKOV
AND GEORGY FLOROVSKY IN THE 1920S***

This report develops previous studies of the author on the ways of reception of Palamism in the Russian thought of the early 20 century. Here he reconstructs the historical and intellectual context of reception of Palamism in Sergius Bulgakov and Georges Florovsky, and shows how Florovsky's understanding of Palamism was formed in the context of his polemical repulsion from Bulgakov's Sophiology.

Keywords: Palamism, Sergei Bulgakov, Georgy Florovsky, Sofia, essence, hypostasis, hypostasis, Platonism

This report reconstructs the historical and intellectual context of reception of Palamism in Sergius Bulgakov and Georges Florovsky, and shows how Florovsky's understanding of Palamism was formed in the context of his polemical repulsion from Bulgakov's Sophiology. In this regard, the author considers Bulgakov's Sophiology, and highlights Pre-Palamite (1910s) and Palamite (1920s) stages in it. In his fundamental work "The Unfading Light" (1917), Bulgakov mentions Sophia as the "fourth hypostasis" in the Godhead. In order to soften this teaching, in his article "Hypostasis and Hypostaticity" (1924) Bulgakov introduces the concept of "hypostaticity" as referring to Sofia, and introduces the Palamite distinction between essence and energies, taking Sofia as a divine *energeia*, thus endowing an *energeia* with "hypostaticity." This step contains pantheistic tendencies. Also, Bulgakov

* This research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project 18-18-00134, "The heritage of Byzantine Philosophy in the 20th and 21st century Russian and Western European philosophy."

offers the “formulas of Palamism,” suggesting that the divinity of the energies is different from one of the essence. The author reconstructs the intellectual context of these formulas and shows their dependence on the interpretation of Palamism by Pavel Florensky and Sergius Troitsky (despite the fact that they were opponents in the Name-Glorifying dispute). Next, he turns to the correspondence of Georgy Florovsky with Sergei Bulgakov in 1926, and analyzes Florovsky’s polemics with Bulgakov’s sophiological Palamism reflected in it. It is shown that in the course of this polemic, Florovsky, wishing to eliminate Bulgakov’s tendency to the hypostatizing of *energeia*, speaks of *energeia* as an accident. Then the author turns to Florovsky’s essay “Creation and Createdness” (1928) and shows that it offers a new reading of Palamism in comparison with Bulgakov’s (and Florensky’s) interpretation of it. Unlike previous researchers, the author sees in this work a direct polemic with Bulgakov’s “Hypostasis and Hypostaticity” concerning the theme of hypostaticity of *energeia*. In addition, Florovsky here revises and rejects the idea of *energeia* as an accident and insists that *energeia* is the same divine as the substance of the Godhead. The author conceives this as a new reading of Palamism for that time and the first step of the Neo-Palamite movement in the 20th century.

СЕКЦИЯ 12: «ИГРА, КОНФЛИКТ, СОПЕРНИЧЕСТВО В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ»

ТАНГЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

ЭТИОЛОГИЯ ВСЕЛЕНСКИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ, МИРОВЫХ КОНФЛИКТОВ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОЛЛИЗИЙ СОГЛАСНО УЧЕНИЮ О ДВУХ ДУХАХ И ДВУХ ПУТЯХ, ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОМУ В УСТАВЕ КУМРАНСКОЙ ОБЩИНЫ (1QS 3:13–4:26)*

Доклад посвящен анализу Учения о двух духах и двух путях, засвидетельствованному в Уставе Кумранской общины (1QS 3:13–4:26), который был создан в Иудее, вероятно, в середине II в. до н. э.; это произведение является ключевым для понимания мировоззрения членов данного сообщества. В документе выявляется «природа»/«происхождение» (תולדות) Правды (אמת; также: «Истина») и Лжи (לגוּל; также: «Кривда»), вселенских противоположностей, этиология противостояния и борьбы светлых и темных сил во вселенском масштабе, природа конфликтов между добром и злом, праведностью и нечестием. В докладе анализируются также особенности дуализма в рамках иудейского монотеизма, учения о предестинации, сотериологии и эсхатологии членов Кумранской общины.

Ключевые слова: кумранские рукописи, Устав кумранской общины (1QS), Учение о двух духах и двух путях (1QS 3:13–4:26), природа добра и зла и их борьба, вселенские противоположности, этиология конфликтов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00628 (18-00-00727 (К)).

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Chair

ETIOLOGY OF UNIVERSAL OPPOSITES, WORLD CONFLICTS AND INTERPERSONAL CONTRADICTIONS AND CONFLICTS ACCORDING TO THE TEACHING OF TWO SPIRITS AND TWO PATHS, ATTESTED IN THE QUMRAN COMMUNITY RULE (IQS 3:13–4:26)*

The report deals with the analysis of the Teaching of two spirits and two paths, attested in the Qumran Community Rule (IQS 3:13–4:26) written in Judea, probably, in the middle of the 2nd century BCE; this work is a key text for understanding of the world-view of members of the community. The author of the document tries to reveal the “nature”/“origin” (תולדות) of “the Truth” (האמת) and “the Deceit” (העור), sources of the universal opposites, etiology of struggle of the light and dark forces in the universal scale, origination of conflicts between good and evil, righteousness and wickedness. The report also analyzes some peculiarities of the Qumran dualism within the framework of the Judean monotheism, the sectarians’ predestination doctrine, their soteriology and eschatology.

Keywords: Qumran manuscripts, Community Rule (IQS), Teaching of two spirits and two paths (IQS 3:13–4:26), nature of good and evil and their struggle, universal opposites, etiology of conflicts

СВЕТАЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), директор

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РАННЕХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГЕТОВ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕГО ПЛАТОНИЗМА**

Тексты раннехристианских апологетов являются примером явной аргументативной реакции на ряд внешних и внутренних вызовов. К внутренним относятся изменение размера и структуры сообщества, усиление гетеродоксии и снижение

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-00-00628 (18-00-00727 (К)).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00628 (18-00-00727 (К)).

эсхатологических настроений. Из внешнего — с одной стороны, рост враждебности и систематических преследований со стороны Рима, с другой — специфическая атмосфера «эпохи Антонинов», эпохи императоров, проводивших хотя бы формально политику милосердия. Все это стимулировало развитие риторики в христианской литературе, особенно в контексте среднего платонизма, сыгравшего значительную роль в качестве источника для аргументативных практик, «подстегнуло» формирование жанра христианской апологии, а также специфических апологетических стратегий, в которых нашло отражение раннехристианское рациональное богословие. Важным ее элементом было формирование представлений о праведной жизни как коренном условии философской мудрости. Именно такой подход помогает, например, Иустину Философу найти способ превратить античные интеллектуальные традиции в рационально-богословский инструментарий апологетики.

Ключевые слова: средний платонизм, раннее христианство, апологетика, риторика, Иустин Философ

Гершович Ури, PhD, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

Кузютин Денис Вячеславович, кандидат физико-математических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТА ВОКРУГ ТРУДОВ МАЙМОНИДА В XIII В.*

Конфликт вокруг произведений Маймонида (которые принято трактовать как привнесение греческой философии в иудейскую традицию) в начале XIII в. является, пожалуй, наиболее крупным социальным конфликтом внутри еврейского мира Средневековья. В этот конфликт оказались втянуты почти все крупные еврейские общины Европы. Более того, на определенном этапе он, судя по всему, вышел за пределы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00727 (18-00-00725, 18-00-00628).

еврейского мира и некоторые произведения Маймонида (или их части) были преданы огню христианской инквизицией. При всей важности этих событий и оставленного ими следа в исторической памяти еврейского народа, мы не имеем их достоверного описания. Работа авторов посвящена описанию предыстории конфликта, с указанием проблематичных аспектов учения Маймонида, реконструкции произошедших событий, структурированному описанию основных характеристик конфликтного взаимодействия (участники конфликта, их стратегии и предпочтения, возможные исходы конфликта, его динамика и пр.), а также построению теоретико-игровой модели данного социального конфликта и ее исследованию методами математической теории игр. Выясняется, в частности, что большинство совершенных участниками конфликта действий укладываются в принятые в теории игр концепции оптимального поведения (различные арбитражные схемы, оптимальность по Парето, равновесие по Нэшу). Однако, отдельные действия сторон очевидно противоречат концепции «рационального поведения» (одно из базовых предположений математической теории игр), и именно эти действия привели к обострению конфликта и столь трагическому исходу.

Ключевые слова: Маймонид, социальный конфликт, философия, иудаизм, теория игр

URI GERSHOWITZ, PhD, Associate Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

DENIS KUZUYUTIN, CSc in Physics and Mathematics, Associate Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

**THE RESISTANCE TO PHILOSOPHY IN JEWISH CULTURE:
GAME-THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONFLICT AROUND
MAIMONIDES' MANUSCRIPTS IN THE 13TH CENTURY***

The Maimonidean Controversy at the beginning of the 13th century was one of the most significant conflicts in the midst of the Jewish diasporas in the Middle Ages. The conflict followed a vivid discussion on the treatises of Maimonides and his interpretation of

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-00-00727 (18-00-00725, 18-00-00628).

Judaism in the light of Greek philosophy. Almost all of major Jewish communities in Europe were drawn in this conflict. Moreover, at some point the conflict expanded outside of the Jewish world, so that some works of Maimonides were burnt by the Christian Inquisition as heretical books. Despite the significance of these events and the trace left in the memory of the Jewish people, there is not much reliable evidence about them. The authors aim to discuss the history of this conflict, focusing on the problematic aspects of the Maimonides' teaching, and to make a reconstruction of the events occurred, to provide a specification of main characteristics of the conflict interaction (the players, their strategies and preferences, possible outcomes of the conflict, conflict dynamics, etc.), to design a game-theoretical model of the social conflict under consideration and to explore this model using the methods of mathematical game theory. It turns out that the majority of the players' actions correspond to optimal behavior concepts employed in game theory (bargaining solutions, Pareto efficiency, Nash equilibria). However, some actions obviously contradict the concept of rational behavior (one of the fundamental assumptions in mathematical game theory), and namely these actions induced the conflict escalation and such a tragic outcome.

Keywords: Maimonides, Maimonidean controversy, Greek philosophy, Jewish culture, game theory

ЕВЛАМПИЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ГРОМОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА, доктор физико-математических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ИГРА КАК МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ*

Понятие игры занимает большое место в философии Гераклита: в основе мира Гераклит видит огонь, который

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00727 (К) (18-00-00725, 18-00-00628).

содержит в себе элемент игры, произвольное и бесцельное действие. Поскольку огонь — это Логос, Разум, он является основанием человеческого разума и определяет действия людей, это значит, что в поведении человека всегда есть неотъемлемый элемент игры. В понимании общества древнегреческая философия исходила из твердого убеждения в том, что его существование и временной генезис предопределен таким же строгими законами, какими управляются все природные явления и процессы. Но идея Гераклита о том, что в поведении человека присутствует элемент игры, вносит в понимание социального поведения элемент непредсказуемости и свободы, позволяющий создать более правдоподобную философскую модель общества. При этом указанный элемент непредсказуемости значим только в рамках допустимого законами и не препятствует их действию и господству над людьми и обществом. В философии XIX века Ф. Ницше обратил внимание на идею Гераклита (в ранней работе «Философия в трагическую эпоху Греции»), но понял ее как указание на элемент иррациональности в личном и социальном поведении человека; Ницше считал, что эта иррациональность противостоит социальным законам и не позволяет им полностью определять жизнь людей. В современной науке идея Гераклита получает более адекватное воплощение, поскольку моделирование социального поведения с помощью математической теории игр дает рациональное описание, в котором элемент игровой непредсказуемости индивидуального поведения оказывается совместимым с действием точных законов, определяющих коллективное поведение.

Ключевые слова: игра, Гераклит, Ницше, логос, теория игр

КУРДЫБАЙЛО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

БУЗМАКОВА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), магистрант

ДИАЛЕКТИКА ЕДИНСТВА В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АСКЕТИКЕ И ФИЛОСОФИИ НЕОПЛАТОНИЗМА*

Одна из характерных черт раннехристианского монашества III–IV вв. — объяснение необходимости ведения аскетического образа жизни стремлением к полному внутреннему единству человеческой души. Это единство, вместе с целостностью и простотой, противопоставляются многообразию, раздробленности и «пестроте» общественной, «мирской» жизни. Нетрудно заметить, что диалектика единого–много, простого–сложного или общего–частного, прослеживающаяся в аскетических текстах изучаемого периода, близка в своих формулировках к аналогичным антиномиям, разрабатывавшимся в античном неоплатонизме, начиная с Плотина, продолжая Ямвлихом и Проклом. С другой стороны, тема единства–множества была актуальна ещё во времена элеатов и пифагорейцев. В предлагаемом исследовании ставится вопрос о возможных путях развития диалектики единства–множества на пути от метафизики к аскетике.

Ключевые слова: раннехристианское монашество, аскетика, неоплатонизм, Плотин, единство, множество

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00628 (18-00-00727 (К)).

DMITRY KURDYBAYLO, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Researcher; Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), Major Research Fellow

OKSANA BUZMAKOVA, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), MA student

EARLY CHRISTIAN ASCETICISM AND NEOPLATONISM ON THE DIALECTICS OF UNITY*

Christian ascetic writings of the 3rd–4th centuries contain several arguments supporting the significance of monasticism. One of the strongest objectives is bringing the ascetic's life to the utmost inner and outer unity. This unity implies simplicity and wholeness of the soul and the way of life, which are opposed to multiplicity and diversity of public, “mundane” way of life. Such antinomic pairs as one — multiple, simple — composite, common — particular, are found both in ascetic writings of the studied period and in Neoplatonists' works, such as of Plotinus, Iamblichus, and Proclus. On the other hand, the dialectics of unity and multiplicity was popular since the times of Eleatic and Pythagorean philosophers. In our study, we discuss the possible historical development of this dialectics on the way from metaphysics to ascetics.

Keywords: early Christianity, monasticism, ascetics, Neoplatonism, Plotinus, unity, multiplicity

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 18-00-00628 (18-00-00727 (K)).

**ЗАВЕРШАЮЩЕЕ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

ДОРОФЕЕВ ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ, доктор философских наук,
профессор; Санкт-Петербургский горный университет
(Санкт-Петербург, Россия), профессор

**РИТОРИКА ОБРАЗА: ПЛАТОН В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЖИВОПИСИ***

Тема доклада отсылает к статье Р. Барта 1964 г., где осуществляется структурно-семиотический анализ визуального образа. Доклад посвящен новому рассмотрению диалогических отношений между визуальным и нарративным внутри воспринимаемого образа (прежде всего человека) и обоснованию увеличившейся суверенности визуального начала. Материалом исследования являются образы Платона и в целом античных философов в средневековых православных церквях Греции, Южной Буковины, Болгарии. Особенный акцент будет сделан на анализе визуального образа Платона в древнерусских соборах XVI-XVII вв.

Ключевые слова: Платон, визуальный образ, иконография античных философов, средневековая православная живопись и храмы, язык и образ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре».

DANIIL DOROFEEV, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), Professor

RHETORIC OF THE IMAGE: PLATO IN MEDIEVAL ORTHODOX PAINTING*

The topic of the report refers to an article by R. Bart in 1964, where structural-semiotic analysis of a visual image is carried out. The report is devoted to a new consideration of the dialogical relations between the visual and the narrative inside the perceived image (primarily of the person) and the justification of the increased sovereignty of the visual principle. The material of the study is the images of Plato and, in general, ancient philosophers in the medieval Orthodox churches of Greece, Southern Bukovina, and Bulgaria. Particular emphasis will be placed on the analysis of the visual image of Plato in ancient Russian cathedrals of the 16–17th centuries.

Keywords: Plato, visual image, iconography of ancient philosophers, medieval Orthodox painting and temples, language and image

АВАНЕСОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия), заведующий кафедрой

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ РИТОРИКА У ПАРМЕНИДА**

Главным контекстом поэмы Парменида является религиозно-мифический (или мистически-визионерский) контекст, обусловивший собой не только сюжет и содержание текста, но и его жанровую форму. При этом, однако, в тексте поэмы обнаруживается

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00385a “The iconography of ancient and medieval philosophers in Orthodox churches: the specificity of the visual representation of man in Russian culture.”

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00124 «Философская автобиография как метод антропологической навигации».

наличие неявного, но поддающегося реконструкции реалистического (буквального) смысла, отсылающего к конкретной биографии человека по имени Парменид. Демонстрируется актуальность биографических коннотаций мысли Парменида для философского осмысления сути человеческого бытия в целом.

Ключевые слова: античная философия, досократики, Парменид, философская автобиография, антропология, визуальный опыт

Поэма Парменида написана от первого лица и может быть интерпретирована как пример автобиографического сочинения. Однако этот тезис порождает герменевтические дилеммы и потому требует ряда уточнений.

Во-первых, кто является субъектом («я») повествования: Парменид как автор поэмы и конкретное лицо с конкретной биографией или вымышленный персонаж, который, к тому же, ещё и говорит не своими словами? Можно ли вообще различить здесь автора и героя? И насколько в этой связи сам Парменид отвечает за содержание поэмы?

Во-вторых, уже в первой строке проэпия мы как будто встречаем признак некоего внутреннего «раздвоения» автора (или его героя): лошади несут «меня» по пути предельных достижений «духа». Кто же «несётся» по этому пути: сам рассказчик или его $\theta\upsilon\mu\omicron\varsigma$?

Третья дилемма: если по «пути» движется «знающий муж», то совершенно неясными выглядят цель и смысл этого путешествия: знающему мужу не надо двигаться к знанию.

В-четвёртых: поэма написана Парменидом в зрелом возрасте, но его персонаж именуется «юношей».

Наконец, сам способ передачи знания Пармениду вызывает ряд вопросов, требующих интерпретации. Почему в отношении руководства философом в его восхождении к истине Мойра и Дике прямо противопоставлены друг другу? Вероятно, в этом месте «эпоса» речь идёт не о персонифицированных «законе» и «правде», а о законе и правде (правосудии) в прямом смысле. Если это так, то смысл данного фрагмента

таков: Парменид был приведён к воротам не незаслуженно (то есть не по слепой и потому «злой» воле Мойры), но именно за то, что он был справедливым законодателем и потому заслужил высшее знание своей практической приверженностью правде.

Простой вопрос о субъекте онтологического знания у Парменида открывает для нас чрезвычайную сложность и многоплановость теоретической «оптики» поэмы, которая колеблется от мистической (мифопоэтической) до реалистической, автобиографической.

SERGEY AVANESOV, DSc in Philosophy, Professor;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia), Head of Chair

PARMENIDES AUTOBIOGRAPHICAL RHETORIC*

The main context of Parmenides' poem is a religious-mythical (or mystical-visionary) context, which determined not only the plot and content of the text, but also its genre form. At the same time, however, the text of the poem reveals the presence of an implicit but reconstructable realistic (literal) meaning, referring to a specific biography of a person named Parmenides. The relevance of the biographical connotations of Parmenides thought to philosophical understanding of the essence of human life as a whole is demonstrated.

Keywords: ancient philosophy, pre-Socratics, Parmenides, philosophical autobiography, anthropology, visual experience

Parmenides' poem is written in the first person and can be interpreted as an example of an autobiographical composition.

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00124 "Philosophical autobiography as a method of anthropological navigation."

However, this thesis gives rise to hermeneutic dilemmas and therefore requires some refinement.

Firstly, who is the subject of the story: Parmenides as the author of a poem and a specific person with a specific biography or a fictional character who, moreover, does not speak his own words? Is it possible to distinguish between the author and the hero here? And how much is Parmenides himself responsible for the content of the poem?

Secondly, already in the first line of the introduction to the poem, we seem to meet a sign of some kind of internal “bifurcation” of the author (or his hero): the horses carry “me” along the path to the ultimate achievements of the “spirit.” Who is moving along this path: the narrator himself or his *θυμὸς*?

The third dilemma: if a “knowing person” moves along the “path,” then the purpose and meaning of this journey look completely unclear: the knowing person does not need to move towards knowledge.

Fourth: the poem was written by Parmenides when he was already an adult, but his character is called a “youth.”

Finally, the very method of transferring knowledge to Parmenides raises a number of questions that require interpretation. Why are Moira and Dicke directly opposed to each other in describing the philosopher’s ascent to the truth? Probably, in this place of the “epic” we are not talking about personified “law” and “truth,” but about law and truth (justice) in the literal sense. If this is so, then the meaning of this fragment is as follows: Parmenides was brought to the gates not by chance (that is, not according to Moira’s blind and “evil” will), but precisely because he was a fair legislator and earned the highest knowledge thanks to his practical commitment to the truth.

A simple question about the subject of ontological knowledge in Parmenides opens for us the extreme complexity and versatility of the theoretical “optics” of the poem, which ranges from mystical to autobiographical optics.

ПАНТЕЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

КУЛИШОВА ОКСАНА ВИКТОРОВНА, доктор исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ХРИСТИАНСКИЕ МУЧЕНИКИ В МИРЕ ВТОРОЙ СОФИСТИКИ: РИТОРИКА И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ*

Цель доклада — проанализировать феномен раннехристианского мученичества в контексте движения Второй софистики (II–III вв.). Знаменитые софисты и образованные христиане были современниками, они были воспитаны той же самой античной культурой. В стремлении доказать истину своих взглядов на мир и божество и продемонстрировать превосходство своей культуры и стоящей за ней традиции христиане часто пользовались идеями и практиками, заимствованными из арсенала Второй софистики.

Ключевые слова: Раннее христианство, Вторая софистика, Римская империя

Знаменитые софисты и образованные христиане были современниками, они были воспитаны той же самой античной культурой. Стремясь доказать истину своих взглядов на мир и божество и продемонстрировать превосходство своей культуры и стоящей за ней традиции, христиане часто пользовались идеями и практиками, заимствованными из арсенала Второй софистики. Мы можем видеть проявления этого не только в апологических и теологических сочинениях, но и в текстах мученичеств. Наиболее здесь интересны случаи Поликарпа, Аполлония и Пиония.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00455 «Античные основы современной зрелищной культуры: визуализация и перформанс в религии и политике».

Епископ Поликарп пострадал в Смирне во втор. пол. 150-х гг. Он не произносит развернутой речи на суде, но в описании его поведения мы находим параллели с описаниями знаменитых софистов Флавием Филостратом и другими авторами. Конечно, рассказ о Поликарпе ориентируется на новозаветную традицию о Страстях Господних, мученик подражал Христу, а не Полемону и другим софистам, но он, его паства и толпа зрителей жили в мире Второй софистики, и отмеченные параллели вряд ли случайны. Мы полагаем, что здесь сознательно изображается столкновение мира языческой культуры и христианства. События, описываемые в «Мученичестве Аполлония», произошли в Риме между 183 и 185 г. Во время судебного процесса христианин произнес две речи в защиту своих взглядов (Mart. Apoll., 4–9; 14–42); они прагматичны, демонстрируя готовность к компромиссу, но не ценой своих убеждений. Речи Аполлония отличает большая эрудиция и тщательная риторическая отделка. Он знаком с Гераклитом, Платоном, Аристотелем, стоиками, в его речах проскальзывают аллюзии на Геродота, Диодора Сицилийского и Еврипида. Аполлоний пользуется своими знаниями не для того, чтобы произвести впечатление на слушателей, а чтобы сформулировать основные положения своей веры так, чтобы их изложение было приемлемо для образованного язычника.

Пресвитера смирнской церкви Пиония казнили в 250 г. Он произнес две речи (Mart. Pionii., 4; 12–14). Его речи сопоставимы с произведениями античных авторов по красноречию, эрудиции и общему духу культуры, но при этом Пионий ориентируется не на античные образцы, а выбирает свой путь, ведущий к возникновению и становлению той ветви христианской риторики, что основана на парадоксе, мраке, притчах, откровениях и пророчествах.

ALEKSEY PANTELEEV, CSc in History, Associate
Professor; St Petersburg State University (Saint
Petersburg, Russia), Associate Professor

OKSANA KULISHOVA, DSc in History, Associate
Professor; St Petersburg State University (Saint
Petersburg, Russia), Professor

CHRISTIAN MARTYRS IN THE WORLD OF THE SECOND SOPHISTIC: RHETORIC AND PERFORMATIVE PRACTICES*

Our goal is to analyze the phenomenon of early Christian martyrdom in the context of the Second Sophistic movement (2nd–3rd centuries). Famous sophists and Christian intellectuals were contemporaries, and they were educated by the same teachers. When Christians efforted to prove the truth of their views on the world and the deity and to demonstrate the superiority of their culture and their own tradition, they often used ideas and methods borrowed from the arsenal of Second sophistic.

Keywords: Early Christianity, Second Sophistic, Roman Empire

Famous sophists and educated Christians were contemporaries, they were learned by the ancient culture. In an effort to prove the truth of their views on the world and deity and to demonstrate the superiority of their culture and the their tradition, Christians often used ideas and practices borrowed from the arsenal of Second Sophistic. We can see it not only in apologetic and theological writings, but also in martyrdoms. The most interesting cases are Polycarp, Apollonius, and Pionius.

Bishop Polycarp suffered in Smyrna during the second half of the 150s. He didn't make an extensive speech at the trial, but in the description of his behavior we find many parallels with description of the famous sophists by Flavius Philostratus and other authors. The story of Polycarp's death is based on the new Testament

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No 20-09-00455 "Ancient foundations of modern spectacle culture: visualization and performance in religion and politics."

tradition of the Lord's Passion, and the martyr imitated Chris but he, his flock, and spectators lived in the world of Second Sophistic, and these parallels were noted. We believe that the conflict between the world of pagan culture and Christianity is depicted here, and contemporary readers were well aware of this confrontation. The events described in the 'Martyrdom of Apollonius' took place in Rome between 183 and 185. The speeches of Apollonius were distinguished by great erudition and careful rhetorical finishing. He was familiar with Heraclitus, Plato, Aristotle, the Stoics, and his speeches contained allusions to Herodotus, Diodorus Siculus, and Euripides. Apollonius used his knowledge not to impress his hearers, but to formulate the main ideas of his faith in a way that is acceptable to an educated pagan.

Pionius, the presbyter of the Church of Smyrna, was executed in 250; he made two speeches (Mart. Pionii., 4; 12-14). His speeches are comparable to the works of ancient authors in eloquence, erudition, and the General spirit of culture. But Pionius was not guided by antique samples. He chose his own way that lead to the emergence and formation of the branch of Christian rhetoric that is based on paradoxes, darkness, parables, revelations and prophecies.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пленарное заседание	5
Секция 1: «Риторика, политика, образование»	13
Секция 2: «Платоновский Сократ в контексте античной риторики»	23
Секция 3: «Риторика в контексте текстологических исследований»	49
Секция 4: «Риторика, город, память»	59
Секция 5 «Новые горизонты исследования: Платон, метафизика, риторика, словесность»	66
Секция 6: «Богословие, метафора, логика и риторика в средневековом платонизме»	83
Секция 7: «Риторика и платонизм в литературоведении»	124
Секция 8: «Платонизм и философия XIX–XXI вв.»	137
Секция 9: «Риторика Возрождения и Нового времени»	157
Секция 10: «Риторика и платонизм в поздней античности»	169
Секция 11: «Платоническая традиция в истории русской философии»	195
Секция 12: «Игра, конфликт, соперничество в античной традиции»	216
Завершающее пленарное заседание	224

Научное издание

**XXVIII научная конференция
«Универсум Платоновской мысли»:
«Платон и риторика»
Санкт-Петербург, 25–26 июня 2020 г.**

Тезисы докладов

Художник *О. Курта*
Верстка *Д. Курдыбайло*

Подписано в печать 22.10.2020
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Бум. офсетная
Усл. печ. л. 14,5

МОО Платоновское философское общество
Тел.: (812) 310–79–29; +7(981) 699-6595;
e-mail: 9450922@gmail.com